

18+

А. Гасанов

240

Примерно двести сорок с чем-то рассказов.
Часть 1

ИСТОРИИ
О ЖИЗНИ,
ПРО ЖИЗНЬ
И ЗА ЖИЗНЬ.

аликгасанов.рф

А. Гасанов

**240. Примерно двести сорок
с чем-то рассказов. Часть 1**

«Издательские решения»

Гасанов А.

240. Примерно двести сорок с чем-то рассказов. Часть 1 /
А. Гасанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851690-0

В книге собраны наиболее интересные истории из более десятка сборников рассказов. Неплохое чтение в пути, в поезде или дома. Спасибо. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-851690-0

© Гасанов А.
© Издательские решения

Содержание

Клупкино путешествие	6
Отож бо и воно!..	8
Абраша	10
Кем быть?	13
Аджика	14
Верба на Кубани	16
Анжела	20
Акция	22
В садике	27
Анзорчик	29
Мамульчик	32
Артисты	50
Бамбелейло	53
Вечером	55
Вася	57
Бокс	59
Как я коммерцией занимался	62
Ковёр	71
Гиббоны	76
Оля	78
Как по-русски «кирдык»?	83
Чики-чики	86
Ямщики	89
Вишня	92
Снежки	94
Мужики	96
Кудесник Коля	98
Верочка	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

240

**Примерно двести сорок с
чем-то рассказов. Часть 1**

А. Гасанов

© А. Гасанов, 2017

ISBN 978-5-4485-1690-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Клупкино путешествие

...Маленькая сухонькая бабушка Таня бесшумно вставала утречком, пока все спят.

А в деревне это значит часов в пять утра. Набрасывала бабушка на плечи огромный свой платок поверх рубахи, совала ноги в валеночные битые тапки, и, косясь на внучку Вальку, по стеночке, чтобы не скрипеть половицей, выходила из сеней к печке, оглядывалась, не смотрит ли кто, доставала из потайной полочки в стене небольшую иконку, и выходила во двор, а там к сараю.

Всё это наблюдая через прищур глаз, и, фальшиво сопя носом, будто спит, десятилетняя Валька (моя будущая мама) также бесшумно поднималась, на цыпочках кралась за бабкой, словно таракан высовывая из-за угла сначала один глаз, потом оба. Пробежав резво по стылому двору, девочка ловко забиралась на чердак по приставленной лестнице, и осторожно разгребала рыхлое сено, ложилась на пузо, добираясь до щели потолка, таращила туда глаз, удобно пригатавливаясь «мешать бабушке в бога верить».

Валя пионерка, и они всем отрядом (а отряд у них называется «Красные дьяволята») активно борются с этим пережитком, каждый день отчитываясь в школе о своих успехах.

Пристроив иконку на уступочек, бабушка Таня вздыхает, расправляет седые волосы, подвязывая платочек, и настраивается скорбно:

– Отче наш..., – шепчет она, глядя в закопчённый лик.

... – Ёжик на небеси, – в ритм ей бубнит сверху внучка.

... – Да святится име твое, да придет слава твоя...

А Валька упрямо вставляет в слова молитвы свои варианты, стараясь бабушку рассмешить или сбить с толку:

– Во имя овса и сена, и свиного уха!..., – бубнит она в такт бабушке, и бабушка наконец сбивается:

– Валька!..., – грозит она кулачком в потолок, и у бабушки не получается разозлиться, – Выдеру я тебе сегодня!.. Лозиной-то!.. Ох, выдеру тебе!..

А Вальки уже и след простыл. Дело сделано. Молитва сорвана. Только лестница дергается у стены.

– А догони!, – кричит внучка весело уже где-то возле хаты. А ты и пробовать не берись. Валька бегает, шо антилопа. Попа на велосипеде кто догнал? Валька Скорбина! Всем отрядом они закреплены за Северо-Кубанским приходом, а там ещё целых три церкви осталось. Работы уйма. Вот и носятся «Красные дьяволята» то попу дули крутить и подвывать во время службы, то крестный ход срывать. Это самое любимое. Во время того, как батюшка в ризах выходит с песнопениями и ликами святых обойти храм, «Красные дьяволята», вымазанные сажей, с воткнутыми в волосы или шапки веточками-рожками, устраивают вокруг этого буйную пляску с балалайкой и обидными частушками. Поп косится боязливо, вышагивает нерешительно, старается не сбиться, но знает наверняка – если не собьётся в пении, то когда комьями грязи забросят, обязательно не выдержит, святой текст сорвёт на полуслове. Вот и мнётся батюшка, стоит ли из церкви выходить-то? Может тут, на порожке и допеть, от греха подальше? Тут и вернуться от кочана гнилой капусты сподручнее, и вереница подпевающих стоит сплочённое. Всё как-то полегше...

...А после школы мама моя поступила в медицинский, чем гордилась вся семья. Мама умотала куда-то под Краснодар, и писала теперь письма каждый месяц. И как-то, со стипендии, прислала даже посылочку!

Вся деревня приходила смотреть на такое чудо! Чайничек заварочный, расписанный синими петухами, с золотой крышечкой, а на крышечке красная пипочка колечком, и с дыроч-

кой!.. Ахнула деревня от такой красоты, а бабушка Таня, покрасневшись от удовольствия, ещё и добивает:

– Дывись, кума...

И... вытаскивает из шкапчика немыслимое по тем временам сокровище – два десятка точёных бельевых прищепок со стальными пружинками... Деревня дышать перестала!..

И писала вечером младшая внучка под диктовку бабушки письмо Вале:

... – Спасибо, милая моя Валя, за гостинцы!.. Небось все деньги-то убухала, ангел мой? Не потратся, душа моя! Мы живём хорошо. Отец твой с матерью через месяц обещали быть. Почти, говорят, достроен коровник, и ферма уже стоит. А мы с Зоей и Вадиком живы-здоровы, чего и тебе, радость наша, желаем!.. А на том и кланяюсь я тебе. Храни тебя Господь. Твоя бабушка, Татиана Дмитривна.

А через минуту и спохватились, аж расстроились, и давай дописывать:

... – А стиральный порошок ты не бери больше. Дрянь порошок-то, Валя. Только бельё изгадили мы с Зоей. Не покупай его, и не шли боле!..

Мама в городе видела диковинку – сухое молоко. И взяла пакетик, послала с посылкой, бабку с сестрой подивить, а в письме не сказала, что это молоко. А бабка бельё с ним постирала. Думала – мыло.

...Когда бабушка умерла, на её иконке сначала резали лук, потом иконка стала удобна для колки орехов, а потом куда-то пропала.

Моя мама, став давно уже бабушкой, часто вспоминает, вздыхая, как-бы хорошо было найти её. Именно её, ту маленькую дощечку, так упорно остававшуюся не смотря ни на что всегда в их доме столько много лет.

... – А помнишь, ты спрашивал меня «Кто такой Клупкин?».

И мы смеялись. Передача такая была, хорошая. «Клуб кинопутешественников». Мы всей семьёй её часто смотрели, когда я был совсем ещё маленький...

Отож бо и воно!..

... – Жопен дризцих нохтегалес, – обычно так говорит про такие истории мой напарник Николай Чебан, – Что в переводе с немецкого означает «что вышло сзади – обратно не засунешь!»

Немецкого я не знаю, и поэтому никогда не оспариваю Николая. Чем он и злоупотребляет, как мне кажется.

Это примерно так же бесспорно, как и в той истории, когда однажды моя родная мамочка подняла всю нашу семью ночью, ровно без пятнадцати четыре. Будильник был у моей мамы любимый. Квадратный, на батарейках. Мама всегда его ставила прямо возле своей подушки. А ночью будильник упал на бок, и моя мама, посмотрев спросонья на циферблат, была совершенно уверена, что уже «без минуты семь». Разбудив моего папаню и меня с сестрами, мамочка приготовила завтрак, бойко покрикивая на дверь ванной:

– Липка! Давай вылазь уже!.. В школу опоздаешь!..

И мы всей семьёй, умывшись и почистив зубы, нагладив пионерские галстуки, жевали бутерброды, спешно запивая горячим чаем, пока мой папаня, торопливо выбритый и полностью одетый, не глянул зачем-то в окно.

– Валь, а скока сейчас..., – отец осёкся, вглядываясь в кромешную темноту.

Просмотрев все часы в доме, мы нервно посмеялись, не зная, чё теперь делать. И мамочка взяла всё в свои руки:

– Так!.. Давай, быстро-быстро!.. Все ложимся спать!.. Давай-давай!.. Алик!.. Раздевайтесь и укладывайтесь!.. Чё сидишь?.. Давай-давай!..

И мы все разделись без особого энтузиазма и легли спать! Нервно посмеиваясь.

А вы сами попробуйте как-нибудь. Встаньте в четыре часа ночи. Включите везде свет. Умойтесь, почистите зубы, позавтракайте. А потом разденьтесь, выключите свет, и ложитесь спать!.. Хорошо, что отец не вспомнил про болгарку!.. Он утром хотел чё-то там срезать под ванной перед работой...

Усни тут теперь, бляха-муха!..

И лежал я, помню, ковыряя в носу, и размышлял:

...Я вот заметил, что много значений в русском языке заимствовано (или просто переименовано) от названий национальной принадлежности женщин. Странное это дело, и я стал разглагольствовать, и собрал их к семи часам целую коллекцию. Ну, например, мы говорим «болгарка», и никому даже в голову не придёт, что это совсем не женщина из Болгарии, а такой вот зловещий визжащий электроприбор. Хотя, подобные аналогии, конечно же, можно допустить к даме практически любой национальности. Мало кто задумается, а между прочим:

– ногайка – это короткая плетё, а не ногайская женщина.

– лезгинка – это танец, а не девушка из Дербента.

– испанка – болезнь такая нехорошая, а «испанская мушка» – фальшивая родинка...

– русская – это вообще водка! И именно в 40%.

– литовка – ружьё, причём бельгийское! И ещё коса, оказывается.

– американка – игра на бильярде.

– вьетнамка – летняя обувь. Как и чешка, кстати – обувь для танца в помещении.

– панамка – головной убор, а не жительница Панамы.

– молдованка – улица такая знаменитая в Одессе.

– полька – тоже танец.

– венгерка – гусарская короткая курточка.

– а гречка вообще тут ни причём. В Греции гречанки. И корейку (свиную грудинку) не впутывайте сюда тоже. В Корее у нас корейки живут обычно...

- шведка – спортивная деревянная лестница.
- кубинка – боксёрская груша (бело-чёрно-белая, три полосы), а канадка – причёска боксёра, а не мадам из Канады.
- финка – складной нож.
- шотландка – юбка в крупную клетку.

Хотел напоследок сюда приплести ещё и «землянку» – жительницу Земли вообще, но не буду.

А то землянки обидаются сейчас. Ибо, как говорит Коля, жопен дризцих!.. И с ним не поспоришь.

Абраша

... – От же ж, сука какая!.. От же ж, с-сука!..

О порог торопливо оббили онучи, тут же в стену что-то шмякнули, звякнула длинная железка засова, и в проём, поднимая задубевшую дерюгу, сквозь облако пара, выдохи, искря снежинками, шумно ввалился огромный Сенечка, волоча за шиворот жалкое шуплое существо. С силой швырнув на пол приведённого, Сенечка хлопает себя рукавицами по бокам, стряхивая снег в предбаннике, ругаясь с таким видом, будто он уже сколько раз предупреждал, а его не слушали, и вот – на тебе!.. Опять!..

– Дывысь, Яков Алексаныч!.. Эта сука опять по шконорям шарит!.. От же ж, сука какая!.. Мало ему тот раз накасмыряли!.. В кандейку я счас сунулся, смотрю – шо такое?.. А эта паскуда..., – повернувшись, Сенечка чуть приоткрыл обледеневшую дверь сарая и зло кричит во двор, зовёт товарища, – Калюга!.. Э!.. Калюга!.. Де ты там, сучий потрох?.. Нук, иди сюды!..

В сарае жарко натоплено, но темно и душно. Замызганная печь чадит копотью, гудит и щёлкает, пузыря лёд на торчащих из неё дровах. На чёрных стенах, накинутое на вбитые между брёвен крючья, висит тряпье. Тут же насажены валенки, пучки хвороста и мешки. Сбоку печки, на высокой наре, устланной тугим тюфяком, поджав ноги, сидит бригадир Яков Александрович и здоровяк Паша Дуролом.

– От же ж, сука!.., – не успокаивается Сенечка, приноравливаясь пнуть лежащего на полу зэка, и тот, замёрзший до костей, кутаясь в тряпье, поджимает колени к животу, и вдруг, подавившись всхлипом, нутужно кашляет, словно лает, выворачиваясь от судороги, подвывая и задыхаясь.

Паша горько вздыхает и нехотя спускается с нары, вдевая ноги в сапоги, обрезанные на манер ботинка:

– Абраша?.. Ты что ль?.. Милый...

Брезгливо наклоняясь, он смотрит на лежащего на полу и говорит ласково, почти с сожалением:

– А?.. Абраш?.. Ты что ль, касатик?.. Опять, что ль?..

Лежащий заходится кашлем, корчась и задыхаясь. Кашлять ему не удобно и он вытягивает ноги, со свистом набирая воздуха, вздувая жилы. Пользуясь тем, что тот убрал колени от живота, Паша легонько пинает его под дых:

– Абраш?.. Чё молчишь-то?.. Отец родной!..

Несчастный кашляет чудовищно, навзрыд. Громко лает в воздух, слабо ворочаясь и дрожа. Давясь мучительно и колюче, он выбрасывает вместе с кашлем что жалобно и нечленораздельно, с минуту ещё корчит костлявое тело и постепенно успокаивается, выдыхая громко и пуская слюну.

Паша сплёвывает в сердцах и опять лезет на нару.

Бригадир смотрит на это без интереса, и почти остывший Сенечка со вздохом садится на корточки:

– Оклемался, рожа?.. Чё zenки пялишь?..

Спокойствие бригадира Сенечку оскорбляет и на правах потерпевшего, он горячо жалуется:

– Никакого сладу с этой сукой, Яков Алексаныч!.. Никакого!.. Вот такой мой сказ!.. Никакого сладу!.. Или я или кто другой порешит эту крысу!.. А вам потом хлопоты с начальством!.. Так что решайте, Яков Алексаныч!... А то... Никакого терпения!..

Сделав праведное дело, Сенечка злобно пинает лежащего в спину: «у... сука!». Тот тонко вскрикивает «Ай!», и опять прижимает коленки к груди. Уставившись в точку неподвижно слезящим мокрым лицом, он не мигая смотрит в пламя печи и трясётся по-собачьи, успокаи-

ваясь и согреваясь. Привыкший к побоям, он хочет только одного – подольше находиться тут, в двух метрах от огня. Пламя освещает костлявое чумазое лицо, синее ухо с запёкшейся кровью. Глаза неподвижны. Кашель сладко отступил и дышать можно спокойно, жадно и тепло...

... – И куда мне его?, – бригадир хмуро склонил голову, с неохотой спуская ноги на пол, – Шо вы его туркаете все? И с котельной его турнули, и с бригады... Думал, хоть в делянках пригреете... Чё он спёр-то?..

– ... Жратву ворует, сука!, – кричит Сенечка, с ненавистью накидываясь, – У Якимова сухари сожрал!.. У меня тырит, паскуда, хоть караул кричи!.. Я что – кормить его, паскуду, обязан?.. Доходяга не рабочая, голь перекатная!.. Что не угляди – то тут, то там озорует, сволота!..

Не обращая внимания на слабое сопротивление лежащего, Сенечка с чувством шарит у него за пазухой, вычёрпывая грязное тряпье вперемешку с несколькими сухарями, крошечными гнилыми картофелинами:

– Во – смотри!.., – вываливая на пол, одной рукой он придерживает лежащего, как свинью перед забоем, – И вот!.. И вот тоже... Смотри!.., – Сенечка потряс тряпицей и из неё высыпались клубком грязные и скользкие картофельные очистки, – Это он, сука опять на помойке наколупал. И вот тоже!.. – откинул рядом несколько обсосанных сухарей, – Эти – точно мои!.. Ну – ни падла, а?!.. Яков Алексаньч?!..

Видя, что разбирательство неизбежно, бригадир кряхтит, наклоняясь с печному поддувалу, осторожно заглядывает, хмурясь на сладкий ад внутри:

– И куды ж мне его?.. Нешта сами не можете решить-то, Сенечка?..

Тот опять взрывается праведным гневом:

– А я знаю?!.. Я знаю?!.. «Куды»?.. Почти неделю, падлюка на помойке жил, думали загнётся на морозе!.. Пожалели, суку такую!.. А он смотри опять!..

... – В столовой его Кеша турнул, – сидя на наре, Паша зевает, подпихивает под себя ладони и скрещивает ноги, – он, говорят, у Кеши тоже «угостился». Почти буханку увёл, вот тот и наказал ему в столовую нос не казать... А кто ему вынесет-то?.. Никто ему не вынесет... Да, Абраша?, – через плечо Паша ласково смотрит на лежащего, усмехается весело, – Никто бедному Абраше не вынесет?.. Никто... А?!.. Абраш... Голодает Абраша-то...

Тот совершенно разомлел, растаял и дымит испарением в тепле, парит жалким своим тряпьем, опьянённый и мокрый, не сводя взгляда с пламени, осоловело вздрагивая мокрыми глазами...

– Ты это..., – Яков Александрович медленно встаёт, потягивая спину, – Тащи его, Сеня, к «заготовке»... Пусть Никоноров там присмотрит, куда его... Пока пусть на дворе там... Поработает... Что ли.

Сенечка опять порывается орать, но видя хмурый взгляд «бугра», тяжело вздыхает, молчит, надевая рукавицы, сурово соображая. Грубо запихав всё «изъятное» обратно тому за пазуху, Сенечка легко поднял за шиворот растрёпанного доходягу, и хмуро бурчит, зло и торопливо готовясь к дороге:

– А и то правда... Брошу, суку такую, на «заготовке»... Хай там... Работает... Там помойка большая... Сытная...

...С сердцем встряхнув ненавистную ношу, Сенечка, озабоченный навалившейся напастью, шумно выходит, пихая под зад перед собой «Абрашу»:

– Ей-богу, так и передам!.. Мол, Яков Алексаньч велели пристроить паскуду!.. Хай там и сдохнет, сука такая...

Выйдя во двор он опять кричит:

– Калюга!..

...В сторожке некоторое время было светлее. Влажная жижа, натёкшая там, где только что лежал Осип Мандельштам, отражала языки пламени, и его отблески слабо качались

на закопчённом потолке и стенах. Постепенно лужа высохла и на грязном полу осталась только прилипшая картофельная кожура...

Кем быть?

Было это давно.

Нет, динозавров уже не было, точно помню. А ходил я в детский садик. И нам в садике воспитательница как-то говорит:

– А теперь, дети, давайте помечтаем? Садитесь сейчас все за столики, и внимательно меня послушайте. Хорошо?

...Мы расселись и уставились на неё.

– Давайте сейчас представим, что вы все уже выросли, и стали дядями и тётями, и теперь обязательно будете кем-нибудь работать. Правильно ведь? Представьте. И вот пускай каждый из вас возьмёт сейчас в ручку карандаш, и нарисует себя уже взрослым. Ладно? Только чтобы по рисунку сразу было понятно – кто вы по профессии? Кем работаете? Хорошо? Всем понятно? Рисуйте. Несколько дурацких вопросиков, типа «а как рисовать уши?», и вот закипела уже работа. Карандаши слюнявим, у друг-друга «списываем». Кто-то советуется втихоря, кто-то повторяет за кем-то, а кто-то ладошкой прикрывает, не показывает.

И я тоже взялся за дело...

...А вечером мама забирала меня. Обычно самым последним. Не знаю почему, но в группе оставалось всегда нас двое-трое последних, а ещё чаще я самый последний один. В углу, как правило.

И вот воспитательница в дверях стоит, и с мамой моей беседует о чём-то. А я с сандалиями вожусь.

– Алик!.., – мама аккуратно так мне мой рисунок подсовывает, и с опаской спрашивает, – а ты кем быть-то хочешь, сынок?.. Когда вырастишь...

И воспитательница деликатно помалкивает, руки за спину спрятала. Стоят вдвоём бледные.

Я бегло оглядел свой шедевр:

– Трубочистом... Не видишь, что ли?

Женщины прыскают смехом, облегчённо смеются, качая головами...

– Ох, ты ж боже мой!.., – воспитательница отдувается облегчённо. Только дошло до неё, видителити,.. – А я у него и спрашивать при всех побоялась... Вас ждала, представляете?

Дети, говорит, рисовали космонавтов и милиционеров, а я вот отгрохал шикарного трубочиста, полностью чёрного и весёлого, измазанного сажей. Трубочист сидел на крыше дома, и улыбался. Красный рот до ушей.

– А это чего же у него тогда?.., – мама хохочет в голос, закатывая глаза к потолку.

– «Чего-чего»?.., – меня их смех очень раздражает почему-то, – щётка такая. Не понятно, что ли?.. Чем же ему трубу чистить?..

Они ещё посмеялись, и мы ушли.

И потом выяснилось, что воспитательница весь день считала, что Гасанов Алик когда вырастит, мечтает стать чёртом с хвостом...

...Лет десять эту историю моя мама рассказывала за каждым застольем, при каждом удобном случае. И меня опять это раздражало почему-то немного.

Непонятливые люди...

Аджика

...В Пензенский детский дом восьмилетняя Куралай поступила два года назад.

...Бабушка Алуа вдруг запричитала как-то, и легла «полежать». Через пару часов она затихла и перестала дышать. Куралай несколько часов сидела рядом, смотрела на бабушкин рот, и ждала, когда та смешно выдохнет «охохохо-эх-ха!», откроет глаза, и скажет привычно: «Ну? Как ты, жаным-наным?» Просидев в тишине возле бабушки почти сутки, Куралай постучала к соседям из 47-й квартиры, и через полчаса узнала, что бабушка умерла. В течении всего дня в квартиру без стука и не разуваясь входили незнакомые люди, милиционеры, соседи и очень пьяная тётя Лера из 47-й квартиры, которая неприятно сильно гладила по голове липкой рукой, и слезливо дышала в лицо: «Сир-ротка ты...» Строгая тётя в форме перекрыла краны в ванне и газ на кухне, закрыла дверь на балкон, и вывела Куралай на улицу, прилепив лоскут бумаги со стены на дверь квартиры. Потом Куралай привели на остановку, и эта тётя привезла её в детдом.

... – Шестнадцать лет работаю тут, а такого ребёнка ещё не видела. Представляешь?.. И вроде хорошая девочка, аккуратная, косички всё время сама плетёт, и чистенькая, хоть и чурочка. А всё равно... Вот не лежит душа, хоть убей!.. Не лежит, и всё!.. – Раиса Васильевна поджимает губы: хоть убей!, – И не плачет никогда, и не жалуется. Другие вон как – воеет с утра до вечера: мама! мама!, а эта – хоть бы что. С бабкой жила она в последнее время. Она и бабка её. Мамка нагуляла её, или что, бог их знает. Бабка померла, а её к нам, значит... Квартирку один «деловой» прибрал удачно. На пустом месте... Повезло человеку. Угу... Ты куда ложишь? Куда ты ложишь-то? Ты смотришь, куда ты ложишь?

– С девяносто третьего по девяносто восьмой, Раиса Васильевна. Вы ж сами сказали?..

– Да ты смотри, куда ложишь! Катя! Ну чего ты тут накидала? Так и я накидать могу. Куда ты суёшь-то?

– Вот карточки девяносто третьего... Я и кладу...

– «Кладу!»... Кладёт она!.. Ты посмотри, какого «девяносто третьего»?.. Вот, смотри... И вот. И вот тоже! Где девяносто третий? Ты куда ложишь? И вот тоже!! Мне так не надо! Куда ты ложишь?.. Кладёт она!..

...Через полчаса в медкабинете приём. Раиса Васильевна и бестолковая практикантка Катя принимают «девяносто третьих для прививки».

... – Вот ты смотри сейчас, смотри. Масатова эта зайдёт сейчас сюда опять, и начнёт комедию ломать тут: «Посмотрите, какая я несчастная, люди добрые!.. Хоть мне и хреново, но я такая гордая и смелая. Хоть и сиротка я...». Вот смотри!.. – Раиса Васильевна смеётся от души, и Катя вежливо поджимает губки, не понимая, как реагировать, – Представляешь; я ей на днях «хлористый» пять кубов вкалываю быстро-быстро, специально! Думаю, сейчас завизжит от боли. Нет!.. Молчит. У самой аж губы белые, на ногах еле-еле стоит, а терпит. «Посмотрите, как терплю я, хоть вы и быстро колете мне.» Представляешь? Вот смотри-смотри. Маленькая, а смотри-ко, дрянь какая... Следующий!

Куралай постучала и вошла.

– И зачем ты стучишь опять? Я же говорила тебе уже: если сказано «следующий!», то какой же дурак стучит? Ты по-русски понимаешь? А? Сюда иди. Чего там стоишь?

Раиса Васильевна оглядывается в сердцах на Катю, всем видом показывая: «Нет, представляешь?»

– Сюда подойди. Нет не сюда. Сюда. Ближе. Ещё ближе, бестолочь. Ближе, говорю! Не слышишь, что ли?.. Вот сюда, к столу. Ещё ближе!.. Как фамилия?

Куралай сглатывает, глядя под ноги:

– Куралай Масатова.

– Как?

– Куралай... Масатова.

– Ты громче можешь говорить?.. А? Громче можешь говорить, я спрашиваю?

Раиса Васильевна, сидя, подъезжает на стуле, придвигает лицо к самой голове ребёнка, и, выдержав горькую паузу, неожиданно громко спрашивает:

– А?!..

Куралай вздрагивает и цепенеет, втягивая шею. Катя застыла за столом.

... – Или ты по-русски говорить не научилась?, – Раиса Васильевна смотрит с сожалением, поджав верхнюю губу, – Чё ты молчишь-то? А? Ты чё молчишь-то всё время? А?..

Дальше длится тягостная минутная пауза, после которой Раиса Васильевна с силой отъезжает от Куралай, и качает головой Кате, вздыхая:

– Нет, ну ты видела?

Повернувшись к девочке, Раиса Васильевна опять вздыхает обречённо и горько:

– Иди!.. Иди-иди, чтоб глаза мои тебя не видели. Одно слово – чурка, прости Господи...

Следующий!

Куралай выходит, и Раиса пытается сосредоточиться на бумагах:

– Что за ребёнок такой? То ей – не так, это ей не эдак! Представляешь?.. «Аджикой» дети прозвали. А детей ведь не обманешь, Катя. Да! Дети мудрее нас. Аджика – она и есть аджика...

...«Аджикой» Куралай дети прозвали за частый ночной плач у окошка: «Аже, кайда сен?»*

– «Аже, кайда сен?»* (каз. яз.) – Бабушка, где ты?

Верба на Кубани

Памяти деда моего, Скорбина Анатолия Леонтьевича.

...Верба росла на том берегу реки так близко к воде, что в жаркие и спокойные летние дни длинные и тонкие ветки её плавали в тёплой ряби, словно водоросли.

Течением они переплетались и распутывались, нежно полоскались, уходя в мутную глубину и вновь возвращались на солнечную поверхность.

Дерево было похоже на большую бледно-зелёную скирду сена. И если всмотреться внимательно, было видно, что раскинуло оно свои мощные ветви навесом поверх еле заметной скользкой тропки, уходящей в воду. Прямо возле комля удобная небольшая завалинка, просиженная кем-то. Знойный воздух не шелохнётся. Место вокруг тут открытое, всё пашни, да овраги меж них, и птицы редко залетают сюда. Ласточка любопытная расчертит зигзаг над вербой и улетит. Ни чего интересного!

А то бывает, что в летнем обеденном мареве рыба лениво плеснёт по воде и жужжащая мелкота в пыльной траве на миг смолкнет. И лишь камыш прибрежный сонно шелестит в слабом дуновении ветерка, качаясь в воде.

И как бывает часто на Кубани, всё вдруг замрёт задумчиво, словно вспомнив чего-то. Стихнет и прислушается. Небо ещё жаркое, но мрачнеет на глазах, становится матовым и запах жженого железа чувствуется во рту. Стрижи низко режут небо, тонко вереща: «Приготовьтесь!» Вся живность спешит спрятаться от греха по дальше. И становится неожиданно темно и жутковато. Время-то, день ещё! А темнеет, будто вечер. Где-то заворчал в небе, словно жестяную простынь торопливо вытряхнули и окно захлопнули. Верба темнеет, волнуется. Торопится достирать ветки, а поздно уж. Неожиданно толкает в спину ветерок, растрепав причёску. Начинает капать немного, и по сухой пыльной дороге вдоль поля босыми ногами пробегает первый дождик. Ветер догоняет его, задирает и толкает в реку. Дождь бьёт большими ледяными каплями по камышу и обиженно расплёскивается в реку. Река покрывается мурашками и вздыхает небольшой волной. А в самом центре горизонта серо-голубое небо трескается белой кривой ниткой и начинает ворчать. И ворчание это, медленно набирая силу и мощь, несётся к тебе навстречу по чёрной пашне. И вдруг взрывается где-то над головой так, что невольно приседаешь! И ещё! Ещё! Ещё!.. По башке!.. И злющий холодный ветер выворачивает вербе руку, пытаюсь повалить. А ледяной дождь бросает в тебя холодную воду пригоршней, заливая глаза. И не сбежать от него! Пашня липкая, тяжёлая. Упадёшь – на ногах по пуду мокрой холодной земли прилипло. Обними вербу, успокой её. Гроза тут – девка грубая, но отходчивая. Её только переждать. Спорить с ней – себе дороже!

Зимой река подо льдом.

Снега столько, что и не видно, где берег, а где поле. Верба, трясаясь от холода, всякий раз божится уйти полем и остаться между двух холмов, что между станицей Тбилисской и Северено. Но ветки, вмёрзшие в лёд, подруга-река держит крепко и убаюкивает вербу обещаниями. Потерпи, мол... Вот, смотри, и солнце уж на минутку пригрело более обычного и ветер подустал.

Шепчет еле слышно... Как же я без тебя? Потерпи, мол... Скоро весна уж...

Гороскоп

...Чё-то напутали в гороскопе, ей-Богу... Тощая моя сухость, склонность к одиночеству, привычка прислушиваться в следствии травматической близорукости списанного боксёра...

Какая же это я – «свинья», товарищи? Вы когда-нибудь свинью в лицо видели вообще?.. Да разве ж я – свинья?.. Свинья – она же добрая...

...Глубоким вечером я машинально захожу в магазинчик напротив моего дома, перед тем как «окончательно» прийти домой. Привычный ритуал этот скрашивает окончание дня, настраивает на приятный лад. Дочка любит молочный шоколад, пацан мой морепродукты обожает, а если не принесу жене очищенные семечки – вообще, хоть из дома беги!.. Ещё молока купить надо.. Насчёт хлеба не помню... Позвоню сейчас...

...Прогуливаясь по ярко освещённому, практически пустому уже (до закрытия – пару минут!) супермаркету, я вдруг отчётливо слышу сзади:

– Ты куда пошло?..

Про свой собачий слух я вам уже рассказывал, не буду повторяться. За дрянное зрение Создатель в насмешку одарил меня каким-то просто животным слухом. Иногда это утомляет. За километр слышу.

И вот мощный мужской голос неприязненно и твёрдо спросил именно вот так – «куда ты пошло?», что меня и насторожило.

С рождения вежливый до застенчивости, я чуть сменил направление, чтобы не так видно было, что я оборачиваюсь, и тут же слышу уже раздражённое и громче:

– Куда ты пошло, я спрашиваю?

Жадное любопытство моё берёт верх, и я оборачиваюсь.

В нескольких метрах от меня стоит Маяковский в молодости!.. Высоченный парень, лет тридцати, широкие плечи, кадык торчит из мощной шеи, руки в карманах, кожаный плащ в пол, шагает так, будто сейчас «вприсядку» пустится. Красавец!.. Повернув голову на 90 градусов, не вынимая рук из брюк, он с отвращением смотрит на испуганную невысокую девушку, держащую за ручку мальчика лет пяти.

... – Я думала... картошку мы.. сначала..., – тихо лепечет девушка, белая от страха.

– «Думало» оно!, – презрительно перебивает парень, передразнивая, и, не меняя позы, горько сверлит жену глазами, выдерживая желчную паузу, – А ты не думай!.. Оно – «думало»!.. Чем ты там «думало», ё-моё?..

Посверлив ещё секунду, парень взглядом сплёвывает девушке под ноги, и спокойно идёт по рядам, тяжело вздохнув, горько покачивая головой. И она покорно плетётся за ним, и я только что замечаю, что, кроме мальчика, у неё в другой руке санки, которые она несёт, как портфель.

...Привычно безошибочно нахожу лучшее место для наблюдения. Останавливаюсь на торце ряда, спокойно уже рассматриваю их издалека, в деталях. Разговора почти не слышно, но и так всё понятно. Лениво шедший впереди парень неожиданно остановился что-то рассмотреть на верхней полке, и женщина чуть не врезалась в него сзади. Постояв несколько секунд, она склонилась к мальчику, который показал ручкой на что-то с другой стороны стеллажей, и они неслышно вдвоём отошли на пару метров. Не замечая этого, парень не спеша зашагал в обратном направлении, и тут же заметил, что их нет рядом, и всё повторилось в том же порядке:

– Куда ты опять пошло?!..., – теряя терпение, почти кричит парень, не обращая внимания, как редкие покупатели разом оглянулись на его возглас. Всё ещё держа руки в карманах, он чуть склонился к мгновенно подбежавшей девушке, скривил перед ней искажённое презрением лицо. Девушка зажмурилась и замерла.

Я обалдел... Мгновенно в голове моей пронёсся кем-то заданный вопрос: «Что она такого натворила, за что с ней так вот?..»

Мальчик в туго натянутом капюшоне переминается с ноги на ногу, задрав голову, смотрит вверх коричневыми пуговками... Огромный парень, оттопыривая брюки руками в карма-

нах, застыл в немом вопросе «ты чё?», согнулся над замершей от страха женой... Губы сжимает, смотрит с ненавистью.

Что натворила она?.. Что такого она натворила в своей жизни?... За что её так?..

...Через окно магазина, стоя возле кассы уже, я вижу, как в полумраке мерцающего фонаря огромный парень шагает вдоль тротуара, взмахивая полами плаща, а за ним семенит маленькая фигурка уже с двумя сумками, и тянет ребёнка на санках по мокрому снегу...

...«Кто она по-гороскопу, интересно?..», – опять спрашивают у меня в голове...

Ёжик

...Как-то приходит нам каждому с годами такой момент, что хочется душевного тепла, общения с кем-то близким и непритязательным. Хочется, чтобы рядом с вами просто кто-то был, кто вас ждёт, радуется вашему приходу. Хочется заботливо ухаживать и даже лелеять иногда кого-то. Делать подарки, делиться радостями и печалью. Хочется обнять кого-то... Короче говоря, завёл я как-то ёжика.

У вас ещё никогда не было ёжиков, случайно? Так вот, заявляю вам со всей строгостью и без иронии – никогда, ни при каких обстоятельствах не заводите ёжиков! Более идиотской затеи в моей безрадостной жизни не было ещё никогда, уверяю вас. Маленький смешной комочек с глазками-бусинками на самом деле оказался воистину циничной неблагодарной бесстийей с самыми низменными эгоистичными наклонностями. Поверьте. А всё начиналось вполне невинно. Ничего ещё не подозревая, я принёс ёжика из леса домой за пазухой. Это, конечно, мягко сказано – «принёс»!.. Вернее сказать, я бежал, вульгарно взвизгивая и высунув язык, втягивая живот и оттопыривая куртку, так как упрямая животина истошно царапалась и ежеминутно выпячивала колючки, подло пользуясь нашей близостью. Причём самая мерзкая его выходка ждала меня перед самым домом. Ёжик на секунду притих и, неожиданно резво работая сразу всеми лапками, вдруг стремительно забрался в середину рукава!.. Вы когда-нибудь вытаскивали ёжиков из рукавов? Нет? Не приходилось вам? Неприлично взыв от неожиданности, я присел и прыгал на одной ноге, пытаюсь выковырять упрямую бестию, которая кусалась и царапалась, шипя изо всех сил. Теперь я знаю наверняка – единственный способ выманить ёжика из рукава, это замереть на десять минут, претворившись, что вы ушли, например. Не слыша ваших истошных криков, ёжик быстро теряет интерес к драке и выползает сам, уверяю вас.

Дома я обработал пальцы зелёнкой, наивно полагая, что на этом мои беды закончились. Осознание чего-то светлого и доброго в душе всегда приятно волнует. «Ну, вот, – думаете вы, – теперь у меня есть ёжик!..» И вы совершенно ещё не понимаете, что скрывается за этим немигающим спокойным взглядом.

Пожалуй, самая глупая иллюзия – полагать, что ёжик будет жить в коробке. Полный бред! Спросите любого ёжика. Мои робкие надежды, что он поведётся на мягкую подстилку из старых трико, ёжик поднял на смех. Вы до сих пор считаете, что голубая мечта каждого ёжика – это блюдечко с молочком возле горячей батареи? Чушь! Наивно надеясь, что этот последний аргумент призовет, наконец, ёжика к совести, я легонько ткнул его носом в блюдечко, уверенный, что ёжик, благодарно лакая молочко розовым язычком, смирится, и задумается о своём мерзком поведении. Шиш вам с маслом! Демонстративно отплевавшись, ёжик вошёл в блюдце нематыми ногами и, с вызовом глядя мне в глаза, нагадил в молоко!

И тут я решил дать освоиться ежу, понимая, что дикое животное испытало стресс. Предоставив ёжика самому себе, я стал наблюдать тихонько за ним, с удовольствием отмечая положительные стороны моего гостя. Во-первых, он не боится. Это факт. Я бы совсем не хотел,

что бы он забился в уголок и тосковал там. Нет! Ёжик носился по квартире с таким бесцеремонным видом, словно проводит инвентаризацию. За пять минут он обшарил все углы и закоулки, всё обнюхав и что-то даже куснув. «Ни-чѐ, – думал я, улыбаясь, – освоится малыш!..»

То, что ёжик «освоился» окончательно, я понял той же ночью. Более нахального соседа у меня ещё не было. Пару раз я даже включал свет, что бы убедиться, что мы не переезжаем в срочном порядке. Именно такие, обычно, происходят звуки при переездах, когда двигают мебель и складывают посуду в коробки. Деловая колючая крыса носилась по комнате, явно стараясь наделать как можно больше грохота, при этом топая и беспрерывно что-то жуя и чавкая. Нет, я, конечно, против ущемления свободы и никогда не отрицаю самовыражения, но на кой хрен, скажите мне, пытаться залезть под ковѐр, причѐм так упорно пыхтя? Полночи я лежал, глядя в потолок воспалѐнными глазами и слушая как ёжик чавкает очередным комаром так громко, словно ест барана. Где он их находит, чтоб он сдох?! Включаю свет и внимательно смотрю, стоя на четвереньках – чего он опять жрѐт с таким аппетитом? Абсолютно игнорируя меня, ёжик стремительно протопал на полметра в сторону, схватил что-то невидимое и опять зачавкал!.. Потрясѐнный, я полчаса наблюдал за ним, так и не поняв, в чѐм секрет, твѐрдо убеждѐнный, что ёжик просто издевается надо мной. Решительно выключив свет, я укрылся с головой, дав себе железную установку – уснуть ёжику на зло.

Хрен вам по всей роже... Мне приснилось, что маньяк на бульдозере ломает дом, а я мечусь, привязанный к кровати. Проснулся я от страшного скрежета в темноте. Несколько секунд я лежал, не моргая и обливаясь холодным потом, силясь понять – что происходит?

Выяснилось, что ёжик пытается пролезть под комодом!.. Тоскливо понимая, что достать его я не смогу, а если достану, то убью непременно, я, лёжа на пузе, десять минут наблюдаю отрешѐнно, как он, скрежеща колючками по комоду, словно раненный спелеолог, продирается в тесноте со скоростью два сантиметра в минуту.

...Когда чуть рассвело, я отнёс ёжика в лес и убежал, не оборачиваясь. Ни звука благодарности вслед я не услышал. Уверяю вас – ёжики самые черствые и беспринципные существа. Не связывайтесь с ними ни в коем случае!..

Анжела

...Как-то случилось мне свалиться с гриппом чёрти-где, вдали от дома, где-то проездом в Астраханской области в сыкотном ветреном апреле. Нет, я болею крайне редко, «на ногах», как говорится, но если заболел, то хана. В лёжку дня на три, под сорок, с ночными кошмарами. А тут, надо же!.. Проездом где-то в Нижних Ебеньях, я вдруг понял, что надо полежать пару дней, а то сдохну где-нибудь под Элистой. С трудом оттянув пружину двери, я вошёл в треснувшее поперёк здание, напоминающее амбар, с яркой вывеской «*Hotel Paradis Nizhnie Ebenya*». Разбуженная мною вахтёрша вскрикнула, вызвав у меня микроинсульт, и перекрестилась, пояснив, что в гостинице всего два номера, и я могу взять только номер VIP (потому что он с окном!), так как номер «не-VIP» – забит гвоздями. Разбираться я ни стал и поплёлся в VIP. В номере действительно было одно окно, двуспальная кровать, стул и шифоньер. Больше всего меня потряс шифоньер. Огромная трапециевидная конструкция сотрясалась и угрожающе кренилась от моей ходьбы по полу, угрожая упасть, но самое потрясающее было внутри. Открыв дверцы, я замер потрясённый – внутри шифоньера не было ничего! То есть, абсолютно ничего. Ни полка, ни вешалка, ни трубы для вешалок, ни крючков, ни чего!.. Только пустая бутылка из-под водки. Сил не было, и я решил, что убью администратора завтра. Сев на кровать, я мысленно поблагодарил Создателя, за то, что не сел на стул, так как увидел, что у стула только три ноги. Подперев стул к стене, я постелил на него газету (благодатная привычка с молодости – брать в дорогу пару газет, хвала Господу), выложил недоеденное в поезде, выпил стакан водки, заставляя себя закусывать окаменевшим пирожком. Сразу как-то потеплело. Ни чё, живём!.. Но спать, видимо, придётся одетым.

У меня очень чуткий сон. Часто это изнуряет. Нет, это неплохо, когда ты слышишь, как кто-то поднимается по лестнице, проходит мимо двери. Но слышать, как в замок с хрустом вставляется ключ этажом ниже... Автоматически посмотрел на часы – полночь. Отлично! Пропал часов 5 – и не замёрз!.. Всё-же ботинки надо было снять... Теперь можно. Лёжа прислушиваюсь, что меня разбудило? Со стороны окна слышится движение. Кто-то явно подтягивается на жестяном карнизике. Ин-нтересно... Медленно встаю в темноте, беру в руки стул, отхожу в угол окна. Постучали пальцами по стеклу. Ин-н-нтересненько... Беззвучно приближаюсь, тихо открываю задвижку, отхожу. Окно толкнули и обеими руками повисли на раме. Отхожу ещё дальше в угол. В фрамугу, с трудом, на пузе, чертыхаясь и сопя, вползает что-то косматое. По причёске и запаху вижу – вроде бы девушка. Инти-ре...

– Не включайте свет!, – весело шепчет незнакомка, – я Анжела, ик! Здраст... Тфу, ёп!.. Ой!, —

далее следует звук падения, словно с подоконника сбросили мешок со свежей рыбой. Анжела встаёт, тихонько матерится, смеясь, оправляет мини-юбку:

– Здравствуйте. Вам женщина нужна?

Колоссальный по колориту запах наполняет морозный воздух моего VIP-а. Безбожный перегар, сдобренный девичьим потом, густо и бездарно замаскирован косметикой. Я поднимаю брови – показалось, что ли? Нет. Не показалось – от неё действительно пахнет говном. Анжела понимающе хихикнула и согнув толстую ляжку, словно в «чарльстоне», осмотрела подошву:

– Тфу, блин. На говно наступила!..

Откровенно толстая, ярко рыжая, размалёванная девка лет двадцати, в роккерской куртке и ссадиной в дырке на белой коленке.

Не в силах разговаривать, я улыбаюсь вежливо и молча, отрицательно качая головой, приглашая Анжелу к двери.

– А пиво есть?

Качаю интенсивнее, открываю дверь, приглашая Анжелу выйти.

– Козёл...

Больше Анжела не приходила, а я так и уехал больной...

Акция

...Жестокость, я заметил, всегда была присуща и человеку, и женщинам...

Ещё будучи тридцатилетним не целованным юнцом, я ни раз убеждался, что женщины созданы в противовес моей добродетели и скромности. Всякий раз, наивно полагаясь на здравый разум, я неизбежно попадаюсь на их очередную злую шутку из раздела «открой рот, закрой глаза!» И если раньше подлые обманщицы ограничивались куриной какашкой или дохлым жуком, теперь изощрённость их злых утех вышла на изуверский уровень.... Возле супермаркета меня остановила стайка девушек-студенток:

– Уррра!.. Вы у нас десятитысячный посетитель!, – тормозят меня ароматные красавицы, а одна просто повисла на шее, – Вы выиграли главный приз!.. Как вас зовут?, – орут влюблённо, фамилию мою в какой-то бланк записывают.

Я оторопел... Напор и всеобщее бурное веселье меня опьянили и лишили чувства опасности. И не мудрено. Словно в корзинку с цветами меня мордой окунули.

... – Я сейчас объясню вам правила получения приза! Меня Оксаной зовут. Здравствуйте!..

И под щебетание и смех, Оксана объяснила мне, что я – юбилейный посетитель супермаркета, и что они проводят акцию, а я не мог оторвать глаз от её груди под узкой курточкой, и краснел.

– По условиям акции, – тарыхтела милая Оксана, периодически шикая на смеющихся девчонок, – Вам, уважаемый Алик, э... предоставляется право совершить бесплатную покупку в данном магазине!.. Всё, что вы успеете вынести из магазина за одну минуту – всё для вас будет бесплатно! Вам понятно?.. Всё что вы успеете вывезти на корзинке. Понятно?

...Возле магазина поток людей шурует туда-сюда, рекламщиков тут всегда много, охранник хмуро прошёл.

Я переспросил правила, и Оксана опять повторила заученный текст:

... – Только учтите – у вас есть только одна минута!.. На секунду опоздаете – ничего не получите!.. Понятно? Так что берите только самое нужное. Не жадничайте. Хорошо?.. Я буду следить по секундомеру!.. Итак, вы готовы?.., – ко мне торжественно подкатили огромную корзину, – Алик, вы готовы?..

– За одну минуту?.., – я ещё находился под гипнозом её груди, совершенно невольно размышляя, что в принципе минута – это огромный период, если всё сделать чётко. Главное не суетиться...

– Готовы?.., – кричат хором красавицы, заливаясь смехом, – Раз!... Два!...

– Три!!!, – крикнула Оксана, и меня подтолкнули сзади, и я рванул на всех парах, поощряемый сзади свистом и улюлюканием...

...Миновав турникет без особых проблем, я включил третью скорость, разбегаясь до сорока километров в час. Машинально отсчитывая в голове секунды, я рванул по заранее намеченной петле, стараясь не задевать витрины, на ходу аккуратно, но быстро укладывая в корзинку всё, более-менее меня интересующее. Удачно срезав угол перед хлебным отделом, я на десятой уже секунде ловко бросил в корзину буженины тысяч на десять и целый брикет отличной белорусской копчёности. Счётчик в голове судорожно подсчитывал халяву, когда я солидным штабелем аккуратно уложил душистые коробочки парфюма для супруги и несколько коробок для бритья себе, молниеносно выбирая строго по ценникам, хватая самое дорогое. Люди шарахались в стороны и провожали меня взглядами, когда я нёсся, словно лошадь на пожар, на ходу швыряя в переполненную уже корзину превосходную колбасу, уйгурский сыр, сыр с плесенью, несколько ананасов, пачку футболок, десяток кружевных лифчиков, шесть бутылок «Виски», аккуратную упаковку «Варштайнер», коробку сигар «Хабана»,

пару ноутбуков, набор ключей «Глосс» (моя давняя мечта, 32 тыщи, бляха-муха!), два блока «Мальборо», резкий возврат назад, и ещё четыре блока «Мальборо», и тут же я обжёгся мыслью, что в спешке совсем не слежу за временем!..

...Жадность фраера погубит, господи! Эта истина вечна и неоспорима! Тоскуя, я рванул тогда на полных парах к выходу, через кассы, с трудом успокаивая себя, что в принципе неплохо наварился, хотя можно было бы взять сигар ещё коробок пять, а вискаря ещё бутылки четыре влезло бы точно. И фотик мазёвый я чё-то пропустил... Кодак... Уже на ходу ссыпав в корзину прямо сверху пол палеты жвачки для сына, я рванул с ускорением к кассам на выход, и пронёсся мимо окаменевшего охранника.

...Прямо возле спасительного выхода сзади меня схватили сразу четверо...

Перед магазином студенток не было...

...Разбираясь с охранниками, крепко держащими меня за одежду, я сбивчиво объяснял им условия акции, краем глаза наблюдая, как из окон кафе на нас смотрит компания смеющихся мерзких девичьих рож, снимающих всё на телефоны...

Больше я в тот супермаркет не хожу...

Не пускают меня.

Беспонотовый

Памяти Волошина Владимира.

...Кликуха* «Беспонтовый» прилипла к нему давно. Карикатурная внешность его настолько колоритна, что другого прозвища у него, пожалуй, быть и не могло. Костлявый. Огромные оттопыренные уши. Глаза мудрого бассета. Толстые, разбитые, все в шрамах, губы. Похож на больного гоблина, которого всё время бьют ни за что, ни про что.

Тем не менее, Беспонтовый лучше всех делал модели кораблей, нарды, резал иконы по дереву. Поэтому его кликуха воспринималась хоть и с иронией, но уважительно среди нас. Он был единственный, кто делал корабли на заказ для больших ментов, поэтому трезвого его не били, корабли забирать при обысках боялись. Не матерных слов в его лексиконе было меньше иных, повествовать будет трудно. Но не написать о нём не могу. Как-то за цифирем он расчувствовался:

– Два и восемь в Джамбуле отмотал*, приехал на 23-ю. Ещё три осталось. Нормально мужиковал*. Кустарки валом*. Мануфта* без проблем. Шмали-стекла-колёс* хватает, чиф с глюкозой*, все дела... Я ещё молодой был. Мечтал: выйду – первым делом бабу сниму и сникерс попробую. Рекламу по телеку крутят каждую минуту – марсы, сникерсы. Не пробовал, где ж взять? Тут ДПНК* подтягивает на свиданку*. Я не понял: ко мне вроде бы не кому ездить. Оказывается, сестра из Москвы прикатила, матушкину хату продать не может без моей подписи. Я там прописан до сих пор. Короче, то да сё, я её и не помню толком, трандец – корова ушлая стала! Подписал я ей всё, взял передачку и до хаты бегу. А перед этим три-четыре кубика жвачки заныкал* в носки. Не хотел, чтобы контролёры на шмоне отметили*. Сто лет жвачку не жевал. В слесарку один зашёл. Жвачку жую-жую-жую... Чё за хрень? Солёная, не лепится. Для пива, что ли? Чуть не обрыгался... Потом оказалось – кубики Магги...

Беспонтовый смеётся сам над собой так, что не возможно не смеяться.

– Потом, прикинь, по отряду* ходит один... Гусь. Понтуетея, сотка в руке*. Я кричу*: дай позвонить кенту на волю, ни разу, говорю, в жизни по сотке не разговаривал. Он кричит: полдороги герыча* давай – пять минут побазаришь. Я кустарку толкнул, полдороги у барыги* взял. Он мне сотку даёт, время по секундам засекает, шакал. Я в душевой заныкался. Номер наби-

раю, вроде цифры правильно высвечиваются... Слушаю – ни гудков, ни звонка. Пять минут мудохался-мудохался... Ни фига не позвонил. Отдал.

Беспонтовый выдерживает горькую паузу, закуривает «Полёт» без фильтра:

– Калькулятор это был, оказывается... Прикинь?..

...Беспонтовый освободился прямо перед Новым годом. С него, вусмерть пьяного, спящего на лавочке, ночью кто-то снял куртку и ботинки. Замёрз к утру насмерть. «Сникерс» початый под лавочкой лежал в снегу. А в кармане брюк штук десять презервативов было.

Кликуха – прозвище.

Отмотал – отсидел.

Музиковал – (мужик) – осужденный, не отказывающийся от работы.

Кустарки валом – можно кустарить, сбывать кустарную продукцию, значит лафа, есть курево, чай и остальное

Мануфта – строй материалы, обычно старая мебель

Шмали-стекла-колёс – анаши, наркосодержащих медикоментов в ампулах, в таблетках

Глюкоза – сахар, конфеты

ДПНК – дежурный помощник начальника колонии, офицерская должность.

Подтягивает на свиданку – зовёт на краткосрочное свидание с родственниками. Установленное Законом право (в зоне строгого режима, например, 1 раз в полгода, при отсутствии нарушений режима)

Заныкал – спрятал.

На шмоне отмели – забрали во время обыска

Отряд – жилое помещение

Сотка – сотовый телефон, в МЛС входит в перечень запрещённых предметов

Барыга – продавец

Кричу – говорю

Полдороги герыча – половина «дорожки» героина (примерно 0,2 – 0,4 грамма, средняя доза для одного)

В колхозе «Путь Ильича»

... – Уволь его к чёртовой матери, говорю!.. Никакого сладу нет, ей-богу, Иван Иванович!..., – бригадир начал переходить уже на неприличный крик, и председатель хмуро встал из-за стола, – Уволь, прошу, или я за себя не отвечаю, ей-богу!..., – Семён Петрович, тщедушный зловредный мужичок, гроза доярок обеих ферм, красный от гнева, дёргался, как Петрушка на ярмарке... А речь всё о том же Эдике-дурачке, знаменитом на весь колхоз скотнике. Отсидел дурачина ни за что, ни про что, вернулся, доходяга, в родной колхоз, не образования, не специальности, куда ж его? Только скотником. И вот Эдик на ферме что ни день, то фокус выкинет. Неймётся ему!..

У каждой дойной коровы на отстойнике таблички висят, где имя коровье написано, возраст и прочие данные. И имена Семён Петрович коровам даёт самолично, считая это делом «сурьёзным». А Эдик-паршивец и в эту его бригадирскую трепетную нишу влез. Подтёр на табличке у гордости фермы коровы Груши букву, и переправил её имя на «Гриша». Учётчики это не доглядели, и по всем ведомостям теперь самая дойная корова записана «Гришей». И в квартальном отчёте Гришей прошла...

С района приёмщица Элеонора Григорьевна, томная пышная красавица, о ком Семён Петрович тайно вздыхает уже год, по телефону так и сказала:

– Совсем вы, Семён Петрович, там у себя в колхозе до чёртиков допились, что ли? Какая к чёрту «Гриша»? С дубу вы там рухнули, – говорит...

И Семён Петрович лебезил в трубку глупости, мол, недоразумение, а Элеонора слышать ни чего не хочет, и издёвку про Гришу на счёт своего отчества всерьёз принимает:

– Это ваши букеты ко мне, – говорит, – одно недоразумение. Корову Гришей назвать!.. Долбанутые вы совсем, – говорит, – хоть и бригадиры... Уже и в Москве мы с вашей Гришей знаменитые стали. Люди хохочут... Што б вы сдохли там, – обижается, – вместе со своей Гришей!.., – трубку швыряет.

Испортил, короче говоря, все отношения с женщиной сволочь-Эдуард.

...А недавно чуть до драки не дошло.

Бригадир по-человечески дал указание окультурить досуг на ферме.

... – А-то чего ж получается?, – солидно от всего сердца кричал с трибуны Семён Петрович, – как свободная минутка, так сразу за бутылку норовят!.. А ведь можно и по-культурному же отдохнуть, товарищи! Нечто в шахматы не сыграть меж доек?.. Или в шашки там!.. Или ещё чего?..

Доярки слушали и хихикали, пожимая плечами. А Эдик-змея покумекал и в свинарнике качели приладил...

... – Ну, не сука разве?, – бригадир аж бледнел, вспоминая какими взглядами осматривал проверяющий качели между ясель с поросятами, – Комиссия приезжает, а у нас в свинарнике – качели!.. Скотина этот Эдик!.. Издевается, сволочь такая!.. Увольте, Иван Иванович, а то придушу я его, сволочугу!.. Что ни комиссия – все в один голос в глаза тычут: «шо за придурок у вас тут бригадир?».. Все шишки на меня!..

... – Да за что ж его увольнять, Семён?, – председатель вздыхал и кряхтел, – Ну, дурачится парень... Работник-то неплохой... Да и работать кто будет?.. Четыре мужика на ферме... На сотню баб... Поговорю я с ним...

– Поговорите, Иван Иванович!, – орал бригадир, выдохнувшись совсем, – Поговорите с этой бль... Прибью дурака!.. Ей-богу, прибью!..

...На следующий день скотник фермы Эдуард Тимошкин стоял пред столом председателя. Рожа нахальная, хоть кол на голове теши.

– Что ж ты, Эдик, всё дурака валяешь-то?.. Люди работают, план дают... А ты всё норовишь выпендриться... Воду баламутишь! Не по-комсомольски это. На кой хрен тебе качели в свинарнике?.., – Иван Иванович мягко по-отечески сетовал.

– Ды..., – а тот ещё и обижается, гад, глаза пучит, – Чем же ему качели помешали?.. Иван Иванович!.. Пить – нельзя, на качелях покачаться – тоже нельзя... Говорит – окультуриваться давай...

– Ты ваньку-то валять мне брось!.., – председатель вдруг кричит строго, для порядку, а разозлиться всё одно не получается, – Ты что ж, со свиньями там на качелях качаться будешь?.. Проверяющий слышал что написал? «... «Допились до качелей в свинарнике некоторые в колхозах нашего района!»... А? «... Что дальше будет, если не прекратить пьянство?», – пишет, – Не ровен час они (это «мы» значит!) в курятнике танцы под гармошку затеют!..», тит его нехай!.., – наконец-то взбеленился председатель.

И Эдик хмыкает сдержанно, без интереса, а председатель темнеет, цитируя, подняв грозно палец:

... – «... пока не поздно, нужно принимать меры! Пока они там до чёртиков совсем не допились!..»

Нехорошая пауза повисла и беззвучно сдулась.

Иван Иванович повздыхал хмуро, не глядя вынес вердикт:

– За «Гришу». За качели. За портрет Андропова в душевой – строгий тебе выговор!.. Следующий раз – уволью к чёртовой матери.

Эдик молчит.

– Ты всё понял?

– Понял...

– Вот иди и работай.

Тот с готовностью направляется к двери:

– Чем им Андропов-то не угодил?... – ворчит на ходу.

– Ну не в душевой же!?! – страшно орёт вслед Иван Иванович, стуча кулаком по столу, – девки раздеваться стесняются!.. Говорят – не знают куды деться от взгляда!.. Ты совсем дурак, что ли? На кой им в душевой Андропов?!..

– Поду-умаешь...

...А через два дня бригадир опять уже напрягал горло в кабинете:

– Уволь ты эту заразу, Иван Иванович!.. Христом-богом прошу, честное партийное!.. Уволь паразита!.. Пришибу скотину!..

В садике

...Ребёнка забирал из садика как-то, помню.

А родитель я неряшливый. Сколько раз жена ругалась, призывая всех святых в свидетели: – Ты чего, совсем дурак, что ли?!., – и в злых глазах слёз по пол ведра в каждом, – Я же просила тебя – забери ребёнка до пяти часов!!.. Ты где был?!.. Скотина!!.. Где ты был?!.. Я тебя спрашиваю!!..

И орёт, как ненормальная... Опоздал я немного. И чего? Забрал ребёнка после восьми. Чего тут такого? С каждым бывает...

... – С каким там «с каждым»!.., – кричит жена, сдирая с сына одежду, – С каким «каждым»?!!..

И плачет дура так злобно, что я не знаю, куда деваться.

... – Я каждый день тебе говорю одно и то же – «Алик! Не забудь забрать ребёнка!.. В пять часов у них группа закрывается!!», Стой нормально!, – автоматически рычит она на сына, «мудохаясь» с пуговкой на воротнике, – А ты?!.. Ты дурак совсем, что ли?!.. Сколько можно?!.. Ты о чём думаешь опять?!.. Дубина тупорогая!.. Ребёнку спать скоро пора, а его ещё купать и кормить!.. «Гений» долбанный!.. Опять свою хрень пишешь?..

Мне иногда кажется, что она меня не любит. Всё время «гением» обзывает.

... – Я же просила!.. Ты же обещал!..

А я вроде и не опаздывал совсем. А потом к садiku подбегаю, а там уже и все окна тёмные, и сторож баба Света посмеивается:

– Опять вы запаздываете?

И сынок мой сонный сидит на стульчике, в уголок голову прикорнул, вот-вот уснёт, зевает, набок норовит уложиться.

...А тот раз совсем рано получилось придти. Полпятого почти. По коридору иду к группе, уборщица тётя Наиля останавливает:

– Тут посидите пока. Сейчас домою – и пойдёте. Вы чего так рано?

...И сажусь я на крохотную лавочку, наблюдая, как бабулька с шваброй в позе «буква Гэ» удаляется по коридору, натирая зигзагом линолеум. Рядом дверь приоткрыта, слышу негромкое:

... – Я же просила уже – я хочу раком!

В садике тишина. Всё вымыто до блеска, на стенах картинки, папье-маше. Фикус огромный подрагивает сонным эхом в длинном коридоре.

... – Нет!..., – капризничает невидимая девушка, – Я тебе сразу сказала – я только раком буду!..

Невольно съёжившись, я представил, что меня «застукают» сейчас, выглянув, мол, чё подслушиваешь, дурик?

... – Не-е-ет!... Я же говорила уже... Я хочу раком!.. Ни чё я не вредничаю!..., – посмеивается за дверью прелестница, капризничая с удовольствием, – Или раком, или вообще не буду!... Всё!... Да!.. Только раком!..

И смеётся, и хихикает, показывая, что и сама согласна, что она и вредина и капризуля:

... – Я раком хочу-у, говорю!... Только ра-аком!..

Видя, что уборщица не меняя позы скрылась за углом, я по-воровски на цыпочках прохожу мимо похабной двери, стараясь не прыснуть смехом. Следом несётся говорок:

... – Ну всё!.. Договорились?!.. Алё?!.. Короче говоря, я буду «Рак». Трофимова – «Лебедь», а Мария Васильевна – «Щука»!.. Хорошо?.. Ну, ладно, давай!.. Чмоки-чмоки!.. Я уже костюм меряла...

И я сижу потом весь взволнованный в раздевалке, жду сыночка, доедающего супчик, весь такой довольный, что не застукали меня...

Дурак, ей-богу... Кому скажи...

Крылова они, сволочи, изучают в садиках, видети ли тили... ти...

Домовик

...Дед мой, Анатолий Леонтьевич, царствие ему небесное, хороший человек был! Рассказывал нам часто истории немудрёные, а мы, внуки (целая шайка нас бывало соберётся в кучку, рты раззявим – слушаем!), и всё ждём, когда дед опять про домового вспомнит. А домовый-то – тут, как тут!.. То половицей скрипнет в углу, то у печки голик легонько толкнёт, да тот и проедет ручкой по стенке, да и шлёпнет на пол, как живой... Озорник домовый-то. А дед его хвалит нахваливает, а и есть за что. У сильного домового и в доме порядок, и по сараям, по огородам всё на местах. И дровня полным-полна, и в погребе сухо, и припасов под самый потолок.

Раньше-то в каждом доме домовые водились. Да! Что же за дом без домового-то?.. Кто же за порядком-то присмотрит? Без хозяина-домового и мыши напраказничают, и крыша протекает, и, того гляди, до пожара недалеко, упаси Господь!.. Домовой за каждым смотрит, да всё замечает. Строго припомнит потом.

Ежли, к примеру, кто из людей скромненько со старшими, да работящ и весел – получай, что заработал: домовый и в трубе смешно погудит, и сон до утра охранит, а по дому поможет так, что и не заметишь работы-то, всё споро, быстро, да весело. А кто врёт много, да зло в себе таскает – домовый тоже смотрит, да примечает. И вот будто валится у такого человека всё из рук – это домовый его под локоть толкнул. И муху в молоко бросит, и в борщ плюнет, чтоб тот скис за ночь. А спать злой человек ляжет – домовый и давай ему спать мешать: то одеяло стянет, а то наоборот – с головой укроет!.. Так вот было.

Были домовые. Были... В старину-то. В каждом доме были. А по дому-то сразу и видно. Если видишь – домик и тёплый, и крепкий, и сытно в доме, и песни поют – так и знай, в этом доме домового уважают и слушаются, вот и он за домом смотрит. Чуть кто вздумал ругнуться – домовый с чердака тихонечко в половицу – «стук!». Мол, ну-ка, тихо там!.. Человек сразу и молчок... Нечо ругаться-то. Или кто вдруг обиду затаил или ещё чего, домовый тут как тут: то в печке чихнёт, то форточку сквозняком толкнёт. Предупреждает, что бы не забывали-то.

...Бабушка на рушнике завязывала пару узелков и получалась кукла. И вот уже домовик кубарем с чердака бежит – торопится. И в куклу-то шмыг!.. И кукла оживает будто. И споёт и спляшет кукла Катька, и поругает, что молоко не допил, и покорит, что снег ел – это домовик в кукле бабушкиным голосом пел мне когда-то: «Ой-лё-ли!.. Ой-лё-ли!»

голик – веник,

дровня – место, где хранят дрова,

рушник – полотенце,

кубарем – кувырком (кубарь – небольшой деревянный вьюн-юла для игры в старину).

Анзорчик

...Как-то сложилось, что одна из любимых мною тем неминуемо связана с периодом конца 90-х.

Именно этот период разделил мою жизнь на две половинки, где в первой – пионерский галстук, мороженное по 20 коп., песня Лещенко «Ни минуты покоя» и любимая моя учительница Мендыханым Галимжановна, а во второй – мне вдруг объяснили, что я «нерусский», в «Союзпечати» я видел своими глазами порнографические карты на витрине (в то же время выяснилось, что «любить» женщину можно ни только туда, а ещё в 3—4 места...), а на памятнике Ленину почти год красовалась кем-то намалёванная свастика (и всем было пофиг!), и спокойно витали в воздухе такие невозможные понятия, как «дать на лапу», «проститутка» и «толпой накурились».

Мне повезло, и этот период жизни я отсиделся в армии.

Два года и шесть месяцев я отдавал долг Родине в Подмосковье, где в форме лётчика (голубые погоны), в цеху я трудился плотником-станочником, делая гробы.

В день мы «строгали » обычно по 2—3 штуки. Сие изделие мы называли «термос», ибо окромя самого гроба (полностью оформленного (белая ситцевая подушечка со стружкой, чёрный кантик кружевом по боку гроба)) в комплект входил ещё и цинковый параллелепипед (иногда с окошком на уровне лица) и поверх всего этого – здоровенный фанерный ящик, в три метра длиной. Три коробочки – одна в одной. В итоге конструкция была тяжёлой и громоздкой, вчетвером разве что... И по ведомости я (ко второму году службы – старший бригады работ спецзаказа) отмечал это как «изделие СКТГ-200». Спецкомплект транспортировки груза – 200».

И каким-то макаром в наш закрытый коллектив (12—15 чел кустарей, три плотника, три грузчика, и проч., и все в форме лётчиков!) к нам периодически направлялись вновь прибывшие.

И вот к нам пришёл Анзорчик.

Одному богу известно, какого чёрта Арзори был к нам направлен.

Наше отдельное подразделение разумнее было-бы назвать взводом, потому-что больше 20-ти человек у нас никогда (как говорили дембеля) не собиралось. Пару сварщиков, пару электриков, пару столяров. Мы выполняли аварийные работы в любое время суток. Режим казармы нас особо не касался, и смотрели все на нас обычно с завистью. Препираешься такой за полночь, целый час моешься-бреешься, а потом куришь с Андрюхой Борисенко (и втихоря клюнешь по пийсят), а потом мочишь харю до обеда, ворча на бегающих с утра по подъёму мимо твоей шконки салаг:

– Слышь, тише ты там, пехота... Полегче копытами...

А ещё лучше сержантик такой в 6 утра визгливо поднимет казарму:

– Рота подъём, мля!

И казарма вскочит, как ошпаренная, а командир роты прохаживается не спеша, а потом ядовито корит опоздавших в строй, и тут ты такой ковыляешь мимо вытянутого по команде «смирно!» строя, в трусах и тапочках, с закрытыми глазами, чтобы сонно побрызгать в томном эхе холодного туалета, и также прошоркать мимо, и смачно увалиться обратно спать...

И вот прибыл к нам Анзорчик.

...Анзор Данелия, между прочим.

Грузноватый невысоки хлопчик. Смелый взгляд. Ладошки пухлые.

Я удивлялся – шо це такэ?

Я – плотник-станочник с правом ремонта. Андрюха – сварной 4 разряда. Эдик Швачко – хороший КИП-овец. Ринатик Гатауллин – мазёвый арматурщик (и может заменить и плотника

и КИП-овца, если чё!), и т. д. И весь наш худой коллектив – мастера и кустари, я вон до сих пор ножи охотничьи делаю, ибо люблю работать руками. А Анзорчик приходит, и мы удивляемся. Анзорчик ни то что пуговку пришить, он и умыться как следует не может. Капризный шумный карапуз, холёный и балованный, вечно требующий помощи и внимания, Анзорчик – боксёр с десятилетним стажем, который шутку-прибаутку обязательно сопровождает дурашливым замахом в челюсть, останавливая кулак в сантиметре:

– Цык-цык... Чё ты?.. А?.. Пощютил же я!.. Чё, пощютилка не понимаешь?...

И обижается, насупливая брови, если кто не понимает «пощютилку». А кто третий раз не понял, и зажмурился, поднимая руки – Анзорчик серчает, краснея и размахивая руками, считая, что если ты такой тупой, что не понимаешь, то ты не уважаешь грузинов, и прочее, и Анзорчик смотрит с нескрываемой ненавистью, и еле сдерживает желание немедленно тебя убить.

Короче, хороший пёсик.

А я уже был в той сладкой стадии ” дедушки», когда «понял службу», и авторитет свой принимал как должное и обыкновенное, и перспектива получить по роже меня лишь забавляла. Нет, я не из робкого десятка, но по своей больной впечатлительности я всё чаще представлял, что разборка с резвым Анзорчиком меня не обойдёт стороной, ибо по породе своей я не сдержан, и не приемлю панибратства такого характера. Вон уже, безобидный и славный парень из Риги, Харалд, умница и чистюля, талантливый столяр, ни с того ни с сего получил по уху (а Харалду через месяц домой, а Анзорчик – два месяца, как служит!), и Харалд, сгорая от стыда перед молодыком, задумчиво и осторожно трёт пунцовое ухо, а Анзорчик (весьма тупое и самовлюблённое существо с пудовыми кулаками) отчитывает его по-отцовски:

– Говориль – нервы не играй? Говориль тебе?

И Харалд унижается, не зная, куда деваться от наших взглядов:

– Говорил...

У них произошёл диалог – в умывальнике Анзорчик попросил Харалда принести ему из тумбочки мыло (он всё время всем раздаёт поручения), а дембель-Харалд принял это за шутку, и Анзорчик пять раз смеялся, а потом заехал Харалду так, что Харалд ударился ухом об раковину и испачкал форму в мыльной луже. И Анзорчик искренне возмущается, еле сдерживаясь:

– Или я не говориль тебе?...

Короче говоря, я слегка затосковал.

Я знал наверняка, что тесного знакомства с Анзорчиком мне не избежать. И при своей шуплости я понимал, что моих кулаков на фоне очков явно будет недостаточно.

Я рисовал в фантазиях, как это неминуемо произойдёт.

Я повторяю, я не лох и не трус. Но как-то я увидел, как чётко и грамотно Анзори ставит левый хук очередному непонятливому, и мне становилось грустно. Я понимал, что у меня мало шансов, и мне нужно начать всё это первым.

При откровенной глупости и никчемности, Анзорчик являл собой образец чопорности, брезгливости и мстительности, всякий раз переспрашивая собеседника, с трудом соглашаясь, что над ним не надсмехаются.

– Чё ты сказал?... Че ты сейчас сказал?...

И, прижатый за шиворот в угол очередной «насмешник», не веря своим глазам, тщетно дёргался, пытаясь урезонить взбеленившегося Анзорчика, не ведая, чем он так расстроен:

– Да... Подожди... Ды...

– Чё сказал?, – переходил на кульминационный перед ударом визг Анзорчик.

У Анзорчика в Потти трёхэтажный дом и свой личный спортзал.

Сами грузины проходят мимо земляка с опаской. Настроение у Анзори меняется стремительно и непредсказуемо.

Только что сидели за столом, мирно беседовали и кушали, и вдруг резкий звук скользящего по полу стула, крики, шум, звон стакана об пол:

– Анзор, да ты подожди...

– Чё ты сказал?... Чё ты сказал?!..

– Да ты не понял... Анз...

И уже дубасит Анзори кулаками поверженного, сидя у него на груди.

...Скорее всего, я думаю, спас меня от неминуемой разборки Ваня Бойко. Черниговский пацан.

Тоже весьма интересный кекус.

Худющий, жилистый Ваня, со стороны совсем не впечатлял. Не интересный пацан. Рожа в прыщах. Сутулый и загорелый, Ваня явная деревенщина. На таких обычно катаются. Совершенно безотказный работяга. Шо коняка. Не раз Анзорчик отправлял Ваню с поручением. То одеколон принести «смотри – я понухаю! Эсли на себя побрызгал...» То просто «иди, смотри – почтальон приходиль?», и Ваня спокойно и без задней мысли по-свойски «помогал», как и помогал каждому, кто обращался к нему с просьбой. А тут выяснилось, что Анзорчик чем-то остался недоволен, и Ваню схватили за шиворот, но Ваня обеими руками руку отдрал, и Ване обещали «показать», так как пришёл командир роты, и Ване пять раз прошипели «подожди, потом посмотришь!»...

И вот посреди ночи, часа в два, казарма проснулась от тонкого визга...

...Подкравшись к спящему Анзорчику, тощий Ваня осторожно просунул ремень между прутьев спинки изголовья кровати Анзора, обтянул ремнём шею дремлющего боксёра, и, намотав концы ремня на кулаки, упёрся ногами в кровать и стал душить Анзорчика, изо всех сил натягиваясь и краснея.

Пунцовый Анзорчик, мгновенно взбешённый, брыкал ногами, шипел и становился синим, но Ваня, облизывая губы, сипел, натягивая ремни:

– Ещё раз, сука... Ещё только р-раз ты, мразота, ко мне подойдёшь...

Анзорчик беленился, и бился так, что кровать прыгала и ходила ходуном, и пару раз он буквально становился вертикально, вцепившись в ремень, но змей Ваня, маневрируя, словно вожами, не уступал, хмуро уговаривая:

– Ты меня понял, сука тупая?.. Ты понял меня?.. Угондошу тебя, скот тупорогий!..

Побившись с минуту, придушенный Анзорчик разразился немой молитвой, обливаясь слезами и мелко шлёпая сразу руками и ногами по сетке кровати.

Чуть ослабив хватку, Ваня строго выглянул сверху:

– Ты точно понял меня? Сучара... У!?

Анзорчик разрыдался навзрыд, шумно вдыхая воздух, совершенно подавленный и разбитый:

– Д... Д... Пын..., – и истово закивал головой, глядя на Ваню глазами полными ужаса и слёз.

Потом он полчаса сидел в темноте, сглатывая и натирая шею, растрёпанный и несчастный, а казарма жила своей жизнью, и на него старались не смотреть.

...Ваня остался таким же, каким и был раньше, что и пугало. Такая же дурачина, которого что обдурить, что припахать, бегают – лыбятся, всем довольный.

А Анзорчик потух и сдулся.

Только раз я слышал как-то, как он обиженно сетовал кому-то в беседе, осторожно ошупывая горло и озираясь:

– Не мог но нормальному поговорить, что ли... Как звэрь савсэм...

Мамульчик

Да и писать-то особо не о чем...

История, каких тьма. Маринка с Лёхой поженились. Через год у них Леночка родилась. Чё тут рассказывать-то?.. Может кому и не интересно.

А Лёха свою новую ипостась в роли «зятка» принял взволнованно и стойко. Всё эти анекдоты про тещ. Кого слушаешь, так теща – это исчадие ада прямо какое-то...

...А Людмила Викторовна красивая женщина. Есть такая порода. Они и к восьмидесяти остаются женщинами, «бабкой» язык не повернётся назвать. И причёсочка у неё, и маникюрчик... Шляпки с пером не хватает!.. Летом она в бриджах, зимой в спортивном костюме на вате. И фигурку сохранила и приятность улыбки ей к лицу. И вот Лёха (зятьёк новоиспечённый) стал присматриваться к теще, и с удивлением в два дня понял, что врут люди. Ни все тещи плохие. Есть исключения!.. Вон у Андрюхи теща, например – тоже нормальный человек. Живут себе спокойно. Андрюха её даже «мамой» зовёт. И Людмила Викторовна – милая хлебосольная женщина. Ещё до свадьбы бывало с Маринкой в гости к ним зайдёшь – Людмила Викторовна щебечет, как синичка, всё с шуткой, всё с прибауткой. И добавку заставит съесть и прилечь-отдохнуть расположит. И смешно и приятно. Отказываться бесполезно, всё-равно по своему сделает, настоит. Полдня Лёха с Маринкой просидели дома, и завтракали и обедали. Собрались куда-то, одеваются, а она подскакивает неожиданно:

– А я вам сейчас блинчиков, Лёш?..

И бегом на кухню, и с кухни покрикивает:

– Мариночка!.. На минуточку задержитесь, зайка!.. Я быстренько!.. Лёша голодный совсем остался!..

– Да ма-а-ам!..., – Маринка, обуваясь в коридоре, надувает губки, смешно тараша красивые глазищи беззвучно смеющемуся Лёхе, – мы уходим уже!..

– Минуточку!.. Одну минуточку!..., – гремит сковородками Людмила Викторовна.

– Да мама!..., – обутая Марина капризно хмурится, смешно грозит Лёхе, – мы наелись!.. Опоздаем сейчас!..

– Всё, Мариш!.. Всё!.. Ещё пол минуточки!..., – щебечет мать с кухни и слышатся звуки миксера, разбивания яйца, ложку на пол уронили...

– Мама!..., – Маринка тщетно злится, шёпотом срываясь на Лёхе, – Ты чё ржёшь?.. Сейчас точно опоздаем!.. Скажи, что наелся!..

Лёха влюблённо смеётся, прижимая к себе брыкающуюся Маринку:

– Людмила Викторовна!.. Как-нибудь в другой раз!.. Спасибо, очень вкусно...

– ... Бегу, Лёшенька!.. Бегу!..., – одновременно с ним кричит Людмила Викторовна.

И вот их уже потешно раздели и заставили вымыть руки, а блинчики не получились – тесто плохое вышло, и Людмила Викторовна просит Лёшу достать с антресоли грибочки и варенье в банках, а Маринка кричит: «Да мама!..», а Лёха ржёт, как дурак, влюблённо глядя на обеих. И вместе с грибочками на Лёху падает огромный фотоальбом, и все пугаются и опять смеются, а потом целый час приходится смотреть фотографии, и Людмила Викторовна то прослезится, видя фото год назад умершей бабушки Тони, то неожиданно быстро перелистнёт страницу со смехом – «тут я плохо получилась!» И тут Людмила Викторовна испуганно спохватывается, что «они же опаздывают!», и долго извиняется перед Лёхой, что он остался без блинчиков, и кричит извинения вслед уже в подъезде.

Короче, ни теща, а кусок динамита, как сказал бы мой отец.

А Лёхе тёща очень нравилась. Как ни крути, а женщина она милая и приветливая. Немного взбалмошная, вечно куда-то торопится, но со стороны это выглядит забавно, и Лёха во что бы то ни стало решил быть хорошим и послушным зятем. Что и сделал.

А подвижный и деятельный характер Людмилы Викторовны похоже изнурял в первую очередь саму её. За столом сидят, культурно всё, а она тебя спросит, за тебя ответит, а потом долго объясняет, почему ты не прав. Лёха ржал. Это было смешно, что пару раз тёщу хотелось заграбастать, как Маринку, потискать – потормошить. Но вместе с ростом пуза у Маринки, у тёщи росла потребность в воспитании Лёхи и это стало чуть раздражать. Абсолютно незнакомый для Лёхи статус всё время виноватого, постепенно надоел. И вот уже всё реже он смеётся над милыми замечаниями, и старается уйти от ответа, но и этим не отделаешься. Ответил – получи, потому что ты не прав. Промолчал – ещё хуже: тебе тут же объяснят, что ты обиделся (да-да! я вижу – ты обиделся!..) потому что был не прав в следующих ситуациях... И Лёха задирает брови, узнав, что он оказывается и в тот раз был тоже не прав, а и не заметил...

А самое неприятное, что Лёха совершенно не желал пополнить армию «обиженных на тёщ»!.. Ведь правда же – да, это смешно, когда рассказывают о чопорной и вредной дуре, которая отравляет жизнь своими выкрутасами!.. А чем же ты отличаешься от неё, зятек, если ты не можешь найти общий язык с женщиной, которая тебя в два раза старше? Если у тебя ума больше не хватило, кроме как на склоку и скандалы с ней... Чем ты-то лучше?..

...И Алексей каждый раз настойчиво призывал себя не распускать сопли. Ведь это же смешно! Он – здоровый и умный мужик, у которого вот-вот ребёнок будет (причём ребёнок желанный и потому уже любимый!), он – работяга и вообще человек в принципе адекватный и жизнерадостный, вдруг ни с того ни с сего пополняет ряды малоумных нытиков, которых хлебом не корми – дай поскулить, какая плохая тёща ему попалась! Нет, Лёха ни такой, и быть таким никогда не желает. И уступить он всегда может с лёгкостью – благо воспитан в нормальной семье, где легко и разумно принимают – это отец, это женщина, это старик. Чего ни так? Всё правильно. Субординация, так сказать... И Алексей всякий раз давал себе слово, что при разговорах с Людмилой Викторовной будет кроток, разумен и тактичен. Чего уж проще-то? И всё чаще и чаще он со вздохом понимал, что это ни так уж и просто. Происходило это совершенно неожиданно. Из любой, совершенно безобидной, казалось бы, мелочи у них неминуемо вырастал скандал с разбирательством, выяснением «кто виноват» и последующим «разговариванием». И Лёха мрачно отмечал, что, видимо, ни такой уж он и умный парень, если не может контролировать процесс общения с единственной тёщей. А самое отвратительное и обескураживающее было то, что Лёха действительно совершенно ни мог объяснить даже самому себе – чего он опять натворил-то? Вроде бы работает, не пьёт, в чужие дела не лезет...

Обычно разговорчивая и приветливая тёща, как оказалось, разговаривает практически только сама с собой. Ежесекундно поучая, давая советы, призывая при этом бога в свидетели, Людмила Викторовна источает массу липкой тягучей патоки, зорко следя, что бы её внимательно слушали, и горе тебе, дураку, если ты по глупости вяжешься в диалог.

– Только добра!.. Только добра нужно желать друг-другу!, – как всегда неожиданно Людмила Викторовна начинает свой бесконечный монолог уставшим голоском, – И здоровья и мира желать нужно друг другу! Бог всё видит и всегда поможет!, – крестится она странным зигзагом – лоб, плечи, живот, – Только добра и здоровья!.. Чтобы все-все!.. Все-при-все были счастливы и здоровы!..

И Алексей разумно помалкивает, узнав недавно, что соседи Людмилу Викторовну побаиваются и недолюбливают, за спиной называя «истеричкой», почему она и не здоровается ни с кем в доме.

– Вот пожелаешь кому-нибудь зла или неприятное слово какое скажешь если, – продолжает она, делая грустные брови, – И сразу же троекратно вернётся тебе зло!.. Истинный крест!.. Троекратно!..

А Лёха вспоминает, как во дворе недавно их встретила соседка с первого этажа:

– Здравствуй, тётъ Люд!

И Лёха машинально здоровается, а Людмила Викторовна чуть кивает, ускорив шаг, и уже в лифте зло шепчет, поясняя:

– Наташка. Сучка с первого этажа... На дому у себя стрижёт за деньги. Думает, я не знаю. Весь дом к ней стричься ходит.

И дурак-Лёха из вежливости глупо улыбается, примирительно хмыкает:

– Да вам-то что с этого, Людмила Викторовна?.. Пусть стрижёт себе...

Людмила Викторовна бросает длинный взгляд на зятка:

– А мне и нет никакого дела!.. Мне то чего?.. Я в чужие дела не вмешиваюсь!.. Что мне теперь, целоваться что ли при встрече с ней?..

– Ну, да..., – неопределённо протягивает Лёха, думая про себя с досадой: «Тфу, блин!...»

...С Маринкой у Лёхи было всё просто и легко. Она – маленькая умничка, которую хочется слушаться, он – здоровенный добряк, обожающий свою "билеменную козьявку».

– Ты когда-нибудь серьёзным бываешь, дурачина?, – Маринка уютно усаживается к Лёхе на колени и целует его в нос.

– А зачем?, – смеётся тот, легко обнимая жену, лаская, как ребёнка.

– Ой, дурачи-и-ина..., – смеётся Маринка.

...А тут началось... Как ни придёт Лёха домой – его ждёт бойкот. Чего дуется? Не понятно. И, главное, молчит, зараза. Поди сам догадайся – чего ты опять натворил?

Только спустя несколько лет всё объяснилось.

Они уже давно отдельно жили. С родителями от силы пару месяцев пожили и съехали. Леночка подрастала, и Людмила Викторовна теперь периодически «устраивала концерты» по телефону (Маринкино выражение).

– Нет, ты представь?, – сквозь рыдания, с красным носом и мокрым лицом, кричала Маринка мужу, – Что за человек такой?.. А?..

Обалдевший Лёха удивлённо мыл руки и пытался всё перевести в шутку, наперёд зная, «что опять стряслось».

– Что за человек такой?!.., – зло плакала жена, – вечно позвонит, скандал на пустом месте устроит и трубку швыряет!.. Довольная. «Поговорила Марина с мамой»!..

– Чё стряслось-то у вас опять?..

И Маринка, зло шмыгая носом, чуть не кричит:

– Задолбала, ей-богу!..

– Не говори так про мать!, – тихо, но твёрдо молвит Лёха, хмурясь для порядка, – не хорошо так!..

– Да задолбала она!.. За! Дол! Ба! Ла!...!, – рыдает та, и рассказывает очередной «концерт».

А концерта-то особого и нет. И рассказывать не о чем!.. Действительно, из самой пустоты, из воздуха выдулся пузырь и лопнул, забрызгав всех липкой патокой.

Придерживаясь правил хорошего тона, Людмила Викторовна звонит стабильно два раза в день, спрашивает, кушала ли дочь, да как внучка, и потом даёт несколько советов и торопливо прощается, «Чтобы особо не тревожить», передавая всем приветы и желая всем-привсем счастья...

Маринка – девочка хорошая, всегда терпеливо выслушивала мать, виновато улыбаясь и подмигивая Лёхе, ждущего ужин. Но всё чаще уже разговоры эти становились для Маринки в тягость. Одни и те же вопросы и причём ответов на них абсолютно не слушают:

– Ой, я вчера полдня в «Ленте» проторчала!.. Оторваться невозможно!.. Ха-ха-ха!..., – смеётся над собой Людмила Викторовна, – и то надо посмотреть, и это!.. Не-воз-можно, Марин!.. Невозможно!.. Шопоголик я прямо, ей-богу!!!.. Кофточку себе присмотрела – пре-

лесть кофточка!.. Жёлтая, с люриксом... А какой я гамак видела чудесный!.. Обзавидовалась прямо!.. А цена!.. Представляешь – тряпка метр на метр, а почти десять тысяч!.. Леночка-то не болеет?, – спрашивает она вдруг тревожно.

– Да она... не пра..., – не успевает ответить Маринка.

– Ой!.. А какой комод я в «Костораме» видела!.. Прелесть, а не комод!.. Вот представь: четыре секции, две средние дверцы стеклянные, непрозрачные, как я люблю, а столешница... знаешь, вот, помнишь, у нас гарнитур был, такой бежевенький?.. Помнишь, ещё у бабушки Тони (голос начинает дрожать, и Людмила Викторовна сглатывает слёзы, дребезжа словами) Как там она моя роднулечка?.. Мамочка моя миленькая... В могилке одна... Одна-одинёшенька...

У Маринки краснеет нос и в глазах наливаются слёзы:

– Мам... Ну что ты, ей-богу... Изводишь себя так?.. Ну, не надо, мам?..., – тоже сглатывает, начиная шмыгать носом.

– ... роднулечка моя милая..., – заливается слезами Людмила Викторовна, – и холодно ей там, и страшно совсем одной в могилочке...

Маринка долго смотрит в окно, слёзы текут по горячим сухим щекам. Лёха бесшумно уходит в ванную.

– ... вот так и я помру скоро, и никто на могилку-то не придёт..., – подвывает Людмила Викторовна, и Маринка начинает закипать, ругая по-доброму, чуть не крича сквозь слёзы:

– Да что такое говоришь, мам!?! Ну зачем ты...

– ... и скорей бы уже отмучиться-то...

– Тфу!..., – Маринка швыряет трубку и ревет в голос, закрывая лицо руками.

Лёха хмуро выходит из ванной, со смешком укоризненно ворчит, обнимая жену:

– Ну, молодцы-ы!.. «Поговорили!».. Ну, какого чёрта тут у вас опять?..

– Что за человек?!..., – зло всхлипывает Маринка, отстраняясь. Слёзы горячие, солёные, обиды высказывает накопившиеся, – С ума она сошла, что ли?..

– Не говори так про мать...

– Да как «не говори»?!.. Как?!.. Задолбала!..

И Маринка рассказывает, что Людмила Викторовна в разговорах изнуряет её бесконечными обвинениями в Лёхин адрес. Теперь уже Лёха отстраняется, удивлённо задирая брови:

– Я думал – успокоилась... Мы ж и не общаемся практически... «Здрасти – здрасти...» И всё... Чё опять не так?..

И Маринка хмурится, перебивая:

– Да откуда я знаю, чё у неё опять не так?.. Звонит мне и говорит – «скажи ему так и так!»...

– «Как»?.. – смеётся Лёха.

– Да хрен её знает, «как»!.. Всякую чушь мелет и сама же обижается!.. Говорит – мы её душой считаем!..

– Не говори так...

– ... И вроде бы ни чего такого не говорит, а через пять минут уже ругаемся, как собаки!..

Звонит телефон и Маринка испуганно подпрыгивает, делает гримасы, испуганно жестикулируя, быстрым шёпотом кричит:

– Если это она – скажи, что меня нету!..

И убегает в другую комнату.

Сплюнув в сердцах, Лёха поднимает трубку:

– Да.

Помолчали. Положили.

И, казалось бы, как и любой конфликт – он имеет начало, основную программу и логическое окончание. Ан, нет!.. Ни конца, ни края, ни логики не видел Алексей, всё глубже погружа-

ясь в непонимание: что делать-то? Как поступить?.. Ведь всё совершенно ясно и просто! Если у вас, к примеру, в семье что-то кого-то не устраивает и дебаты по этому поводу уже плавно переходили в стадии мордобоев с визгами – то уже, кажется, что конфликт обозначен на какой-то претензии и кое-кому уже пора делать выводы. И Алексей старательно искал выход, что бы сделать хоть какой вывод. И не находил его. Ужасным было поведение Маринки. Всегда ласковая, нежная и чистенькая в душе, Маринка вдруг проявила в себе неожиданные для Алексея качества. И если раньше между матерью и дочерью велись тайные переговоры, нацеленные против непосредственно Алексея, то теперь Алексею всё сложнее и сложнее в очередной раз удавалось усмирить разъярённую супругу. Мариночка – которую раньше можно было довести до слёз неосторожным грубым словом, превращалась в холодную и жестокую фурию, совершенно не жалеющую собственную мать. Нет, до драк, конечно не доходило, но бывало, Алексей с удивлением слушал, как она разговаривает по телефону. Сухо, холодно, с еле заметным презрением. «Да. Нет. Пока. Угу, пока, мамульчик.» А потом зло передразнивает мать:

– ...«Что вы не приходите, Мариночка?», говорит. Да как же к тебе прийти?.. Да и зачем? Ребёнка месяцами не видит! «Бабушка!».. Какую-то хрень по телефону тарахтит, слушать противно. Я говорю у Леночки утренник в садике сегодня будет, а она мне про «классный чайник в «Ленте»...

Периодически Людмила Викторовна «забегала на минуточку»... Это были тягостные минуты. Запыхавшаяся, уставшая, полные сумки «гостинцев», с порога она щебечет, что «буквально на минуточку!», и не раздеваясь, прямо в коридоре полчаса может просидеть на пуфике в шапке и пальто, сняв один сапог «чтобы чуть-чуть нога успокоилась». И первое время Лёха тщетно поругивался по-свойски:

– Заходите!.. Как хорошо, что забежали!.. У нас, как раз все дома!.. Заходите-заходите!.. Марин, чайник поставь!..

– Не-не-не-не-не-не!... Я на минуточку!.. Не-не-не-не!..., – Людмила Викторовна не даёт снять с себя пальто, с трудом переводя дух, потирая окованные от десятка пакетов руки, – Вот, Марин, осторожно!.. Там банка с огурцами и свининки немножко я вам взяла!.. Хорошая свининка. А вот Леночке, посмотри, маечка. Посмотри – если мала, я поменяю, у меня чек сохранился!..

И посидев минуту, мучительно натягивает сапог на измученную ногу, отбиваясь от Маринки:

– Не-не-не, Марин!.. Пойду я!.. Ты что?.. Чё я буду тут рассиживаться?.. Побегу...

...Когда тёща уходила, Лёха беззлобно ругал жену:

– Чё ты её отпустила?.. Ещё спрашиваешь: «Будешь чай?» Чё спрашиваешь-то?.. За шкурку её, и на диван, вон... Пусть отдохнёт!.. Ленка, вон, проснулась, а бабушка смылась уже... Чё за фигня?.. В кои веки пришла!..

И Мариночка злилась на себя и следующий раз пыталась настойчивее затащить мать в квартиру, и было ещё хуже:

– Не-не, Марин!.. Ты что?... (а Маринка строго брови сдвигает и воинственно забирает у матери пальто), – ну, ладно, на секундочку я только... Капельку посижу и побегу...

И не снимая шапки, с накинутым на плечи пальто, Людмила Викторовна садилась на краешек стула, и Лёха молниеносно мазал бутерброды, наливал кофе, вытаскивал из холодильника мясной салат и, игнорируя «не-не-не...», делал всем порции, и, показывая пример, весело ел сам. А Людмила Викторовна делала пару глоточков, отщипывала от хлеба крошку, а потом отрезала это место ножом, показывая Марине – «вот, почти не заметно!», и Маринка начинала краснеть, а следующий раз Маринка уже просто молчала, наблюдая за этой комедией.

Лёха злился:

– Шо за дурдом у вас тут творится?..

А Маринка, уже не плачущая, тихо и зло раздувала ноздри, цедя сквозь зубы:

– Да дура она... Чё, не видишь?..

Лёха хмурился и получал очередное откровение.

Как-то Людмила Викторовна позвала Маринку с Леночкой «прогуляться по магазинам, посмотреть чё-нибудь». Марина очень переживала разрыв с матерью и с готовностью согласилась, планируя в уме посещение детской кафешки.

– Представляешь... Ей ни в коем случае нельзя доверять ребёнка!, – зло и задумчиво щурится, – Ни в коем!..

Лёха, уже ни чему не удивляющийся, молча ждёт.

– Всю дорогу суёт то шоколадку, то яблочко... И щебечет, щебечет... Кошмар какой-то...

– Ну, соскучилась, чё ты?..

– Нет, Лёш... Она опасная...

...Когда уже прогуливались по парку, возле дома, трёхлетняя Леночка подняла с тротуара прутик.

– Брось!.. Ты что?.. Брось сейчас же!.., – кинулась к ней бабушка.

А прутик удобный, толстенький, сухой.

– Брось!.. Он грязный!..

Мариночка молча улыбается, смотрит, как Людмила Викторовна «воюет» с внучкой. Лена прячет прутик за спину «у-у!», не хочет отдать.

– Брось, я сказала!.. Фу, какой грязный!.. Фу, какой противный!.., – заливается смехом Людмила Викторовна, волчком крутясь вокруг девочки. Изловчилась, схватила прутик, тянет на себя. Лена нахмурила бровки, но улыбается, не отдаёт, крепко держит свой конец обеими ручками.

– Брось, говорю!, – весело кричит Людмила Викторовна и резким движением вырывает прутик, раздирая ребёнку ладони, ломает прутик пополам и закидывает его высоко в густую крону ёлки.

– Мам!.. Да зачем же ты?.., – перепуганная Маринка садится перед орущей от обиды и боли Леночки.

– Не послушная!.. Не хорошая девочка!.., – кукольным голосом строго грозит пальчиком бабушка, – Ай-я-яй!.. Как нехорошо бабушку не слушаться!.. Ай-я-яй!..

... – Представляешь?, – Маринка смотрит на Лёху снизу огромными глазами. Лёха косится на спящую в кровати дочку, только сейчас заметив, что у неё ладошки в «зелёнке»...

...А Маринка совсем сбесилась. Лёха уже и не узнаёт её. Такая лапка, такая пипочка была, а сейчас посмотри – мегера злющая. Одни разговоры – про Людмилу Викторовну. Лёха уже и ворчать престал, смысла никакого. Как только Маринка мать не костерит:

– Нет, ты посмотри, что за человек такой!, – не в силах сдержаться, Маринка швыряет тарелку в раковину, – Слушай, она с ума меня сведёт!

Алексею уже не смешно. Он уже строго ругается:

– Чего ты прицепилась к ней?.. Больше поговорить не о чем?!..

А сам понимает, что кривит душой: только и думает с утра до вечера о Людмиле Викторовне!.. И ведь странное дело: проблемы-то особой нет – порядочная, положительная женщина. Ни пьёт, чистоплотная, живи и радуйся!.. А смотришь на неё и хмуришься.

– А ведь она всегда такой была..., – Маринка мрачно и зло размышляет, раздувая ноздри, – я ведь помню – всё детство она меня к деду с бабой спихивала...

Протирает тарелки Мариночка так, словно мстит кому-то:

– Сколько помню себя – всё детство я у бабы Тони... А один раз мы уроки учили...

Опять краснеет, останавливается, замирает...

...Классе в третьем Маринка была. Жили они на съёмной квартире. Лето, радио орёт что-то весёлое, Маринка уроки учит, а Людмила Викторовна полы моет. И надо ж такому случиться – по жаре она, как правило, совсем голая по квартире шастала. В одних трусах, а то

и вообще – полотенцем обернувшись. И вот Маринка уроки учит, а молодая Людмила тридцати лет нагнулась пополам, нижним бюстом своим перед Маринкиным носом, и под столом что-то намывает. Маринка примолкла, впервые в жизни так близко перед собой увидев женские подробности. А Людмила выпрямляется, красная от натуги, замечает дочкину неловкость и бьёт её по щеке:

– Ах, ты ж дрянь какая!.. Ты куда это смотришь?!.., – и ещё пару раз наотмашь, – Ты куда это смотришь, мерзавка!?!..

... – Знаешь, как мне обидно было?, – Маринка так бледно и жалостно собирает брови в «домик», что Лёха и не думает улыбнуться, – Я ведь любила её... Я и не думала подсматривать... Мне было-то лет десять...

И Маринка вздыхает зло и вспоминает всё новые обиды:

– Приведёт меня к бабушке, говорит: «я сейчас в магазин схожу. Чего тебе купить?» Я как дура радуюсь, говорю – мороженное принеси, мам! А она говорит – хорошо. А у самой билет и чемодан собран... А я сижу у окошка и жду... А она уже в поезде... То в Ялту уедет... То ещё куда...

...Лёха понимает, что Маринке надо выговориться, что в обиду он её ни даст. А так же понимает, что надо что-то делать... Ведь – мать. И никуда не денешься. И вздыхает, вспоминая, как Маринка недавно болела и Людмила Викторовна «взяла всё в свои руки»...

...Дома тягостно. Когда болеет кто, всегда невесело. И Лёха тихонько входит после работы, а его не встречают, и Лёха знает, что Маринка лежит четвёртый день с температурой – мастит, грудь простудила. А тёща бежит с кухни на кухню, то воду несёт, то полотенце мокрое. Лечит. Зная потрясающее количество способов лечения мастита, Людмила Викторовна взялась за все их сразу. Маринке для начала обложили опухшую и раскалённую воспалением грудь капустными листьями, туго перетянув её простынёю, чтобы «сжечь молоко». Сверху этого на грудь наложили ткань, обильно пропитанную Маринкиной мочой (верное средство – Людмила Викторовна где-то вычитала), и каждые полчаса орущую от боли Маринку растирают скипидаром и дают выпить отвар жженой газеты, отчего Маринка рыгает и желтеет. Лёха в эти дела не лезет, совершенно не соображая в маститах, да и лезть бесполезно. Мечущаяся из кухни на кухню, бледная от горя Людмила Викторовна на осторожные вопросы сначала просто не отвечает, а потом гневно кричит что-то невнятное и нецензурное. Лёхины идиотские потуги на тему «может «Скорую» надо?..», Людмила Викторовна встречает резкими визгливыми восклицаниями «да какая там, блядь, ещё «Скорая»? ... Ты издеваешься, что ли?! Смешно тебе, да?!».. Через двое суток, когда Маринка уже бредила и температура зашла за 42 градуса, Лёха, словно под гипнозом позвонил «02», и Маринку срочно забрали, а приехавший врач зло шипел, хлопая дверью:

– Вы тут совсем дебилы, что ли?.. Вы до чего девчонку довели?.. Убить её хотите?..

И Маринке резали обе груди и через неделю она вернулась домой, постаревшая лет на десять, а Людмила Викторовна рыдала над её кроватью, заламывая руки, невольно выкрикивая, чтобы Алексею слышно было с кухни:

– Если нет любви – так и не жалеи!.. Брось его к чёртовой матери!.. И с ребёнком тебя прокормлю!.. Найдёшь ещё нормального мужика!..

А Маринка смотрела на неё с ужасом.

...И Лёха, упрямый, как стадо бизонов, часто качал головой, погружаясь в раздумья. Привыкший мотивировать при решении проблемы, он знал, что любая задача решаема, если тщательно всё взвесить и хорошенько обдумать. А тут каждый его довод неминуемо разбивался об очередную чертовщину, что и вслух произнести противно. И в который раз уже он ругал себя, что, мол, ёлки-палки, что за проблема вообще?.. Глупая несчастная женщина, многие годы живёт без мужа, да и ни такая уж она и плохая: посмотри – и разумно рассуждает, и алкоголь на дух не переносит, приходит всё время с кучей продуктов и говорит всё так правильно...

В чём проблема-то?.. Тёща, как тёща... А Маринка всё глубже замыкается, стала злой, мстительной. И вообще, Алексей хмуро отмечает в последнее время, что таких «порядков» у себя дома он и не планировал!.. Всё замешано на кривлянии, на вечном подтексте. И за собой он замечает новые мерзкие привычки... В дверь постучат, и они с Маринкой на цыпочках бегают, палец к губам прикладывают, ругаясь шопотом. Ей-богу, дурдом какой-то!.. Врать заставляет его по телефону: «Скажи, что меня нету!»..

Неприятный осадок остался после дня рождения тёщи. Особые планы имели на этот юбилей и Лёха и Маринка. Алексей собрался решительно поставить все точки над «и», во что бы то ни стало и на любых условиях примириться с Людмилой Викторовной, понять, наконец, что же требуется от него, да и Маринке надоело уже ругаться с матерью, и как хорошо и волнительно она говорила в тот день первый тост:

– Милая моя мамочка!.. От всей души поздравляю тебя с днём рождения!.. Будь всегда здоровой и живи долго!.. И прости меня, дурную твою дочь (голос задрожал, и слёзы брызнули, но Марина продолжила твёрдо, с трудом удерживая дыхание), за то что ругаюсь с тобой... Прости, моя хорошая!.. Совсем я обнаглела уже... Знай, мамульчик – я тебя очень-очень люблю!.. Очень-очень!.. Прости меня, любимая мамочка!.. Дай бог тебе здоровья и долгих лет жизни!..

Не ожидавший такого тоста, Алексей захлопал в ладоши и все даже встали, взволнованные дрожащим Маринкиным голосом, закричали смущённо, зацокали бокалами.

Людмила Викторовна расцеловалась с дочерью во всеобщей суете, стараясь не пачкать её помадой:

– Спасибо, моя хорошая!.. Спасибо, роднулечка моя!.. Хотя и понимаю, что не от души ты говоришь, а всё-равно приятно.

Во всеобщей сумятице кто-то смеялся, кто-то гремел посудой, и слова эти улетели в потолок. А через несколько минут Лёха украдкой подсмотрел, как Маринка незаметно ушла на кухню и, скрестив руки, смотрит в окно, на падающий за окном снег. А Людмила Викторовна, суетясь перед гостями, «случайно» заметила её, и теперь обнимает её сзади за плечи, успокаивая, тихо подзадоривая, словно ребёнка:

– Ну ты что?.. Обиделась, что ли?.. Ну что ты, зайка?.. Ну, перестань!..

А Маринка каменеет, бледнея, не даёт разжать скрещенные руки, еле слышно цедя сквозь белые губы:

– Уходи, мам... Уходи...

– Ну, что ты как маленькая?.. На правду не нужно обижаться!.. Господь-Христос всё видит!.. Всё знает!, – и опять быстрые зигзаги и шёпот.

...Вот и теперь, присев на краешек Маринкиной кровати, она так же шепечет ласково и горестно:

– Кровиночка моя... Роднулечка моя!.. Да как же ты так?..

Медленно и скорбно наклоняется она над дочерью и целует ту в щёку, стараясь не испачкать помадой, а Маринка вытягивается струной, максимально отворачивая лицо, не мигая смотрит в одну точку, задержав дыхание.

– ... Доченька моя... Роднулечка ты моя... Да как же так всё получилось-то?... – всхлипывает Людмила Викторовна, комкая в ладони мокрый платочек, гладит Маринку по голове, по плечу, убаюкивает и успокаивает, – Ты не плачь, моя хорошая, не плачь!.. Бог терпел и нам велел!..

Маринка, не поворачиваясь, покает языком, говорит твёрдо, со вздохом:

– Да не плачу я, мам!.. Чё мне плакать-то?.. Ты...

– Не плачь, моя горемычная... Не убивайся так, лапушка моя... Видно на роду у нас с тобой так написано...

– Да м-мама!.., – Маринка с трудом сдерживается, плечом отталкивая руку Людмилы Викторовны, – ну чего ты опять?..

– Не плачь, моя хорошая...

– Да кто плачет, господи ты мой?!.. Мам!.. Ну чего ты опять себя накручиваешь?..

Всё это время Лёха сидит на кухне, в тишине слушая причитания, и теперь он решительно входит в комнату, нахлобучив на рожу весёлое выражение, говорит мягко, но уверенно:

– Людмила Викторовна!.. Ну что вы, правда, так убиваетесь?.. Ни чего страш...

– Никогда!... – неожиданно резко кричит Людмила Викторовна, вскакивая, – Никогда я тебе этого не прощу!.. Подлец!.. Ох и подлец!..

Леночка в кровати проснулась и заплакала, Лёха бледнеет, машинально поднимая руки перед грудью, потому что Людмила Викторовна, красная и растрёпанная от гнева, извиваясь от крика, машет перед его лицом руками, брызгая слюной и слезами:

– Никогда я тебе этого не прощу!.. Будь ты проклят!.. Подлец!.. До чего дочку мою довёл!.. Будь ты проклят!.. Будь проклят во веки веков!!!...

Пробежав мимо остолбеневшего зятя, Людмила Викторовна хватает внучку на руки и начинает неистово качать ребёнка. Леночка орёт громче.

– Будь ты проклят, подлец!.. Будь проклят!..

Совершенно обалдевший Лёха разводит руками, ни чего не понимая:

– Люд.. ми...

– Будь ты проклят!.. Сволочь!.. Сволочь!... – Людмила Викторовна кричит так громко, что давится своим же криком и закашливается. Прыгая на месте с ребёнком в руках, она торопливо целует внучку несколько раз, ускоряя темп:

– Не плачь, моя роднулечка!.. Не плачь!.. Ай-люли!.. Где бутылочка, Марин?.. Сволочь какая!.. Ты смотри, сволочь какая!..

Маринка с трудом встаёт, сгорбившись, не сводя глаз с ребёнка, подходит, качаясь:

– Дай, мам.. Дай..., – говорит осторожно, просительно.

Людмила Викторовна отдаёт истощенно орущую малышку, не переставая злобно кричать на Лёху:

– Ох и подлец!.. Ох и сволочь же ты!..

Лёха задыхается от удивления и опять уходит на кухню, откуда слышит громогласное:

– Не ты первая, Мариша, не ты последняя!.. Разводись к чёртовой матери, и весь мой тебе материнский сказ!.. Ты смотри, какая сволочь-то!.. Ай-ляли-ай-люли!.. Ай-ляли-ай-люли!.. У-ти мусик мой!..

...Через час Людмила Викторовна ушла.

Леночка уснула и Маринка тихо пришла на кухню, держась за стеночку. Потрясённый Лёха, совершенно потеряв прежнюю решительность, тихо оправдывается, виновато шепчет:

– Да чего я натворил-то?.. Марин?..

А больная Маринка, мучительно глотая воду, облизывает горячие шершавые губы, говорит спокойно:

– Да ни чё ты не натворил... Она и отцу так кричала всё-время...

И Лёха смотрит, как жена с трудом поворачивается и уходит по коридору, с трудом сохраняя равновесие...

...За месяц до родов, почему-то вспоминает Алексей, тёща решительно заявила:

– Внучку я назову Виолой!..

Лёха не показал, что удивился, деликатно спрашивает:

– У вас из родственников кого-то Виолой зовут?..

Тёща посмотрела строго:

– Нет. А что?.. Просто красивое имя. Не нравится, что ли?..

– Да нравится... Почему же?.. Но..., – оправдывался Лёха и не находил слов.

А потом Лёха мягко улыбался и объяснял целую неделю, что «Леной» звали его любимую бабушку, и всё-такое, и что он не против, если ребёнка назовут именем какой-нибудь Маринкиной бабушки...

А Людмила Викторовна уходила от разговора, поджимала губы и смотрела странно, что и не понять было: обиделась она, что ли?..

... – Нет, Марин... Это же что-то... Удивительное...

Пока дочка спит, Лёха с Маринкой прикрыли дверь на кухне, чай пьют, сплетничают. Заговорщики хреновы!.. Перебивая друг друга, супруги занимаются самым мерзким делом, которое придумало человечество – обсуждают-судят родителей!.. Оба понимают, что дело это гадкое, и Бог накажет их за это, обязательно накажет, а чай прихлёбывают, друг-другу поддакивают, гадости злорадные говорят про пожилую женщину. Свиньи, а ни дети!.. И Лёха узнаёт от жены кучу новых подробностей, не успевая удивляться:

– Сюда переехали, мне лет пятнадцать было, – Маринке сегодня получше, сидит злая, но ест с аппетитом, – представляешь, мама от отца втихаря все деньги от проданной квартиры разделила на четыре части... Мы тогда комнату снимали... Так она одну часть положила в «Хапёр-инвест» (Лёха беззвучно ахнул и замер с кружкой в руке), – Вторую часть в «МММ» (Лёха замотал головой – «не может быть!», а Маринка, не сбавляя темпа, злорадно продолжает), – Третью часть в «Торговый дом Селенга»... Представляешь?..

Короче говоря, деньги от проданной квартиры Людмила Викторовна выбросила на ветер и Маринкин отец ещё долгие годы по науськиванию жены ходил по судам, шумел в толпах-пикетах таких же как и он дураков.

– Домой отец приходит с квадратными глазами, весь чёрный... Работы нет... Денег нет... А она давай пилить его, проклинять...

Отец ушёл от них за год до Маринкиной с Лёхой свадьбы. Тестя Лёха видел только на фотографиях. Невысокий, смуглый, улыбка добрая. И Лёха, уверенный, что уже ни чем его не удивишь, опять задирает брови, замирая от неожиданных подробностей:

– Сколько помню себя – отец всё время: «Люсь, да ладно тебе!.. Люсь!..», а она ему матом в ответ кричит... А тут я сижу – слушаю, а он не знает, куда деваться от моих глаз...

Лёха длинно вздыхает от такой свалившейся напасти, головой качает:

– Надо чё-то делать, Мариш... Не может же так всё время продолжаться...

А Маринка зло хмурится и добивает:

– Ничего ты не сделаешь – это человек такой. Она и бабу Тоню в гроб загнала...

И Лёха полночи ворочается, вспоминая, как Людмила Викторовна, румяная с мороза, улыбается на пороге, вся в снежинках и уличной свежести:

– А я мимо прохожу, думаю – забегу на секундочку!.. Вот, Мариночка, возьми, тут пицца и яблоки!.. Не-не-не-не!.. Я на секундочку!.. Не-не-не-не!.. Побегу!.. Не-не!.. А Леночка как?..

Лёха голопом бежит в детскую комнату, тащит дочку на руках:

– А вот бабушка пришла!..

– Да ты моя рыбонька!.., – Людмила Викторовна бросает сумки, апельсины катятся по полу, – Да ты моя роднучка!.. Иди к бабушке!.. Ой, как я соскучилась!..

Леночка выставляет вперёд ручки, не даёт прижать себя. Людмила Викторовна настойчиво борет сопротивление, с силой обнимает, счастливо заливаясь:

– Ой, ты ж моё золотце!.. Ах, ты ж моя сладенькая!.. Соскучилась по бабушке?.. Соскучилась?.. Скажи – соскучилась?..

Все замирают, ждут ответа.

– Скажи – соскучилась по бабушке?

Леночка смотрит в пол:

– Нет.

Людмила Викторовна потешно «пугается», заливаясь смехом:

– Как «нет»?.. Не соскучилась по бабушке, что ли?.. Рыбонька моя?.. Не соскучилась?..

Лёха неловко переминается с ноги на ногу:

– Да она ещё не проснулась, Лю...

– Не соскучилась, говоришь?.. – перебивает бабушка, – Леночка?.. Не соскучилась, скажи?..

Светясь улыбкой, бабушка приближает лицо к Леночке, не отстает:

– Соскучилась или нет, скажи моя хорошая?..

Опять неловкая пауза и ребёнок краснеет, ещё ниже опуская голову и плечи:

– Нет...

– Ах, ты ж какая хулиганочка!.., – заливается смехом бабушка, распрямляясь вся красная, смотрит на Лёху и Маринку, – Ах, ведь какая проказница!.. Ха-ха-ха!.. «Не соскучилась по бабушке», говорит!.. Ха-ха-ха!.. Ох! Проказница!..

Людмила Викторовна пританцовывает, смеётся, в шутку грозит пальчиком:

– Вот такая Леночка у нас нехорошая!.. Не любит бабушку!.. Ой, сейчас заплачет бабушка!.. Ой, сейчас заплачет и уйдёт бабушка, раз её Леночка не любит!..

Лёха с Маринкой тихо смеются, подыгрывая, не зная, куда девать глаза. А Людмила Викторовна не успокаивается, заливаясь колокольчиком, и на неё невозможно смотреть. Присев на корточки, она опять прижимает упирающуюся внучку к себе, целует звонко в обе щёки:

– Мму!.. Ммму!.. Ой какая нехорошая у нас Леночка!.. Уйдёт сейчас бабушка!.. Ох, уйдёт и больше не придёт!.. Хочешь, чтобы бабушка ушла?.. Хочешь?.. Ха-ха-ха!.. Скажи – хочешь, чтобы ушла бабушка?..

После звенящей секундной паузы, ребёнок еле слышно, но упрямо говорит:

– Уходи...

– Ай, какая нехорошая Леночка!.. Ай, как обижает бабушку!, – резко распрямляется Людмила Викторовна и смеётся озорно и заразительно, а в глазах...

И потом они долго прощаются и Людмила Викторовна взволнованно объясняет, что надо всем-привсем только счастья и добра желать, а Маринка, словно во сне, кивает бумажной улыбкой, и Лёха вздыхает и после ухода бабушки в коридоре долго горит свет, но никто его не выключает: Маринка стоит у окна на кухне, а Лёха стоит сзади в метре от жены, всё ещё улыбаясь с задранными на лоб бровями...

Упрямый Лёха. Как осёл. Чего доказать хочет – не понятно. Сколько раз уже они с Маринкой, насплетничавшись, как две старухи, решительно машут рукой: «Всё!.. Хватит об этом!.. Сколько можно-то?.. Бр-р, как неприятно!..», а всё равно всякий раз возвращаются к одной и той же теме... Наваждение какое-то!.. Поговорить больше не о чем!.. Погружённые в свои мысли, делают вид, что, мол «как на работе, Лёш?», и через пять минут опять про Людмилу Викторовну!.. И ведь не смешно уже совсем!.. Лёха говорит:

– Слушай, это уже просто дурдом какой-то... (слово «дурдом» теперь у него всё время на языке!) Не могу успокоиться и всё!.. Вроде и забуду на минуту, а телефон зазвонит и я машинально представляю, как буду кривляться сейчас перед... ней.

А Людмила Викторовна непредсказуема до того, что держит в постоянном напряжении. После тех проклятий через пару часов уже звонит, как ни в чём не бывало:

– Приветик!.. Как вы там?.. Чё трубку не берёте?

– Здр... Как «не берём»?.. Берём!.. Здравствуйте... Ещё раз. Вы изви...

– А я звоню, слышу – опять трубку не берут!.. Ха-ха-ха!.. Ну-у, думаю, всё!.. Теперь вообще перестанут с матерью общаться!..

– Да нет, вы что?.. Мы...

– А это – грех, на мать обижаться, Лёша!.. Любая мать тебе это скажет. Мать от сердца говорит. Всё от сердца!.. Так что и не вздумайте обиду держать какую... Господь всё видит!..

Выждав паузу, Лёха поддакивает:

– Да-да, конечно!.. Я же понима...

– Мариночка как там?.. Спит?..

Лёха смотрит, как жена испуганно машет руками, хмурится и кивает:

– Да... Уснула... Ей врач ещё пропис...

– Ну и пусть поспит, лапушка моя!.. Пусть поспит... Умаялась за день-то, небось. Пусть поспит. Может успокоится хоть немного!.. Совсем у неё нервы расшатались после свадьбы-то... Смотрю на неё и не узнаю прямо... Совсем изменилась кровинушка моя... Пустырник ей попить надо. Пустырник заваривайте и пусть пьёт, нервы полечит... А то совсем уже на мать кидается (голос начинает дребезжать). Совсем уже с ума сошла, деточка моя ненаглядная!.. Роднулечка моя горемычная...

Лёха надувает щёки, выпучивая глаза, длинно выпускает воздух из лёгких, прикрыв ладонью трубку. Марина, увидев это, презрительно скалится, жестом спрашивает: «Опять?»

Лёха прижимает ладонь ко лбу, беззвучно кивая: «Угу!»...

– ... И ведь что я такого сделала-то?, – причитает в трубку Людмила Викторовна, – чем прогневила Господа-бога?.. За что мне такие страдания на старости лет-то?.. За что мне так?!

Лёха, скосив в кучку вытаращенные глаза, опять натужно выпускает выдох, качая головой.

– В чём провинилась я перед Христом-Господом?.., – плачет Людмила Викторовна, и у Лёхи вдруг закрадывается совершенно нелепая догадка.

Изумившись невольной фантазией, он даже поднял указательный палец Маринке: «Тихо!», и прислушался внимательно... Ну, да!.. Совершенно отчётливо стало слышно, что Людмила Викторовна, плача в трубку, прикрывает её ладонью!.. Лёха обалдел на секунду и послал недоумённый взгляд Маринке. Тёща давно уже живёт одна. Гостей дома не терпит, с соседями дружбы не водит. Зачем она трубку прикрывает ладонью?..

– ... Видно на роду мне написано принять долю свою такую проклятую..., – всхлипывает Людмила Викторовна и вдруг совершенно спокойным голосом говорит кому-то в сторону, – Кафель не пачкайте, пожалуйста!.. Нет, вы пачкаете!.. Пачкаете вы!.. Что я, не вижу, что ли?..

И Лёха рядом слышит бубнящий оправдывающийся голос мужика, а Людмила Викторовна строго добавляет:

– Одно лечите, другое калечите!.. Так и я могу кран крутить!.. Осторожнее, пожалуйста!..

«У неё сантехник работает!», – осенило Лёху.

А Людмила Викторовна опять заёрзала трубкой, настроилась:

– ... Видно так и плакать мне теперь, пока не помру...

... Через полчаса потрясённый Лёха на кухне пересказывал слово в слово разговор, восхищённо тараща глаза:

– Нет, ты представляешь!?..

Маринка злорадно шурится:

– Я же говорила тебе – это бесполезно всё... Бес-по-лезно!.. Она всегда такая. В школу придёт и больным голосом клянчит у учительницы: «Вы уж поставьте Мариночке пятёрочку за четверть, пожалуйста, Христом-богом прошу вас... Всю зиму она проболела у меня... Всю зиму...» А я не знаю, куда от стыда деваться. А учительница потом смотрит на меня, как на дуру: «Когда это ты болела, Марин?.. Вроде бы ни одного урока у тебя за зиму не пропущено... Что-то я не помню...» Стыдоба, ужас...

Лёха хохотал с удовольствием, откидываясь на спинку стула, не переставая удивляться, а Маринка кулачком грозит:

– Тише ты!.. Ленку разбудишь, дурак!.., – и прикрыв беззвучно дверь, продолжает, – А потом дома меня дождётся и материт училку на чём свет стоит...

– Обалдеть..., – ничего уже, кроме восторга, у Лёхи на лице не было, – обалдеть можно... И чё делать-то?.. Она же!.. Обалде-е-ть...

...И вот уже Лёха поражается сам себе, наблюдая как-бы со стороны за своими мыслями и выводами, и если раньше, бывало, он раздражённо гнал от себя такие подленькие и трусливые фантазии, то теперь он удивляется сам себе, замечая, что так же, как и Маринка, стал совсем другим, и открывает теперь в себе новые и непривычные качества. В который раз уже, засыпая и просыпаясь с тёщей перед глазами, Алексей решительно выдыхает в голове: «Всё!.. Какого чёрта?.. Завтра же скажу: «Так, мол, и так, Людмила Викторовна!.. Вы чего такой хреню занимаетесь?..» И Алексей видел застывшую в испуге тещу и продолжал с каменным лицом, но мягко, по-доброму: «Я очень настойчиво вынужден вас попросить...», и дальше формировал длинную и правильную речь, объясняя, что, мол, «вы всегда были и будете для нас очень родным человеком,... и, мол, мы очень любим вас... и переживаем...», и варианты этой речи оттачивались, и становились всё лучше, и единственное затруднение, как правило, появлялось после слов «тем не менее...» В который раз на этом месте Лёха спотыкался, каждый раз предлагая и отвергая самому себе варианты.

«Людмила Викторовна!, – мысленно Лёха мягко положил руку теще на плечо, но плечико мгновенно одёргивалось, и Лёха терпеливо корректировал: «Нет. Она сидит, чай пьёт, а я напротив сажусь... И говорю...»

И Лёха «садился напротив», заботливо пододвигая к Людмиле Викторовне вазочку с яблочным вареньем:

– Вот... Попробуйте, пожалуйста. Ваше любимое. Я помню...

И клал перед тещей чистенькую ложечку на кружевную салфеточку...

Лёха тут же понимал, что он лебезит, и беззвучно и зло смеялся, косясь на спящую рядом Маринку, отгоняя дурацкие картинки. И с этим же злым смехом злорадно говорил сам себе:

«... Да хрен тебе по всей роже!.. „Салфеточку!“.. Она же непредсказуемая... Ты её ни только чай пить, а и за стол не усадишь!..»

И в голове тихонько пропело «не-не-не-не-не!...»

«Откуда мне эта поганая интонация знакома?...» – мрачно вздыхает Лёха, злясь на себя за то, что не может сосредоточиться, и вспоминает, как больная Маринка вытягивалась в струну, отворачиваясь в постели, а Людмила Викторовна шептала сквозь слёзы на всю квартиру:

– А я по тебе свечечку в церкви поставила, роднулечка моя горемычная...

«Это она сначала в церковь заехала, а потом в „Ленту“ чайничек смотреть ходила... Или наоборот... Сначала чайничек...»

И Лёха опять наливается необъяснимой и тягучей злостью, и злится уже на эту злость свою.

Какого чёрта?.. Ёлки-моталки?.. Как-то ведь надо же это решать?.. Можно, к примеру, запросто встряхнуть за шиворот, слегка, конечно, мол – «да пей же ты уже этот долбанный чай!...». Лёха машинально добавил и тут же испуганно убрал «сука такая».

«Да, именно так!.. С порога ей в лобешник – кончайте вы уже эту комедию ломать!.. Нет, не так... Людмила Викторовна!.. Хватит вам уже и себе и... и нам нервы портить!.. Чего вы в самом деле!..» И точно так же, как она обнимается с упирающейся Леночкой, содрать с неё пальто, затащить в квартиру: «Пока не пообедаете с нами – никуда не отпущу! Понятно?..» Этот вариант Лёхе так понравился, что он в сердцах добавил с искренней улыбкой: «А не будете слушаться – ещё и по шее получите!..» И все смеются, и Людмила Викторовна улыбается, краснея, покорно снимает пальто, и Ленка из комнаты бежит к ней...

Тут же откуда-то сбоку громкий и игривый голос плаксиво пропел:

– На како-эм месте у вас секс?.. На како-эм?.. Ну-ка, рассказывайте-э нашей невесте-э!.. Всё рассказывайти-э!..

И всплыло почему-то лицо Ларисы Гузеевой:

– А Розке лишь бы про секс!..

И хохот в зале...

Тфу!.. Лёха отогнал идиотскую картинку. Вот откуда эта интонация!.. Так и свихнуться можно, ей-Богу!.. Завтра же!.. Как придет – завтра же с порога – и в лобешник!..

...И воскресное завтра разлилось утренним перезвоном. Святой праздник открывает любые двери, любые чёрствые сердца. Не успев толком войти, румяная Людмила Викторовна, счастливая и весёлая, с порога кричит озорно:

– Исус-Христосе-э!.. Исус-Христосе-э!.., – и троекратно смачно целует воздух возле Маринкиных ушей: «м-му!, м-му!...», и потом спохватывается, заливаясь смехом, – Тфу, блин!.. Болтаю чёрти-что!.. Христос-Воскреси-э!.. Христос-Воскреси-э!..

И Лёха, улыбаясь со сна, даёт себя расцеловать, наблюдая, как Людмила Викторовна одновременно вытирает Маринке испачканную помадой щёку – «Испачкала?.. Нет?.. Не испачкала? А я испугалась – думала, испачкала!..»

А Лёха глаз не сводит, наблюдая с изумлением. Он давно уже понял, что просто восхищён этой блестящей игрой. И действительно – игра блестящая. Людмила Викторовна, мгновенно реагирующая, всё слышащая, всегда готовая к атаке, одновременно проигрывает десяток ролей. Ни чего не упустит, ни чего не оставит без внимания. Попробуй сладить с такой!..

И Лёха уже с пониманием смотрит на жену, которая, словно под гипнозом, не сводит глаз с матери. Людмила Викторовна заливается – и Маринка сдержанно, но приятно улыбнётся. Тут же тёща вдруг разразится слезами – и Лёха с Маринкой понимающе качают головами, горестно переглядываясь. Невозможно взгляда оторвать. Оба они играют по этим правилам невольно. Ухо держать надо остро!.. Как и всегда, Людмила Викторовна продолжает свой поучительный и весёлый монолог, успевая при этом и совет дать, и беспокоиться о здоровье спросить, и всплакнуть ни с того, ни с сего. Причём тематика рождается сама собой, по ходу повествования:

– А я прохожу случайно – дай, думаю, заскочу на секундочку к внучечке!, – щебечет Людмила Викторовна, выкладывая на стол яблоки, апельсины, аппетитный кусок копчёной курицы в пакетике, штук десять шоколадок разного калибра, – Думаю, не выгонит же внучечка бабушку на улицу... Ха-ха-ха!.. А где Лёночка-то? (быстро, в сторону Маринке).

– Играет там в комна...

– А я смотрю, что ж не зайти к внучечке-то!.. Раз уж сама внучечка к бабушке не хочет в гости ходить, думаю, а схожу-ка я сама к внучечке..., – продолжает Людмила Викторовна, выкладывая огромный кулёк конфет, несколько консервов...

Лёха наблюдает с немим восторгом, не мигая.

Людмила Викторовна достаёт двухлитровую банку домашней сметаны, опять привычно бросает в сторону:

– В холодильник поставь, – и тут же перестраивает голос, – Не любит, видно, бабушку внучечка...

Готовый аплодировать, Лёха боится спугнуть мгновения искусной игры. Более закалённая Маринка тихо ругает:

– Да, мам!.. Ты зачем столько тяжести-то таскаешь?.. У нас всего полно!.. Ты... У тебя же нога бо...

– Не любит, видно, внучечка бабушку!..., – одновременно с ней поёт Людмила Викторовна, задумчиво вытаскивая из сумки кофе, чай, колбасу...

...И отношения с Маринкой перешли у Лёхи на новый какой-то, незнакомый уровень. Нет, он так же любит её, и может быть даже сильнее. Даже скорее всего, что ещё сильнее. А практически весь их досуг, как и весь воздух в квартире пропитан немими вопросами, недосказанностью и каким-то постоянным и тягостным впечатлением. Будто только что фильм

посмотрели с нелепой концовкой, и теперь переваривают недоумённо: «Как же так?» И Лёха вздыхает, видя, что Маринка уже не спорит с матерью и не стыдится её даже. А всякий раз цепенеет, застывая и прислушиваясь, улыбаясь мучительно и виновато.

А честный и добрый Лёха упрямо продолжает разговор, заводя самого себя в тупик своими же размышлениями:

– Чего она хочет?.. Убей – не пойму... Ведь сама же себя до истерики доводит... Говорит – «не ходите в гости!», а как тут прийти, когда она с порога... начинает...

И Лёха мрачнеет, вспоминая эти мучительные посиделки у тёщи, как она мечется по квартире, щебеча и изнуря себя:

– Садитесь!.. Садитесь, Мариночка!.. Я мигом!.. Я быстренько!..

И бежит на кухню и кричит оттуда, гремя чем-то:

– А я думаю – надо будет в магазин с утра сходить! Не дай бог Леночка к бабушке придёт, а у бабушки дома шаром покати!..

И она прибегает обратно с испачканными мукой руками «мм-у!, мм-у!.. роднулечки вы мои!..», и бежит на балкон:

– Я быстренько!.. Сейчас я вам хоть грибочков-то!..

И Маринка, раздевая Леночку, кричит из коридора:

– Ни чего не надо!.. Мамуль!.. Успокойся ты!.. Мы не голодные!.. Куда ты спешишь так?!..

– Бегу, Мариночка!.. Бегу, моя хорошая!.., – бежит с балкона Людмила Викторовна, – Вот, я хоть вареньица вам!.. Держи!.., – суёт она банку Лёхе, и тот стоит с одним ботинком в одной руке, а с банкой в другой, – Вот ведь я дура какая, ещё думаю: «Не дай Бог детки придут, а у меня и угостить-то их не чем!» В кое-то время детки пришли..., – опять прибегает, суёт Леночке полные ладони шоколадных конфет, – Держи, моё солнышко!.. Кушай, моя хорошая!..

– Мам!, – смеётся Маринка, – дай мы хоть разденемся-то!.. Ну чего ты?..

Леночка опять смотрит в пол, прячет руки за спину. Маринка поджимает губы, легонько шлёпает дочку по спине:

– А ты чего опять?..

– Держи, моя хорошая, угощайся, лапушка моя ненаглядная, – щебечет торопливо Людмила Викторовна, рассовывая конфеты Леночке по карманам. Конфеты все не помещаются и она суёт их Маринке, – Держи, Мариночка!.. Кушайте, мои роднулечки!.., – и опять бежит на кухню, но замечает, что Лёха сел на диван с пультом в руке, бежит к Лёхе, – Включай, Лёша!.. Включай, если хочешь!.. Вот тут надо нажать, – забирает пульт, нажимает кнопки, – где тебе хочется, какие ты каналы смотришь?

Задерживаясь на каждом канале по секунде, она кричит всем одновременно и по-очереди:

– В кои-то веки детки заглянули!.. Ой, молодцы мои!.. Раздевайся, Леночка!.. Я вам сейчас блинчиков!.. Раздевайся, моя хорошая!.. Где тебе, Лёша?..

– Да вот тут оставьте, сейчас новос...

– Смотри, Лёшенька!.. Смотри, где тебе нравится, – переключает дальше и дальше Людмила Викторовна, и видит, что Маринка раздела, наконец, Леночку, и бежит к ним с пультом в руке, – Заходите, мои хорошие, заходите!..

Потрясённый Лёха видит на экране крупным планом Розу Сябитову, которая под аплодисменты зала плаксиво и весело капризничает:

– Да, мы такие-э-э... А вы как думали-э-э?.. Такие мы-э...! Мы любим подарки-э-э!..

Лёха аж озирается по сторонам... Мистика какая-то!..

А Людмила Викторовна уже кричит на кухне:

– Кушай, Леночка, кушай, моя сладенькая!..

А Маринка сдержанно вздыхает, от Леночки не отходя ни на шаг:

– Мам, да она не будет сейчас кушать... Подожди... Не будет она... Видишь – она не хочет...

И Людмила Викторовна, заливаясь смехом, пробегает мимо Лёхи, на секунду останавливаясь:

– Что ты смотришь там, Лёш?.. А!.. Ха-хах!.. На этих сучек?.. А мне тоже нравится!..

И бежит на балкон за очередной банкой. Видя, что пульт оставлен на подоконнике, Лёха переключает на «Новости», делает по-тише и кладёт пульт рядом.

– Давай, Лёш, стол выдвинем!.., — подбегает Людмила Викторовна, – а то, что ж мы на кухне-то сидеть будем?.. В кои-века детки пришли, а я их на кухне буду держать!..

И уже ни Маринка Лёху, а он наоборот успокаивает тайком на кухне жену:

– Да ладно тебе!.. Пусть набегается... Покушаем, успокоимся... Чё ты?..

– Да она не слушает!.. Я ей – «мы не голодные», а она мне пряник в рот суёт!..

Но и выдвинутый стол и угощение не успокаивают Людмилу Викторовну и она мечется, как курица на пожаре:

– Кушайте-кушайте, Мариночка!.., – ставит общее блюдо с салатом впритык к краю, Маринка испуганно подхватывает, – Вот и грибочков попробуйте, я вам с собой потом положу!.., – убирает блюдо, подставляет грибы.

– Мам... Да ты сама-то кушай. Успокойся, ради бога!.. Я поем. Что я, маленькая, что ли?.. Мам!.., — улыбается Маринка, – садись вот сама ближе, чего ты так с краешку притулилась?.. Места-то хватает...

Лёха вскакивает, пытаясь усадить Людмилу Викторовну в свободное кресло, а она:

– Не-не-не-не!.. Ты что?.. Мне так удобно!.. Я так люблю!.. Не-не-не!..

И испуганно сидит на углу, на краешке табуретки, горестно оглядывая ломящийся от еды стол, причитая:

– Да что ж это за дура я такая?.. В кои-веки детки пришли, а и угостить-то не чем!.. Ох, и дура-дура я!..

И что-бы сгладить неловкую паузу, совершенно сытый Лёха ест весело и с аппетитом:

– Ох, а вот эту штученцию я обожаю!.., – поддевает вилкой солёную, крашенную свеклой капусту, – Отлично вы капусту солите, Людмила Викторовна!.. Отлично!..

И капуста действительно хороша!.. Хрустит, сочная, вкусная!.. Эх!.. Песня, а не капуста!..

– О-о-ой!.., – Людмила Викторовна смущённо улыбается исподлюбья и моргает шесть раз в секунду, – Врёшь ты всё!.. Я же вижу, что врёшь!.. «Вкусная»... Да какая она «вкусная»?.. Врёт и не краснее-ет-э... «Вкусная-э-э!»

Лёха давится, закашливается и выбегает в коридор, откуда слышит:

– Кушай, Леночка!.. Кушай, моя роднулечка!..

– Мам!.. Ну чего ты к ней в тарелку...

– Мм-у!.. Мм-у!..

...

Плачь, читатель мой терпеливый!.. Плачь, проклинай меня, рви волосы!.. Ибо грешен и слаб я, и беззащитен перед правдою... Не уберёг я покой твой!.. На истину позарился, польстился...

И вот уже удивиться, казалось бы, нечему. Чем тут ещё удивить тебя?.. Что ещё выдумать?.. Как обмануть тебя, порадовать?.. А как было, так и напишу. Кричи, ругай меня теперь... Не умею обманывать...

...А Маринка всё чаще пугала Алексея. И, бывало, загнётся ни с того, ни с сего, мучительно живот прижимая рукой, да и вообще – странная стала какая-то... Лёха подлетает к ней – «Марин, ты чё?», а она зло оскалится, хмурится, словно её за недостойным чем-то застукали... И разговоры странные ведёт. Лёха с утра на кухне чай пьёт перед работой, бесшумно газету перелистывает, а тут Маринка в одной комбинашке на кухню влетает, на шее виснет, губы

мокрые, холодные, быстро-быстро Лёху целует, в глаза заглядывает, чуть не плачет, умоляет: «Не ходи сегодня на работу... Останься дома...» А Лёха смеётся: «Тебе приснилось что-то, что ли?..» А Маринка смотрит так, что в дрожь бросает, и Лёха хмурится и шутить не получается, и с трудом пальцы Маринкины на шее он разлепляет... И Маринка подурнела совсем. Жёлтая стала, муть в глазах. В дверь позвонят, а она вздрагивает, уши ладонями закрывает: «не открывай!.. не открывай!..»...

Лёха злился и ругал жену. Грозил побить:

– Сдурела ты, что ли?.. Ребёнка пугаешь!..

А Маринка совсем очумела. Сидит напротив Леночки, нечёсанная, немытая, в упор смотрит, как дочка кашу кушает. Не моргнёт, не пошевелится. Леночка с рёвом бежит к отцу: «Мама стлашная!..», а Маринка не шелохнётся. Сидит, улыбается, глаз не сводит с одной точки. Лёха орал, тормозил жену:

– Ты чего, Марин?..

По щекам бил несколько раз, а она хохочет, вываливаясь, словно кукла тряпичная из Лёхиных рук, на пол падает и лежит неподвижно, зыркает с пола весело и хохочет зловеще... Лёха кинулся к телефону и взял «отгулы», позвонил теще, и случилось то, что должно было случиться. Заслышав щебетание Людмилы Викторовны, Маринка села на корточки в углу комнаты и, зажимая руками уши, истошно кричала что-то невнятное и рвала волосы. Людмила Викторовна с визгом кинулась к дочери, но та стала голосить так истошно и страшно, что Лёха оттащил брыкающуюся тещу за талию и запер в ванной, после чего вызвал «Скорую».

Утром Лёху вызвали в больницу и сказали, что ночью Маринка умерла...

Врач, костлявый мужик с воспалёнными глазами, хмуро буркнул, что перед смертью Маринка почти час бесновалась в кровати, в кровь царапая лицо и судорожно выкрикивая кому-то: «Отойди от меня!»...

...Словно во сне пролетели несколько дней и всё крутилось перед Лёхой, как в кино, и он еле замечал, где явь, а где сон. И теща у ямы на кладбище судорожно кричала в небо: «Проклинаю тебя!.. Сдохни, подлец!.. Именем бога пр-р-роклинаю!..» И на поминках, непонятным образом организованных чин по чину, ни чего не евший с утра Лёха вдруг сильно захмелел и вдруг засмеялся сам себе, не веря в происходящее, и теща с визгом подлетела к нему, вцепилась в волосы, и опять что-то кричала, и её тащили люди, а Лёха ни чего не чувствовал... А потом был суд, и только на суде Лёха понял, что Людмила Викторовна хочет лишить его прав на Леночку, настаивая, что она является единственным опекуном, и Лёха постепенно трезвел, и в перерыве слушания дела, совершенно не соображая уже, подошёл к теще на ватных ногах и, легко повалив её на пол, стал душить, и его бил по спине охранник палкой, и кто-то душил сзади за шею, оттаскивая. А потом Лёху загнули дугой, выворачивая руки, и кто-то тянул за волосы, запрокидывая голову, и Лёху бегом вели в коридор, но он успел заметить, как всё это время рыдающая Людмила Викторовна, украдкой показала ему язык, и в одно мгновение в улыбнувшимся взгляде её Лёха отчётливо прочитал: «Чё? Съел?!»...

...Я часто их вижу в парке. Леночке уже лет десять. Людмила Викторовна неспешно проходит с послушной внучкой под руку вдоль аллеи. Скорбно, еле заметно кивает на приветствие. Внучку она называет «Сир-ротка моя» и гладит по голове, печально вздыхая. За Лёху не слышно ничего.

...Снилось вчера.

– И ведь соврёт и не покраснеет, свинтус!.., – Людмила Викторовна усмехается, головой покачивая, – Где ж ты успел поесть-то?.. Ну-ка.. давай... наяривай!.., – подкладывая варёной картошки в Лёхину тарелку, она подпевает, – «... а-ну, давай-давай, наяривай, ... гитара семи-струнная...»

Лёха в который раз мотает головой, не в силах уже смеяться, вздыхает обречённо, по пузу себя хлопает, любовно подмигивая Леночке, старательно обгладывающей куриную ножку:

– С ума с вами сойдёшь, Людмила Викторовна!.. Лопну же!..

– Давай-давай!.., – смеётся Маринка, украдкой поглядывая на мать, улыбаясь во всю рожицу, – мне худой мужик не нужен!..

– Конечно «не нужен»!.. Кому же тут худой мужик нужен?.. Один у нас мужик!. Нам худой... Не нужен!.., – весело подхватывает тёща, и изловчившись, подбрасывает Лёхе зелени.

– Да, лопну же, Мань!..., — Лёха поворачивается к жене, растягивает лицо в небритой улыбке.

– А вчера «Пусть говорят» не смотрели?, – Людмила Викторовна заканчивает с Лёхиной тарелкой, меняя тему, хитро подкидывая туда ещё и котлетку и пару маленьких солёных помидорчиков, – Я как глянула... Боже мой!... Боже мой!... Да чего ж людям надо-то ещё?.. Марин!?! (краснеет, сжимая брови, сглатывает накатившую слезу) ... Ты представляешь (шмыгает носом): Семь лет!.. Семь лет!!!.. мать своего сына искала!... Семь лет!... Мань...

Людмила выскакивает из-за стола, намереваясь убежать на кухню, что бы не увидели, как она плачет.

– Мам!..., – Маринка встаёт, идёт следом, оборачиваясь на мужа.

Лёха поджимает губы, улыбаясь: «Иди-иди!..»

Когда жена уходит, он вздыхает: «ну... женщины!..», наливает себе в рюмку, наклоняется к дочери:

– А чего ты без хлеба кушаешь, Кукусик?.. Смотри, какой хлебушек хороший...

Леночка, измазанная куриным жиром, глодает хрящик, делово осматривая тарелку, сообщая, взять ещё кусок или нет:

– А чё баба плакает?..

– Надо говорить – «пла-чет»..., – Лёха гладит дочку по головке, улыбаясь нежно. А с кухни еле слышно:

– ... Семь лет, Мань!... Семь лет!..

– Ну... Не надо, мам... Не надо, родная моя...

Артисты

...Поездом мне пришлось ехать всю ночь. Поездка, мне кажется, самое приятное изобретение человека. Ведь это действительно приятно – разместиться поудобнее, подоткнув под себя шмотки-манатки, и, сладко отмечая, что всё вокруг разумно и закономерно, отдаться на волю грёз и фантазий, благо объектов для созерцания – море. Вокруг меня бегут чьи-то судьбы, обрывки фраз оседают в голове, а впереди целая ночь, и ты законно бездельничаешь, словно сытый кот с яблони наблюдаешь окончание свадьбы во дворе, когда гости уже выдохлись, и уборка столов отложена на утро. И, хмелея от убаюкивающего стука колёс под плескание литра пива в животе, я мудро размышляю о бытии вещей, украдкой любуюсь линией талии девушки в спортивном костюмчике, что-то душистое втирающей в хорошенькую мордочку перед крохотным зеркальцем. Ко сну готовится, чистюля... Уставший проводник проходит вдоль открытых плацкарт, заглядывая, бормочет озадаченно что-то. За ним осторожно пробирается здоровяк румяный:

– Та там тильки одну ночь!.. Бабушка ста-аренькая!..

– Да я понимаю, что «одну ночь»..., – проводник вздыхает, в тон здоровяку мягко оправдывается, – Я ж говорю, если только кто уступит... А тут кто?, – негромко кивает он мне, неслышно похлопав по нижней полке подо мною.

Я всегда готов помочь в ответ на вежливость. Мало того, я ещё и обострённо сообразителен после пива, как я заметил:

– Тут женщина с ребёнком. В туалет пошли... А что, именно нижнее место нужно?

... – Да..., – проводник неопределённо тянет, оглядываясь.

Все нижние полки заняты. Там дед храпит. Тут полная дама доедает «бич-пакет», тоже вряд ли удобно её «наверх» попросить. Свободных верхних полок в вагоне штук десять. А бабульку срочно отправляют поездом. На перроне с десяток людей её бережно провожают, двое ходят, помогают проводнику найти, с кем поменяться на «нижнее», ибо бабулька древняя, закинуть её наверх ни каких проблем, сухонькая, маленькая, а всё боязно, убьётся ночью.

... – На Сухоревке её встретят, – десятый раз здоровяк объясняет проводнику, – Тут ехать-то... Часиков восемь... Неужели не пристроим, товарищ проводник...

... – А тут кто?, – проводник хмурится, вздыхает, тихонько пробираясь по сумраку засыпающего вагона.

Со здоровяком они остановились перед мужчиной лет сорока, сидящим за столиком.

– Мужчина..., – мягко начинает проводник, и здоровяк благоговейно замер сзади, расплываясь румяной улыбкой, – Вы не могли бы поменяться? Женщина очень взрослая. А у неё верхняя полка. Ей до Сухоревки только... Очень нужно.

Мужик быстро дожевал пирожок, и поставил стакан на столик:

– А я при чём?

... – Понимаете..., – синхронно начали здоровяк с проводником, и проводник строго оглянулся, и тот покорно заткнулся, обе ладони прижав к улыбке, – Понимаете, все места нижние заняты. А бабушка очень взрослая...

... – Девяносто два года!..., – быстро шепнул сзади здоровяк, виновато склонив голову.

... – Неужто мы её заставим на верхнюю полку лезть?.. Если вам не трудно...

Мужик нахмурил брови, и стал размышлять над проблемой, ерзая и выглядывая в проход:

– А вон там чего?

... – Там не получится. Там тоже пожилые.

– А там?

... – А там с ребёнком. Женщина. Придут сейчас.

Мужик посочувствовал, что действительно проблема есть, и когда здоровяк подвёл к нему крохотную бабку в платочке, и поставил рядом с бабушкой узелок, до него вдруг дошло, что ему предлагают уступить своё место.

... – Не-не-не-не-не!..., – мужик зашептал так горячо, аж руками замахал, мотая головой, – Вы что? Не-не-не-не-не!..., – подкрепил свой ответ, широко расставив ноги, занимая законную полку, – Вы что?.. Я специально беру нижнюю. Вы что? Никак не получится!..

Проводник со здоровяком чуть опешили и замерли, и проводник дал мужику горячо прошептать, и опять начал деликатно, кланяясь, и поднимая брови:

– Я очень вас прошу. Больше нет вариантов. Мы уже десять минут по вагону ходим... Понимаете? Вам же не трудно совсем... Только...

... – Не-не-не-не..., – мужик отмахивается, как от мухи, всем видом показывая, что даже и слушать не будет этот бред, – Вы что? Уто я себе билет покупал, щёб кому-то там место уступать, что ли?..

... – Я вас очень...

... – Не-не-не-не-не-не!..., – мужик аж привстал от негодования, отмахиваясь, зашептал громче, совершенно расстраиваясь, – И я тут при чём?.. Уто я буду себе билеты покупать, щёб... Не-не-не-не-не-не! Вы что?!..., – шумно плюхается на своё место, громко отхлёбывает чай, шумно ставит стакан, – Уто оно мне надо?.. Ни чего не знаю!.. Вы что?.. Издеваетесь?..

... – Что вы ей-богу, мужчина!..., – полная женщина подала голос из прохода, увидев, что бабульку осторожно повели обратно, – Вам же совсем не трудно?.. Сделайте такую милость!..

А мужик на первом же её слове уже говорит с ней одновременно, распаяя себя:

... – Придумать же такое!..., – нервно усмехается, – Ты смотри, ей богу!.. Уто я себе билеты покупаю, чтобы всем подряд потом уступать, смотри ты на них!.. Да?..

– Да нету тут места больше! Мужик! Трудно что ли?, – рычу я сверху из своего дупла, и женщина, почувствовав поддержку, тоже говорит погромче, – Мужчина вы, или нет, в конце концов?.. Неужели вы не понимаете?..

А мужик разошёлся:

– А оно мне надо? Оно мне надо?!, – кричит он в проход, упёршись руками в верхние полки, всем видом показывая, что грудью встанет на защиту своего места, – Вот сама бы взяла и уступила, раз такая умная!..

– Да что вы, ей-богу?!, – я не выдерживаю, высовывая голову, – Хорош орать. «Внизу» только женщины и старики... Не видишь?... Неужели...

... – И щё мне теперь?!, – переключается мужик на меня, – Сам бы взял и уступил?, – аж губы побелели.

... – У меня верхняя полка! Дядя!..

... – Ага!..., – мужик не слушает, горько качая головой, словно лев в клетке, ищет поддержки во взглядах, нараспев качая свою обиду, – Умные все, гля... Уто я буду...

И всё в таком духе. Он не пытается даже на секунду предположить, что ему придётся отдать своё.

Нервно допив чай, он остервенело вытер невидимые крошки, пять минут уже расставляет стакан и тарелку на столике, расправляя салфетку, не находя себе места.

Поезд плавно пошёл, и мы с женщиной высунулись в проход, вытаращились друг на друга. Что с бабкой-то?

А за несколько купе от нас смуглая девушка с грудным ребёнком сама вызвалась, и усаживает бабку на своё место, и добренькая, словно из мультика, бабка, шамкает беззубым ртом, и гладит девушке руку, и благодарит неслышно, а сонная девушка улыбается ей сдержанно и осторожно укладывает спящего малыша наверх, а потом осторожно укладывается рядышком, подпихнув под поясницу простынь.

... – Уто мне оно надо?.. Надо?.. Артисты, ей-богу!..., – всё тише бухтит мужик, и поезд разгоняется, стучит, покачивается, и я скоро начинаю дремать, но просыпаюсь уже через пару минут от резкого крика:

– Да заткнёшься ты уже, скотина? Спи уже!..

Дед, спавший напротив мужика, не выдержал видно его причитаний в темноте...

Бамбалейло

...Жарко было, помню.

Почти обед, и солнышко раскачегарилось ещё не очень, но уже и хватит, кажется.

Я в своей «десятке» стою на ж/д-переезде.

Фу, жарища...

По дороге «плавится» вдали...

Тут всегда не просто проскочить, постоянно пробка собирается.

Ни с того ни с сего вот так закрывается шлагбаум, и из-за поворота медленно выползает состав вагонов, жалобно скуля и скрежеща, и останавливается, скотина... И сидишь в машине, и машина нагревается... И ты потеешь...

И стоишь так, говорю, ты под звонками семафора, и скучаешь.

Иногда так и полчаса простоишь.

...Дорога – две полосы. Ряд – туда, ряд – «встречка».

Нас, бедолаг, перед шлагбаумом собралось уже машин пятнадцать, кто-то даже покурить вышел, кто-то движок заглушил, окно протирает.

Поезд стоит уже минут пятнадцать, звонки дребезжат...

Жарко.

В это время по встречной полосе мимо нас на большой скорости проезжает огромный «лексус» помидорного цвета:

– Бамбалейло-о-о-о! Бамбалейло! Фартуна иф ю эт кульпа миа иф ка! -ра! -сон!..., – весело орёт из «лексуса», – Бамбалейло-о-о, бамбалело!..

Мы с интересом наблюдаем, как джип останавливается в сантиметре от шлагбаума и начинает сигналить...

В джипе сидит пухлый паренёк лет двадцати в шикарных очках. На руке цветная татуировка и толстый золотой браслет. Хмуро выглядывая из окна, паренёк опять нервно сигналист, недобро поглядывая на поезд, хлопая пузыри жвачкой. А поезд длинющий такой, что и не видно, где у него голова, а где ж... эта самая.

– Бамбалей-ло-о!...

Паренёк, видимо не привыкший, чтобы его останавливали, сигналист демонстративно длинно, начиная злиться и выглядывать в окно, вытягиваясь по грудь. Майка чёрная с чудовищным оскалом.

Сквозь верещащие звонков и его «бамбалейло» я смутно слышу его негодующие восклицания в адрес поезда. Оглядываюсь и вижу, что весело ни только мне одному. Некоторые аж из окон высунулись, наблюдают, как паренёк, уже злющий, как сто чертей, вышел из джипа с явно недобрыми намерениями, даже дверь не закрыл, «бамбалейла» орёт в два раза громче.

Невысокий и холёный, пухлый крепыш нервно подходит к шлагбауму, словно несёт невидимые арбузы под мышками. Взгляд такой, будто разорвёт на куски он сейчас это чёртов поезд.

Мужики ржут, хлопая себя по коленям.

– Бамбалейло-ло!... Бамбалейло...

Всё продолжается минуты три и паренёк даже куда-то нервно звонит, с ненавистью поглядывая на вагоны, сплёвывая в сторону поезда с презрением. И вдруг поезд дрогнул и со стоном двинулся, слабо потянулся назад!..

Паренёк, видимо решивший, что его угрозы были услышаны, бросает победоносный взгляд на вагон, типа «я ещё тебя поймаю!», грузно вползает в кабину и нервно газует, торопя шлагбаум.

...Предсмертно протянувшись на пять метров вперёд, поезд останавливается...

Потрясённый этим, паренёк на секунду замирает, и выходит из джипа уже с таким видом, что просто «ну-всё-о-о!... ты меня достал...».

Мужики ржут, неприлично переходя на женский визг. Один сел на корточки, закрыв руками лицо.

И я почти уверен, что шлагбаум сейчас сломают.

Покачиваясь от смеха, один из мужиков снимает всё на телефон, а паренёк, набрав побольше воздуха, кричит то в один, то в другой конец поезда какие-то страшные вещи, заглушаемый своим же магнитофоном:

– Бамбалеило-о-о!... Бамбалеило...

Приискивая глазами на земле камень, словно для надоевшей шавки, и не находя его, паренёк окончательно выходит из себя, и опять звонит, жестикулируя кому-то в трубку – ” Не, ты прикинь?!».

...Через пять минут поезд опять тронулся и, увидев подходящий к переезду конец состава, паренёк, укоризненно качая головой, нервно плюхается в «лексус», готовый сорваться с места.

Поезд медленно проехал и шлагбаум равнодушно поднялся.

Джип рванул...

...Совершенно ошарашенный, увидев, что перед ним стоит целая колонна машин с противоположной стороны (он же на «встречке»! не забывайте!), паренёк от неожиданности остановился на путях, потрясённо подняв брови...

Через минуту он уже сигналил впереди стоящим, требуя немедленно убрать колонну с дороги!..

Мужики сзади меня, устав от хохота, проезжают мимо него, и каждый считает своим долгом, перекрикивая «бамбалеилу», крикнуть в окно пареньку:

– Ты по встрече едешь, придурок! Убери машину, ишак!..

А паренёк успевает огрызнуться им каждому в ответ чем-то обидным, переключаясь то на нас, то на передних.

...В зеркало я видел, его как джип, «не пропускаемый передними», стал нагло оттеснять наш ряд, но ему никто не уступает, и в завязавшейся склоке к джипу подошёл красный от злости здоровенный бородач и что-то прокричал побледневшему пареньку в окно, и паренёк вжался в сиденье, вытаращив глаза.

Убрать с дороги джип заставили.

Резко рванув влево, «лексус» помчался по обочине, подпрыгивая и поднимая облако пыли, грохоча гравием по днищу...

– Бамбалеило-о-о... Бамбалеило-о!... Фартуна иф ю эт кульпа миа иф ка-ра-сон!..., – несётся из облака.

...Жарко было, помню.

Скучаю я по нему теперь...

Вечером

... – А во-вторых!..., – Александр Васильевич переходит на пронзительный фальцет, вытягиваясь перед женой во весь рост, чтобы посмотреть на неё с высока, – А во-вторых!.. Не смей со мною разговаривать таким тоном!.. Понятно тебе?!..

... Анна Ильинична домывает посуду в раковине, неприязненно хмурясь. Муж выкрикивает ей почти в ухо, и она при каждом его слове мучительно морщит лицо. Стараясь перекрыть шум воды, высокий и очень худой Александр Васильевич бежит по кухне, негодуя и подбирая слова. В домашнем халате и тапочках на босу ногу он похож на сумасшедшего. Но Анна Ильинична тоже не маленькая. Мощная фигура её аккуратно скользит по квартире, как атомный ледокол. Александр Васильевич зол, оскорблён, но габариты супруги его пугают, и всякий раз, когда она поворачивается, он поднимает к груди руки:

– Понь... Понятно тебе?!.. Я спрашиваю!..

Анна Ильинична выключает воду, туго затягивает кран, вытирает о передник полные красные руки, вздыхает негромко:

– Перестань, Саша... Устала я уже, ей-Богу... Перестань...

Бросив короткий многозначительный взгляд, она легко отодвигает Александра Васильевича с пути, и проходит по кухне, машинально и устало вытирая тряпкой стол и спинку стула. Окинула кухню взглядом, убедилась, что ничего не забыла, сняла передник, и пошла в комнату. Всё это время Александр Васильевич наблюдает за ней, словно цепной пёс за соседской кошкой, но супруга, так и не увидев его презрения, уходит по коридору. Мало того, она не глядя щёлкает выключателем, и Александр Васильевич остаётся в тёмной кухне, замерев у стола в позе часового. Постояв минуту и налившись ядовитым гневом, Александр Васильевич, громко топая, приходит в комнату, начиная возмущаться ещё в коридоре:

– Нет уж, дорогая моя, ты выслушаешь меня до конца!.. Да!.. Выслушаешь!.. И изволь мне ответить раз и навсегда!.. Раз и навсегда ответь мне!.. По какому праву ты разговариваешь со мной таким тоном?!.. По..., – Александр Васильевич видит, что жена села в кресло, спиной к нему, и взяла в руки шитьё – дырявый носок Александра Васильевича, и мужчина обходит жену, чтобы она его видела, – По какому, я спрашиваю, праву, ты...!?!..

Чуть согнув в колене правую ногу, левую свою руку мужчина упёр вбок, глядя свысока, потом выставил правую ногу вперёд, потому что так было не удобно стоять, но выставил её он слишком далеко, и потому вернул ближе, и тут же опять согнул в колене, но все-равно было не удобно, и он поменял ноги местами, не находя удобного положения:

– Я тебя спрашиваю!, – взвизгнул он, налегая на «бя», так, что Анна Ильинична невольно вздрогнула, уколотившись, зажмурилась горько, прижала палец к губам, с неприязнью посмотрев на мужа. Александр Васильевич стоял далеко, сбоку его был проход в коридор, и поэтому он бесстрашно продолжил, поднимая подбородок, чуть тише, и с пафосом:

– Я... Последний... раз!.. Тебя...

Анна Ильинична резко встала, и Александр Васильевич стремглав бросился из комнаты, шумно сбивая на ходу стул. Не обращая на это внимания, цокая языком над раненым пальцем, женщина тяжело прошла в противоположную сторону к подоконнику, где за телевизором была аптечка, взяла пузырёк, и отщипнула ватку. Обработав палец, она посмотрела на укол ближе, покачала головой, морща лицо. Болит. Устало вернулась, подняла стул, хотела опять сесть в кресло, но задумалась, замерла, словно пригорюнилась, глядя в тёмное окно через штору.

Осторожно выглядывая из самого конца коридора, Александр Васильевич занял привычную позу, оглядывая себя в зеркало во весь рост, поправил волосы у виска, говорит громко:

– Я последний раз тебя...

– В коридоре, в тумбочке, – негромко перебивает Анна Ильинична, не меняя позы, глядя на горящий в темноте фонарь и далеко нп холме проходящий поезд...

Александр Васильевич замер на полуслове, сообразил, и быстро прошёл к вешалке, вынул из верхнего ящичка кошелёк жены. Мгновенно натянув трико и куртку, он сунул босые ноги в ботинки, привычно оценил себя в зеркале:

– Аньчу-уль, – пропел он негромко, открывая дверь, – я быстренько!..

И вышел.

Анна Ильинична длинно вздыхает, и, подняв с пола носок, опять садится в кресло:

– Алкаш проклятый...

Вася

...Этапом прибыл Вася в середине зимы и сразу же попал в поле зрения как эков, так и «военных».

Вася ДЕЛАЛ ЗАРЯДКУ. Нет, он не рисовался перед дежурным опером, выбегая раньше всех на поверку, не пытался делать растяжку или отжиматься, чтобы все видели, как он исправляется, выполняя требования распорядка дня. В то время, когда осужденные вальяжно выходили на первую поверку, уже покулив в душевой (а особо шустрые и чифирнув наскоряк), по-пояс голый Вася уже успевал пробежать пару кругов по двору жилбарака, поприседать, и с явным удовольствием растереть, негромко охая, сухое жилистое тело снегом. Не высокий, худощавый и широкий, ни грамма жира, смешливый, но настороженный, третья судимость, руки покрыты вздутыми до предела шлангами вен и колоссально бездарными в художественном плане татуировками. На зубах никотина жменя... В свои сорок семь Вася очень подвижен и инициативен. Безропотная готовность к любой работе и весьма качественное её выполнение, особенно мытьё полов, в его статусе «обиженного»*, сначала ошибочно расценивалась всеми как пресмыкание и подхалимство, но скоро и осужденные и сотрудники колонии с удивлением поняли – Вася НЕ МОЖЕТ не работать. Безделье для него хуже смерти. Его «ну, чё командир, где ещё помыть?» слышно по-десять раз на дню в отряде*. Вася один за троих с шуткой-прибауткой справляется с уборкой, всё время бегом, весело и быстро, аж ударить охота! Подозрительно сначала было и то, что Вася ничего не просил. Суёт ему контролёр пачку копеечных сигарет, а Вася, словно пёс, облизывается, бьёт хвостом, но отказывается, улыбаясь. Возьмёт две-три штуки и убегает, чтобы не заставили взять всю пачку: «Не-не-не... Ты чё, командир?»

...За звериную силу Васю побаивались, тем более, что срок тянул он «по восьмёркам». Ст.88 раньше была за убийство.

Его троюродный брат, хронический алкаш, в пьяном бреду за что-то избил свою дочь, четырёхлетнюю Валечку, Васину племянницу, которую Вася, не имеющий по причине длительных отсидок ни семьи, ни детей, очень любил. Девочка была избита папашей так, что полдня не приходила в сознание, и он прятал её в погребе, чтобы полуживого ребёнка не увидел Вася. Через неделю мёртвую Валечку нашли, и Вася, пока вызывали «скорую» и милицию, повёл заливающегося слезами брата за сарай. Легко повалив пьяного на землю, Вася куском трубы сломал ему ноги, руки, рёбра, позвоночник и проломил череп, после чего сдался участковому.

В «обиженные» Вася попал по пьяной дурусти. После «первой ходки» он не просыхал месяц и его, пьяного, привезли в СИЗО, и по ошибке закрыли в «гарем»*, в камеру для этих самых... Утром Вася проснулся, а уже всё. Обратного пути нет.

... – На воле вообще работал?, – чтобы начать длинный интересный разговор с Васей – достаточно задать один вопрос. Контролёру скучно. Все уже спят. Только Вася тихо шарохаётся по своей камере. Тут их «обиженных» четверо. Все, кроме него, дрыхнут.

– Конечно, работал. Как же без работы?

Выходят на крыльцо. Вася выпускает в морозную темень длинное облако дыма:

– После профтехучилища слесарил. Потом отца похоронили. Хотел жениться – сел. Восемь и четыре оттянул на восемьдесят шестой в Узене. Потом откинулся * – в морге работал, холодильщиком.

– В морге?

– Ну да. Да там такой морг... Дикость собачья. Прикинь, из четырёх холодильников работает только один!.. Ну, камеры холодильные. Комнаты такие...

– И чё?

– Ну. Только одна работает, да и та еле-еле... Я запарился ругаться. Трупы везут со всего района. Я и сторож, я и холодильник, я и трупы принимаю. А на улице лето. Жара... Морг хоть и подвальный, а тепло. Темнотища. Ток отключают вечно. Холодильник-то и накрылся... Окошки под самым потолком маленькие, голова не пролезет. Дождик пройдёт, по стеклу черви ползут. А тут ещё коты эти...

Контролёр поворачивается удивлённо:

– Какие коты?

– Коты... Дикие. Половина окошек в морге без стёкол – собака не пролезет, а коту в самый раз. Ага... Бывало, захожу в мертвецкую – темно, страшно, керосинкой свечу, ни хрена не видать... Тут вонь, а тут коты, заразы!.. В темноте глазами зыркают, урчат... Как подойдешь – шипит и зубы скалит. Царапается, не подпускает. Глаза выкатит, скотина, шерсть дыбом: «Мя-а-а-а-уу!» Вся морда в крови...

– Чего?

– Ну да!.. Швы раздерёт, аж наполовину залезет в покойника и жрёт, падла...

Контролёр неприязненно отодвигается:

– Ну тебя на фиг, Вася. Иди спать!

Вася вздыхает, торопливо докуривая, уходит:

– Такие дела...

Где ты сейчас, Василий Демченко из Актюбинска?

*обиженный** – один из самых нижних статусов. Практически неприкасаемая каста, используемая на самых грязных работах.

*отряд** – жилое спальное помещение.

*гарем** – отряд (камера) для низшей касты осужденных (чушковых, гомосексуалистов, рас- тлителей и т.п.), обратной дороги оттуда нет.

*откинулся** – освободился.

Бокс

...В детстве меня очень тяготило одно неожиданное открытие особенности своего характера. Я слишком добрый, оказывается. Нет, я понимаю, что каждый из нас по-своему добрый, и показатели доброты у нас разные. А моя доброта меня часто огорчала, и порой даже пугала. Доброта на грани болезненной жалостливости. Увижу в кино хромую собаку – месяц перед глазами стоит. А если на улице встречу, да ещё замёрзшую, трясущуюся от голода-холода, вообще караул!.. До слёз в горле. Мне, нормальному десятилетнему мужику, это откровенно не нравилось, и я тщетно пытался даже бороться с этим. Перед друзьями бахвалился своей несокрушимой мужеской жестокостью, а у самого аж голос срывается – так жалко подбитого кем-то воробья, что физически чувствую, как больно и страшно ему сейчас.

...Классе во втором отец уже со мной не церемонился на этот счёт, а пытался сделать меня мужиком любым способом, что мало получалось. Ни за что меня никогда особо не наказывали, я никогда не жаловался, и о моих «поражениях» узнавали лишь случайно.

– А ну, иди дай ему как следует. Ты чего, как девочка?..

Как отец прознал, что этот пацан, старше меня года на четыре, отлупил меня ни за что, ни про что? Это и «отлупил-то» – не назовёшь. Налетел сзади, повалил, и, сидя на мне, мутузил минут десять, ждал, когда попрошу. А я не просил. Никогда не просил. Меня серьёзно лупили в детстве раз десять, и всякий раз я помню тот странный испуг на лицах обидчиков. Теперь-то я понимаю, в чём дело. Я не убегал, не плакал и не жаловался никогда. А самое, видимо, обескураживающее противника было то, что я всегда смотрел в упор, молча, ни за что не подчиняясь. У самого поджилки трясутся от осознания дальнейшего, а сам не шелохнись. И даже после солидной трёпки с тыканием мордой в грязь – звука не произнесу и не побегу с рёвом ябедничать. Обескураживало многих ещё и то, что избиение не служило поводом тому, чтобы я «больше сюда не ходил». По природе своей я «псих-одиночка», как правило прогуливался один, и помню до сих пор открытые рты вице-обидчиков, поднятые их брови, когда те видят, что я «спокойненько» прохожу мимо, после того, что произошло, причём даже ни вчера произошло, а час назад! И не веду за собой никого! На окрик «тебе чё, ещё добавить?», я останавливаюсь и молча смотрю в упор. Ко мне подходили, даже замахивались часто. Но больше не били, как правило. И это удручало, как ни странно! Неожиданно для себя, я сформулировал в голове свою первую и совершенно ошибочную формулу: «Вот пусть только первым ударит, и тогда я ему покажу!» Это и есть трусость. Если вы слышите, как мужчина говорит: «Я первый не ударю, но если меня разозлят!...», поверьте – это говорит трус. Самым интересным было то, что «показать» -то я мог! И ещё как мог. На уроках физкультуры учитель всякий раз особо отмечал моё физическое развитие, да и сам я замечал ни раз, что редко кто может побороть меня или выиграть «на руках». Разве что те, кто намного старше меня, да и то далеко ни каждый. Сила мне досталась от отца. Доброта, видимо, от мамы. Кумиров у меня не было. Покорностью тоже не блистал особо. Что неминуемо и вело меня к одиночеству.

...В секцию бокса меня притащил Славик Третьяков, мой одноклассник. Мне было лет десять, и я сдуру, чтобы хоть как-то, хоть временно реабилитироваться в глазах отца, ляпнул за ужином:

– Славик говорит – в понедельник на бокс пойдёт записываться. Я тоже пойду, наверное. Отец, скупой на эмоции, заметно побледнел, и даже улыбнулся, погладил меня по голове: – Молодец.

Через два дня запыхавшийся от бега отец разворачивал на столе газету:

– Сынок! Э-Гасанов! Смотри!!

Отец меня всё время называет весело «Э-Гасанов!».

Это для вас сейчас ни чего удивительного, а в то время за два дня «достать» настоящие кожаные шестиушковые* боксёрские перчатки!... В Шевченко?!... В восьмидесятом году!.. Да вы смеётесь!.. Фантастика, да и только. Расскажу только одно; когда мы со Славиком пришли с получасовым опозданием в ДЮСШ «Маяк», мы узнали от хмурых пацанов у входа, что «набирали двадцать пять человек в группу», а в строю уже стоят человек сорок. Все переодетые и готовые к занятию. Каждый выше меня на голову. Улыбаются, заглядывая мрачному тренеру в глаза, а тот безбожно «отсеивает» налево, направо. Отсеивает, естественно, в первую очередь маленьких и щуплых. Таких, как я, короче. Так вот, единственным аргументом, благодаря которому меня каким-то сказочным образом оставили в зале, и явились мои новые перчатки, висящие на моём плече. Тренер пару секунд соображал, переводя взгляд с перчаток на мои очки, после чего тихо буркнул, покраснев:

– Ты оставайся тоже... Пока... Чёрт с тобой...

Но нас всё-равно было много, и начался «строгий отбор». Тренер построил нас-счастливых, закрыл двери зала, и «толкнул речь», ни чего хорошего не предвещавшую:

– За опоздание, за прогул, за непослушание – в первый раз физическое замечание. Потом – сразу укажу на дверь. Кому не ясно?

В тишине кто-то что-то сказал, несколько хихикнули...

– Сюда подойди, – тренер, не меняя интонации, словно ножом режет тишину спортзала, строгая эхо на ломти, – Сюда подойди, говорю! Как фамилия?

Несчастный вышел перед строем.

– Так вот! Смотрим все сюда. За мелкое нарушение – сначала наказание. За крупное, а крупным нарушением я считаю любое повторное, указываю на дверь! Всем понятно? Угу...

Тренер поднял из-под лавочки у стены старинный кед 48-го размера, и подойдя к «умнику», продолжил:

– Такое вот у нас наказание за мелкий проступок, – и громко шлёпнул кедом того по ягодицам.

Наказанный «ойкнул», все заржали, понимая, что это не больно, только обидно и громко.

...И начались тренировки. Никуда я больше так не спешил, как на них. Уже через месяц нас осталось человек пятнадцать, и тренер хлопал меня по потной спине, перекрикивая шум спортзала:

– Молодец! Угу... Молодец, говорю! Локти выше.. Локти! Угу...

Бросив блокнот на лавочку, он прижимал подбородок к плечу, показывая правильную стойку:

– Понял? Молодец. Давай! Угу... Бей первым. Угу? Не жди!... Не бойся и бей!.. Отвечай!.. Молодец!..

...Через пару недель тренировок, уже набитый сто раз, с переболевшими мышцами, я наблюдал в себе приятные изменения. Ежедневно получая в спортзале по уху, тыходишь в желанный кураж поединка, азарт противостояния. На тренировку бежишь, как пёс за кошкой. На улице шпана стала вести себя тоже по другому. Да, те же окрики: «Э, сюда иди!», та же моя реакция, без убеганий, но, встретив изменившийся взгляд, этот чудик становится задумчив, и... молча отступает на пару шагов. Нет, я не становлюсь в стойку, не угрожаю «ща как...», а просто у меня изменился взгляд. Потому что я их совсем не боюсь, а мгновенно (привычно!) планирую тактику возможного поединка, выбирая ходы, и выжидая время начала. Как на ринге.

...Спустя несколько лет нас (старичков) у тренера было человек пять. С нами занимались индивидуально, и у каждого из нас был «свой почерк». Володя Оплачко был высокий и длиннорукий силач. Булат – живучий и терпеливый работяга. Меня тренер то ругал, то хвалил за одно и тоже. Оказывается я неправильно делаю «хук правой»*. Не знаю зачем, но я

делаю ложный выпад и, полностью открываясь, наношу мощный крюк той же рукой. Тренер призывал в свидетели Господа, крича:

– Да кто же так бьёт?! Алик! Ты что делаешь?.. Ведь «прямой» в челюсть пропустишь, дурак!.. Двоечкой!.. Двоечкой работай!..

Но скоро выяснилось, что именно этим своим неправильным «финтом» я и кладу на пол одного за другим своих соперников, в том числе и опытных «старичков». Даже здоровяк Володя уже побаивался меня, чем я весьма гордился в душе. И тренер отстал, но добился того, чтобы при ударе я неудобно прижимал челюсть к плечу. ” Черт с тобой!.. Хотя бы так!..»

...Я прошёл в республиканские соревнования, заняв два первых и одно второе место на отборочных спаррингах*, когда в соседней школе по вольной борьбе прямо на тренировке умер какой-то пацан... Разразился страшный скандал. Тренера чуть не отдали под суд. Оказалось, что у пацана был врождённый порок сердца, а тренер его «нагрузил», и тот помер прямо на тренировке, отжимаясь от пола. Нас экстренно погнали на строгую медкомиссию, где меня однозначно «списали» по зрению...

– Ты что, сдурел?, – зло ругалась врачиха, – Ни какого бокса!.. Ослепнуть хочешь!?.. Иди отсюда, сказала!..

Тренер потом хмуро успокаивал меня:

– Просто приходи... Занимайся... Чего ты?..

А я не мог отвечать. Слезы душили...

шестиуницовые – 6 унц, размер перчаток. Бывает 4, 6, 8, 12...

хук – удар сбоку, от англ. хук – крюк.

спарринг – показательный поединок.

Как я коммерцией занимался

...Склонность моя к сочинительству, как я заметил, неизбежно уводит меня к реальным событиям из жизни. Это очень мешает порой. Бывает, что передо мною поставлена задача набросать небольшой и лёгкий рассказ, смешной и безобидный, и вот я уже набираю определённый замес, лелея в голове пару набросков, давно украденных или просто заброшенных в память в прок. А где-то в середине рассказа я уже начинаю подозревать, что рассказец-то совсем не смешной, и даже очень не смешной почему-то... Да и не рассказ это вовсе, а целая повесть. И чего тут делать?.. Сколько раз я так попадался на собственной самонадеянности... И вот, умудрённый сединами, годам к тридцати, я решил уже твёрдо и мудро – сочинять не буду. Просто буду описывать события, слегка оживляя деталями – вот именно то, что и нужно. И в этом своём ремесле я вдруг так поднаторел, что и сам уже не контролирую процесс. Просто описываю событие, и рука моя торопится, подгоняя голову. И это занятие увлекает за собой, совершенно не заботясь о моём отношении к данному процессу. Часто бывает, что я действительно даже и не подозреваю, какая развязка ждёт меня впереди. И виной всему болезненная моя впечатлительность и любовь к правде. Персонажей своих я, как правило, не выдумываю, а описываю реальных людей. Но вот вдруг именно та, действительно придуманная мною девушка, ни с того, ни с сего расплакалась в конце рассказа так горько, что аж ком в горле.. Весь рассказ повернула в другое русло!.. И чего ревёт, дура? Так всё весело начиналось, вроде бы...

...Мне было двадцать лет, когда мой друг Эдя Янушевский как-то припёрся ко мне с деловой рожей:

– Поехали в Москву.

С Эдиком мы учились в одном классе. Пацан очень щуплый, но честный и прямой. Просто так не болтает. Я приготовился слушать.

– Я уже всё пробил. У матушки были гости, они всей семьёй так в Москву мотаются...

И Эдя рассказывает свой план.

Короче – мы находим по триста-четыреста баксов, едем в Москву (там на Лужниках огромный оптовый рынок теперь – «Лужа»), сразу же на вокзале берём билеты обратно домой, и у нас есть целых четыре часа на «Лужу». Набираем на все деньги товару (лучше электротехнику, и коробки удобнее кантовать, и много набирать не нужно – взял пять «видиков» и хорош!), возвращаемся домой, и спуливаем всё это в два раза дороже. И опять катим в Москву. Такая вот коммерция.

– Можно за месяц восемь раз туда-обратно смотаться. Сейчас многие так бабки делают. Четыре дня – и пятьсот баксов вернул. Плохо, что ли?

Взвесив все «за» и «против», мы обсудили детали и возможный форс-мажор.

– Когда туда поедem – лучше проводнику сунуть, обойдётся дешевле...

– Только – чур не бухать!

– Кон-нечно!.. Ты чё?.. С такими бабками... В дороге... У меня уже двести есть, я ещё займу полтинник... Хочу два телевизора сразу взять. Подороже...

...Перспектива стать «челноком» меня никогда не прельщала, но элементарная математика сделала своё дело. Подсчитав и скинув на всякий случай по 200 баксов на непредвиденные расходы, мы замерли над несмешной цифрой. Если всё получится – через месяц у нас запросто может быть около десяти тысяч...

«Можно машину взять и «трёшку», нефиг делать...», – мелькнуло у меня в голове. А почему бы и нет?.. Зарабатывают же как-то люди?.. Чем мы с Эдей хуже?..

И вот мы, два «бизнесмена», сурово поглядываем на суету вокзала, недоверчиво хмурясь на шумных зазывал, прижимая в кармане к ляжке кошельки с баксами.

Решено вести себя максимально незаметно. Ни с кем не общаться, ни куда не лезть. Главное – строго по плану.

Время тогда было необыкновенное. Прийдя с армии, я обалдело взирал на совершенно изменившийся мир. В «Союзпечати» рядом с газетой «Правда» на витрине стоят порнографические буклеты и карты. Посреди перрона возле столика несколько небритых парней «крутят три стакана», за ними, в открытой палатке, красивая девушка весело кричит в микрофон:

– Подходим, товарищи! Не стесняемся!.. Беспроигрышная лотерея!..

За палаткой два совершенно пьяных мента шмонают такого-же пьяного забулдыгу.

Прямо на небольшой площадке у памятника Ленину торгаши на ящиках выложили барахло. Можно купить, а можно поменять на что-нибудь. Шапку – на туфли, банку шпрот – на пачку прокладок.

...Проводник, мужик лет сорока, сухо кивнул, и, взяв с нас полцены, посмотрел в замусолённую картонку:

– В пятом купе – боковая правая и третья багажная – ваши. Менты будут напрягать – я не при делах. Сваливайте, сами разводите... Понял?

Мы расположились в совершенно экзотических условиях.

Если вы никогда не ездили на «третьей» полке в поезде – что вы можете мне тут рассказать за жизнь?

Это очень весело, как кажется первые два часа.

Во-первых, очень необычно то, что прямо перед вашим носом – потолок, и, чтобы повернуться на живот или на бок, к примеру, вам придётся тереться плечом о скользкий пластик потолка. Во-вторых, сама полка тоже очень скользкая, хоть вы и легли в одежде, отказавшись от тщетной попытки впихнуть ещё и матрас между вами и полкой. И вот вам приходится всё время себя подтягивать на место, потому что при каждом толчке поезда вы неминуемо сползаете, скользя то вниз, то в бок, и самым разумным (не смейтесь!) оказывается то, что нужно либо привязать себя скрученной простынёй к трубе, либо засунуть руку между окном и полкой, но это не на долго. Рука затекает через час.

Вокруг кипит жизнь. Ушлый проводник приводит то одного с мешками, то другого с коробками, и вот уже и в проходах и на свободных полках распаханы баулы, в каждый свободный угол всунут то рулон ковра в целлофане, то чьи-то сумки. В мои ноги аккуратно втиснуты две упаковки яиц... Но народ шумит по доброму. Все понимающе теснятся, уступают место, чтобы поесть сидя. Кого тут только нет. Вон семья расположилась, будто на месяц вперёд. Вон очередной молчун-одиночка бич-пакет хлебает, глядя в окно. Духота, запахи, полумрак, и монотонная качка...

...Только отъехали, встретили знакомого.

Володя, мужик под тридцать, мгновенно знакомится, закидывает вопросами. Сразу стало веселее. Володя уже ездил за товаром, за одну поездку «почти штуку отбил», возит сразу по пять музыкальных комбайнов. Мы развесили уши.

... – «Самсунг» беру, два штуки, мафончиков-стерео с цветомузыкой – десяток, и что-нибудь серьёзное, – Володя орёт на весь вагон, – Прошлый раз квадро-систему взял. Восемь динамиков. За пятьсот взял, за полторы с руками забрали!..

Мы с уважением слушаем бывалого Володю, заглядывая ему в рот. Пока доехали до Гурьева, Володя рассказал так много, что я стал немного сомневаться. Говорит, что берёт в долг, по пять-шесть тысяч, мотается постоянно, а сам тут-же напился водки, пивом запиивает, шумит, лезет ко всем знакомиться. То барсетку на столе оставил – ушёл на целый час, то очередному «коробейнику» при покупке пива рассказал практически все свои коммерческие хитрости. Нас пивом угощает, а сам уже лыка не вяжет, два раза в проходе упал...

Я отозвал Эдика и хмуро поругал:

– Надо отвалить от него, Эдь... Ну его!.. Откуда ты его взял?

Эдик согласно кивает, виновато оправдывается:

– Да сам прицепился: Откуда-куда?.. Говорит, в городе меня встречал...

– Ладно, – я подвожу итог, – спать ложимся и не тусуемся. Бабки на месте?

Мы проверили «бабки», покурили в тамбуре, и завалились спать.

...Среди ночи, когда душный вагон почти успокоился, часам к трём, Володя тряс меня за свитер:

– Пойдём, Алик, – жарко шепчет перегаром снизу, – Пойдём-пойдём!..., – манит, улыбаясь так, будто миллион выиграл, – Мазёвых мужиков встретил!..

Спросонья я ничего не понимаю, машинально спускаюсь, весь мокрый от жары. Перед глазами всё плавает и качается, разбегаясь ионовыми кругами. Шоб он сдох этот Володя со своим пивом!.. Сонный Эдя уже стоит рядом, переминается с ноги на ногу. Ему тоже хреново. Я спустился, и мы прошли через несколько вагонов, под лязг колёс в тамбурах, и оказались в интересной компании.

...Сначала я не обратил внимание на то, что в тёмном плацкартном вагоне тихо, как в склепе, и лишь в одном проёме шумное застолье. Потом до меня стало доходить.

За столом сидят четверо. Мужики за сорок. Морды мрачные, все пальцы синие. Самый старший – рослый, но словно высохший, весь в морщинах, с потрясающим басом Виктор. Сразу видно, что он тут «бригадир». Пальцы огромных ладоней скрещены, ногти блестят, как обсопанные, округлые, словно шляпками натянутые на костяшки.

– Вот-такие пацаны!, – восторженно представляет нас Володя, подталкивая знакомиться, – Вот такие!..

Здоровенный, склонный к полноте Паша молча пожал нам руки потной ладонью. Серёга и Васёк улыбнулись, крутя стаканы на столе.

Мы прервали их разговор, и на нас смотрят с усмешкой, но вежливо.

– Вот это – Паша!, – не унимается Володя, чуть не падая на Виктора, и тот подставляет ему аматюру локтя, брезгливо отводя голову, – Ох! Извини, Виктор!.. Извини, братан!..., – Володя продирается дальше, не замечая, что на него смотрят с презрением, – А это Алик!.. Вот такой пацан!.. Тоже коммерцией занимается, братишка... За товаром едет!.. Я им объяснил, чё по чём!.. Бабло срубим и обратно...

И нас усаживают с краешку, и мы вежливо улыбаемся, и я вздыхаю про себя: «Ну б... Володя...»

Тут я замечаю, что под столом стоит ящик водки и ящик колбасы. На столе гранёные стаканы и огромный нож.

Паша вынимает бутылку, но видит, что та пустая, суёт её обратно и находит полную.

– Чё, пацаны, в Москву едете?

У Виктора голос мощный и хриплый. Ему б Высоцкого петь, ей-богу!.. Мы мямлим, мол, да, мол, попробовать можно...

– Да чё «пробовать»?..., – опять орёт Володя, наступая мне на ногу, – я ж говорю – надо сразу побольше брать!.. Чё ты на свои пятьсот баксов-то возьмёшь?.. Мелочёвки наберёшь только!.. Вот я, например...

И Володя опять весело тарыхтит на весь вагон, не замечая как значительно переглянулись Серёга и Васёк.

– Москва, брат, она бабки любит, – Володя потрепал меня по плечу, – ну, наливай, братуха!..

И я начинаю понимать, что мы с Эдиком вляпались в дерьмо.

Коротко зыркнув на друга, я играю в непринуждённость. Сейчас по пийсят грамм накатим, поблагодарим за гостеприимство, и свалим от греха подальше...

Тут я увидел, как Паша, разлив всю бутылку по стаканам (до краёв!), достал и открыл ещё одну...

Виктор аккуратно и медленно выпил всё до капли, закинул в рот пару кусочков колбасы.
– Видал?!, – Володя восхищённо толкает меня локтем, – Видал?..

И, торжественно выдохнув, встал:

– Ну... Мужики... За удачу!..

И пьёт, козёл, полный стакан водки, мучительно вздрагивая и не сдаваясь, допивая всё до конца. Все подождали, когда он допьёт, и Паша снова заёрзал под столом, а я опять обалдел, впервые увидев целый ящик сервелата, и сервелат этот мужики откусывают, как бананы...

– Не-е..., – Эдик виновато улыбается, осторожно держа полный стакан, – я так, наверное, не смогу...

– Пей!..., – Володя хрипло и по доброму пихает Эдика, с трудом переводя дыхание, – Чё ты, как баба, в натуре!..., – и старается поймать взгляд Виктора, искоса наблюдающего за нами.

Эдик открыл было рот, но мрачный Паша скривил презрительно и угрожающе рожу, налегая голосом:

– Чё – обратно выливать, что ли?..

Тут в проходе стукнула дверь, и весёлый негромкий голос стал приближаться:

– Пиво-кириешки-чай!.. Чего хочешь выбирай!.. Чай-кофе-потанцуем-женщина?.. Пиво-кириешки...

Мужики заёрзали и, поймав момент, я буркнул Эдику вполголоса:

– Накатим и свалим. Скажи – болеешь...

Эдик героически выдохнул и стал пить под зоркими взглядами. Почти допив, он поперхнулся, облившись, и закашлял, моментально раскрасневшись и пьянея на глазах. Я набрал носом воздуха и в четыре глотка выпил. Занюхав прокуренными ногтями, постучал Эдика по спине, протянул ему пластинку жвачки.

Паша удивлённо хмыкнул и уставился на меня.

Мы не взяли со стола без спроса, чего от и нас ждали. Я ведь знаю...

...Школы-школы мои... Кто-то проходит их заочно, кто-то экстерном...

Сколько раз уже я заваливал экзамены в таких вот школах. Пора бы уже и ума набраться-то...

Знаю я таких. Экзаменаторов...

По глазам вижу. От нас ждут ошибку. Одного неправильного слова. Или действия. И тут же зададут вопрос. И учинят спрос. И барахтаешься ты в сетях, плотнее наматывая на себя липкую вину, с каждым вопросом всё глубже и глубже заглатывая крюк.

...Кириешичник опередил.

Весело приближаясь по спящему вагону, шумит коробейник, шутки-прибаутки покрывает.

Паша к проходу придвинулся, выглядывает, оценивает. Парень заглядывает по-свойски:

– Пиво берём мужики!..

– Чё у тебя там?, – Паша осматривает лоток, край сумки пальцем оттопырил к себе, – пожрать есть чё?..

– Всё есть, мужики!, – парень ставит сумку на пол, – и покушать, и выпить!..

– Пряма-таки «всё»?.., – Паша, не глядя на парня, осматривает яркие упаковки.

– Всё!, – весело парирует продавец, расплываясь в улыбке.

Мужики замерли.

Паша кряхтит, спокойно в глаза смотрит, цедит негромко:

– Ну, раз «всё», тогда курочку бы нам... Жареную... Две?, – повернулся к Ваську, тот утвердительно кивнул.

– Вот курочки нету, – весело кричит парень, – кириешки, пиво, вобла, пожалуйста!.. Водочки можно организовать!..., – поднимает он глаза на встающего перед ним Пашу, – пирожки... остались. Штук пять...

Огромный, как слон, Паша кладёт парню на шею руку и рывком притягивает к своему лицу:

– Чё ж ты свистишь, что «всё» есть у тебя?..

И бьёт его лбом в нос...

Парень охает, роняя лоток, и закрывает лицо руками. Паша снизу кверху бьёт его огромными ладонями по голове, и тот стучается при каждом ударе о полки:

– Что ж... ты... ссыка... свистишь?.. А?..

Оглушённый парень, высоко задрав брови, размазывая кровь по лицу, пятится задом, наступая на сумки, и падает в проход на спину, и Паша, не сбавляя темпа, садится ему на грудь, и дубасит пудовыми кулаками, словно по столу, с каждым ударом пробивая и руки парня, и лицо, негромко цедя:

– Что же ты?.. А?.. Всё есть, говоришь?.. А?.. Всё, говоришь?..

Подняв глаза, я вижу, как Васёк с Серёгой спокойно допили водку, горько проглотив, аккуратно взяли со стола по кусочку колбасы, выдохнули тяжело и привычно, о чём-то негромко разговаривают.

Я вижу, как Володя, забыв убрать замершую улыбку с лица, не мигая смотрит, а Паша, ловко обшарив карманы притихшего продавца, вытряхнул из его бумажника пачку денег и снял с его руки часы. Оттерев их от крови об рукав парня, он небрежно кинул их Серёге, и тот поймал часы на лету, глазееет, слушает на ухо...

– Вали отсюда..., – Паша грузно встаёт, – Вали, говорю... Пока я нож не достал...

В проход выглянула женщина из тамбура, и тут же захлопнула дверь.

Растрёпанный парень, шатаясь и падая на колено, хватаясь руками за нижние полки, подывая, побежал назад. Его ящик Паша поставил под стол, порылся в нём, вытащил пару бутылок и кулёк с пирожками. Серёга с Васьком, совершенно игнорируя только что происшедшее, о чём-то мирно шепчутся, налегая грудью на стол...

– Ну, чё, хлопцы... Давай, накатим.

На столе опять налитые до краёв стаканы...

– Так, чё?.. В Москву, говоришь?..

Виктор спрашивает не глядя. Спрашивает тихо и просто. Но все знают, что спрашивает он Володю. И Володя опять начинает тарыхтеть. И опять давится водкой, допивая всё до капли, и у меня всё плывёт перед глазами, и становится жарко. Я понимаю, что не смогу уже встать. Такие дозы натошак мне не привычны. Я вижу, какой бледный Эдик сидит, еле-еле держит голову, чтобы не свалиться.

– Пошли, покурим?

Мой вопрос удивил всех. Так запросто спросить... Причём, обращаясь лично к одному Эдику.

Тот не успевает кивнуть, и я, помогая ему подняться, говорю мужикам:

– Покурим, мужики?

И не ожидая ответа, помогаю другу встать, придерживаю его, выводя в проход, посмеиваясь для вида:

– Во, накачали, мужики... Ох и накачали...

Улыбаюсь всем, за ранее показывая, что я понимаю, что меня услышали, и если хотят, пусть идут с нами. Ну, если хотят, конечно...

Краем глаза замечаю, как все посмотрели на Виктора, и тот чуть кивнул, разрешая нам выйти...

...В тамбуре, держась обеими руками за стенки, вумат пьяный Эдик шепчет мне жарко, тараша глаза:

– Валить надо отсюда!.. Алик... Валить надо!..

Тут же в тамбур заходит огромный Паша, за ним вваливается Володя, сигарета болтается на мокрой губе:

... – И, короче, говоря, как будешь у нас в Шевченко, Паш...

И Володя в пять минут объяснил Паше, что для нас – достать «ствол» или «плётку» – раз плюнуть!.. Тут же, вынув блокнот, он записывает Пашин телефон, и, вырвав листок, диктует свой, после чего подробно расспрашивает нас с Эдиком, записывая Паше наши адреса. А Паша терпит пока Володю. Он рассеянно кивает ему, не сводя с меня глаз...

...Какого чёрта я привлекаю к себе их внимание? С детства заметил, каждый возомнивший о себе хмырь сначала из всех сил старается меня запугать, потом как-то впечатлить своей крутостью, а в заключении неминуемо считает, что я должен дорожить дружбой с ними. Так и этот ненормальный Паша какого-то чёрта ходит вокруг меня, приноравливаясь, и я трясусь от страха, что это пьяное чудище под сто пятьдесят килограммов весом, совершенно непредсказуемо вдруг может заподозрить меня в неуважении или (ещё хуже) в трусости. И вот Паша, начиная закипать от липкого присутствия Володи, приглядывается ко мне, словно выбирая место, откуда начать меня жрать.

– Вот-такие пацаны!.., – в который раз наступив на ногу, Володя дурашливо извиняется, виснет то на одном, то на другом, хватая за руки. Смотрит влюблённо, шатаясь в разные стороны, – А ты чё, братуха?..

Наклоняясь к согнувшемуся дугой Эдику, он хлопает его по тощей спине, кричит погромче:

– Пошли, накатим, братуха!.. Слышь?... Пошли!... Накатим!..

Я неприязненно убираю его руки. Эдику совсем плохо. Он в два раза слабее меня. Желудок пустой...

– Не трогай его. Сейчас мы придём...

– ... Э-э-э!.. Братуха-а!..., – Володя звонко хлопает Эдика по спине, и я отталкиваю Володю, зло огрызаясь:

– Не трогай, говорю!.. Щас подышим и придём!..

С интересом наблюдавший за этим Паша замер, забыв, зачем пришёл. Володя тоже не маленький, а я так твякаю, что тот аж руки поднял.

Непонятно откуда накатившей силой я хмуро, но вежливо бросаю им, словно даю указание:

– Щас подойдём мы, мужики...

Совершенно опешивший Паша аж замер, рассматривая меня сверху с любопытством. Его, видимо, забавляет то, что я его не боюсь.

А я боюсь!.. Ещё как боюсь... Если бы вы знали, как меня трясло внутри. Внимательный до деталей, я вижу его огромные кулачищи, его тупое лицо, а самое главное – меня трясёт от мысли, что если это чудище начнёт ко мне цепляться – я не смогу с ним лебезить, как Володя. Именно этим я его и заинтересовал.

И вот смотрит Паша на меня, как на невесту, зорко выискивает, в чём подвох-то?.. Ох, и горькой будет расплата, если Паша разочаруется...

– Да брось ты его!, – Володя смеётся, в шутку толкая Эдика под зад коленом, – Нажрался, сука...

И тут я взбесился.

Прижав Володю к стене, злобной рожей я дышу на него снизу, раздувая ноздри:

– Сказал – не трогай его!.. Видишь – плохо пацану!..

Володя лыбится, мягко расцепляет мои руки, примирительно кивает Паше:

– Пошли, братан!..

...Чуйка моя, чуйка... Откуда, каким боком, каким дальним предком я одарён этим животным своим предчувствием? Сколько раз выносила она меня из заварух, что после вспо-

минаешь, удивляясь – ведь должны же были грохнуть, и как не грохнули-то?.. Злоба-злойбой, это конечно же хорошо. Кто-то сказал: «Гнев – плохой советчик». Нет, граждане. Именно вспышка лютой злобы ни раз выносила меня, словно боевой конь, из беды. Ослеплённый гневом, вы, презрев опасность, кидаетесь в бой, атакуя молниеносно, храбро и точно, и противник, очарованный вашей скоростью, бежит, поджав хвост... Сам убеждался ни раз. Злоба бывает разной.

Всё произошло так быстро, что потом этот момент я вспоминал с недоумением, удивляясь этому новому чувству – я боюсь вспоминать некоторые вещи. Вернее, вспоминаю с опаской, осторожно, как грязную прилипшую повязку снимаю с засохшей раны. Ни с того ни с сего вдруг нахлынет в памяти какое-то давнее событие, а вы сразу же мотаете головой, словно лошадь от дурного сна, отгоняя от себя неприятные или страшные воспоминания.

Володя отошёл от дверного проёма, и своим собачьим нюхом в долю секунды я отчётливо увидел, как вставший в самом начале вагона «на атас» Васёк кивнул Паше, а Паша, поймав «маяк», тоже кивнул в ответ. Заняв позицию, полностью перекрывая проход, здоровяк, словно боксёр перед гонгом, расставил пошире ноги и хрустнул пальцами рук за спиной.

– Слышь!.., – бросает он Володе, который ни чего не видит, и всё виснет на мне, слюняво и дурашливо чего-то объясняя.

Паша нетерпеливо взбрыкнул жирной ляжкой, но я его опередил. Небрежно и сильно отталкивая от себя Володю, я говорю по возможности громко, удивляясь своему спокойствию:

– Да отвали ты уже, debil! Ты не видишь...

Володя машинально заваливается на меня по инерции, и я толкаю его так, что он падает, толкая Пашу дальше.

– Ты не видишь, сука тупая, тебя сюда резать привели?

Мои слова звучат так эффектно, что Паша замер, на мгновение забыв стряхнуть с себя Володю.

– Чё, Паша... Делай!.., – говорю я, поднимая кулаки.

Этот момент мне вспоминать почему-то стыдно. Я – тощее пьяное щуцисто, оцетинился и встал в боевую стойку, и так и сказал ему:

– Чё, Паша... Делай.

Не успевающий удивляться моей прыти Паша, невольно залюбовался мною, слабо отмахиваясь от слюней Володи, как от назойливой мухи:

– Да отвали ты уже...

Меня колотило внутри, и я боялся споткнуться о свои же ноги, и растянуться прямо тут в тамбуре, когда Паша, намереваясь чего-то сказать, протянул ко мне руку, и в это же время опостылевший всем Володя в очередной раз повис на Пашиной руке «братаннн!», а я, вздрогнув, машинально ударил Пашу кулаком в челюсть...

Всё замерло и остановилось. Поезду кто-то прогудел впереди, вагон накренился, и мы синхронно поставили руки на стену.

Паша засмеялся с удовольствием, и медленно вышел, улыбаясь мне, прикрыв дверь.

Я трясся так, что не мог идти. Повернулся к Эдику:

– Пошли...

Совсем плохо другу моему, смотрю я...

Сколько раз я вот так же зарекался... И выворачивает его наизнанку, а что внутри, что снаружи, пусто. Холодрыга зловонная. И хреново Эдику, и вагон трясёт, и качается всё, а тут вся эта история.

– Алик!, – озираясь на дверь, ко мне тут же кидается Володя, увидев, что Паша вышел, жарко шепчет плаксивым лицом, – Я им деньги отдал!.. Алик!.. Чё делать?... А?... Я им...

Я мрачно гляжу на придурка, ещё разгорячённый вознёй, тоже с опаской поглядывая на дверь:

– Лучше бы ты им свою жопу...

– Алик!..., – Володя заливается слезами, хватая меня за шиворот, – Чё делать?.. Он сказал, что ему разменять надо... А я...

– Кто сказал?

– Да этот... Как его?... Серёга!.. Сказал, что ему надо пару штук по столыникам разменять, – Володя кривит лицо, быстро озираясь, и шепчет в лицо горячо, как молитву читает, – Почти четыре тысячи взял, сука!.. Деньги чужие... Чё делать, Алик?!

С трудом сдерживаясь, чтобы не ударить Володю, я тащу за талию совсем слабого Эдю, и Эдя болтается в моих руках, как сосиска, а Володя путается перед нами, аж пнуть охота.

– Отвали!.. Дай, я спать его уложу.

Мы вышли из тамбура и увидели в проходе ментов.

Три мента, два сержанта и летёха, один с автоматом.

Чуть не сбив с ног, буквально по нам, Володя кинулся по проходу, махая рукой:

– Товарищ милиционер!.. Товарищ милиционер!..

А менты уже остановились возле этих бандюг, первый фуражку на затылок сдвинул:

– Здоровы были!..

Тут же кто-то звонко шлёпнул ладонями, и послышался смех.

– Сёмочка!.. Кого я вижу!.. Кормилец ты мой!.. Всё трудишься?..

Виктор вскочил и чуть приобнял летёху, и тот чуть брезгливо придержал Виктора, сохраняя мундир:

– Тиш-тиш...

– А я смотрю – мать моя женщина!..., – сладко поёт Виктор, широко раскидывая руки, – Сёмочка идёт!.. Как ты, мил мой?.. Всё на посту, да на посту?..

Два рослых сержанта сзади скучно замерли, опершись спинами о поручни.

– Накатишь, Сём?, – Виктор прищурился, улыбаясь шаловливо, просительно шепчет, играючи, – А?.. Сём?.. По полтинничку? С хлопцами?.. А?.. Ну, я очень прошу... Ни куда твоя служба не денется... Ну, пожалуйста, Сём!..

А пузатый Сёмочка глазки замаслил, для форсу ерепенится, руку выдёргивает слабо:

– Сдурел ты, Витёк?.., – оглянувшись, испуганно смеясь, будто ему глупость предлагают.

И Серёга с Васьком стоят счастливые, руки по швам, не налюбуются на Сёмочку.

Эх!.. И... Уговорили Сёмочку на силу!.. В первый и в последний раз Сёма согласился.

Тут же моментально стаканчики протёрты, водка нОлита, колбаска постругана.

Хлопцы дружно вздрогнули, и в гробовой тишине ахнули:

– За ВДВ!

– Колбаски возьмёшь?, – Виктор опять лизаться лезет. Спрашивает так, будто уже час уговаривает, того гляди прослезится, – Возьми, Сём!.. Ну, я очень прошу тебя!.. Колбаска хорошая!.. А тебе с ребятами ещё полночи служить-то...

И тут же моментально пакетик организован, шесть бутылочек водки и сервелатика десяток палочек...

И летёха вздыхает, головой качая, лишь из вежливости уступая такому напору...

Воспользовавшись этой идиллией, я протискиваюсь незаметно по проходу с Эдиком, и слышу сзади, как Володя, вежливо подождав, пока менты закусят, твёрдо постучал в стеночку:

– Товарищ милиционер!.. А вот эти граждане у меня деньги взяли...

...С Эдиком мы доехали до Москвы, и мухами смылись из поезда, нахлобучив шапки на рожи.

Набрали товара, купив билеты назад, и без проблем добрались до дома, не показывая носа из купе. Под очень хороший процент мы сдали сразу всю аппаратуру одному оптовику, и он обещал расплатиться в течении недели. И больше мы этого оптовика никогда не видели.

Судьба Володи мне тоже не известна.

Ковёр

Хорошим летним утром у пенсионеров Карпенко пропал с галереи ковёр. Огромных размеров коврище. Просто сумасшедших. Что-то около 6 на 10, что ли?.. Или больше даже. На юбилей тот ковёр подарили им с супругой. Дорогуший персидский ковёр, ворс в 4 см. Замысловатого сложного рисунка, чистая шерсть. Ковёр чета Карпенко берегла и лелеяла.

– Не ча просто так его топтать!.. Не бояре, небось!.. – Галина Ивановна не ленилась скачивать огромную тяжёлую штуку всякий раз, как гости уходили. Ковёр полностью не помещался ни в одной из комнат, приходилось оставлять рулончиком сбоку или подгибать.

– Давай отрежу!.. Аккуратненько... – Василий Василич в который раз шутил, зная наверняка, что жена испугается, – Вот так вот... ровненько, – он брал в руки ножницы, и взаправду примерялся, показывая, как сейчас отрежет.

– Я те «отрежу»!, – Галина Ивановна кидалась на защиту ковра, и все смеялись, – Я тебе дам!.. Такую красоту портить!.., – и забирала ножницы, грозя кулачком, – Ишь, чё удумал!.. Ух!..

Старенькие они уже совсем. Поди лет пятьдесят вместе. Души в друг-дружке не чают. Дети у них хорошие, и внуков полно. По выходным гостей куча. И пенсии заработали достойные, и особо здоровье не растеряли, и с соседями живут как родные.

На коврище Галина Васильевна не налюбуется, холит и нежит его. От моли стережёт, как зеницу ока. И вот, когда любимец в очередной раз спокойненько висел на галерее, на солнышке «выветривался», свисая на полметра и на нижний этаж – ковёр вдруг пропал.

... – Ветру не было, – пожимал плечами Василий Василич, пятый раз отчитываясь перед участковым, – да и был бы ветер: попробуй такую махину сдуть!.. Под домом не валяется – я сразу посмотрел...

Участковый майор Гезалов внимательно слушал, отхлёбывая чай на кухне, машинально соображая.

Квартира «торцевая», седьмой этаж... Если снять ковёр на галерее и, свернув по-быстрому, добежать до лифта... Минимум два мужика надо... А можно сбросить вниз, а потом спуститься на легке... Или «снизу принять», с шестого этажа... Летнее утречко. Во дворе народу полно. Пацаны до ночи мяч гоняют... Такой коврище, падающий вниз – сто пудов увидел бы кто-нибудь... И по галерее пройти, спуститься, выйти и пройти по двору с такой машиной подмышкой... Какой дурак на это пойдёт?...

– Точно он не ночью пропал?

– Да точно!, – хором горячо оправдываются старики, – На ночь я не оставлю!.. Я вышла его щёткой пройти, – пятый раз объясняет Галина Васильевна, – смотрю – Петровна на лавочке. Внизу-то. Спрашиваю – почта была уж? Говорит – нет ишо. Ну, я щёткой прошлась, и зашла. А потом через часик выглядываю – а ковра-то и нет!..

– Та какой «часик»?.., – закипал Василий Василич, – Минут сорок, не больше!.. Вы её побольше слушайте!.., – мягко отодвинув супругу, он делово толкует, – смотрели «В мире животных», досмотрели, она пошла с щёткой... Это значит – уже в пол одиннадцатого он ишо был. А потом она чуть после двенадцати вышла... Вот и считай, Яша...

Гезалов кивал, отмечая в блокноте, поглядывая на фотографию. В прошлом году сразу четверо внуков собрались в гостях, и Василич самолично фотографировал их, сидящих на роскошном ковре. Бежево-зелёный, шикарный коврище... Сложный восточный орнамент... Заметный. Да, такого размера ковёр... Тяжёлая бандура. Да и дорогуший, наверное...

– Как же вы с ним справляетесь? Тяжёлый...

– Тяжёлый, Яша... Ох, тяжёлый..., – Василич вздыхает, польщённый сочувствием, – все руки я уже оборвал с ним...

Допили чай.

– Хорошо, Василий Василич. Я пройдусь, поспрашиваю... Пока сами не предпринимайте ни чего...

Уже в коридоре, обуваясь, Гезалов распрямился:

– А кто под вами живёт?..

– Дык, Галитенки... Сродичи наши...

– Угу... А сбоку?, – пальцем показал влево, – Так и пустует?..

– Пустует, Яша..., – Василий Василич опять отодвигает супругу, – Неделю назад какой-то жил пару дней, приезжий, и опять пустая стоит.

– Чё они не продадут её?..

– А бог их знает...

Два часа Гезалов обходил двор, беседовал с бабушками, говорил с пацанами. Ничего! Никто ни чего не видел!..

«... В общем, картинка складывается такая, – размышлял майор вечером в опорном пункте, – Упасть случайно, или с чьей-то помощью – эт вряд ли... Ковёр пропал у всех на виду. Пройти с ним незамеченным... Тоже не резон. Спуститься с седьмого этажа и уйти со двора с ковром... В обед!.. Не реально...

Значит – ковёр до сих пор в доме...»

Вспоминая, как Василий Василич смешно «о-кает», Гезалов чиркает авторучкой в блокноте, зачёркивая имена и номера квартир.

Хорошую подсказку Галина Васильевна дала случайно. После получасовой беседы с ними, старушка всплеснула руками, расстраиваясь до слёз:

– Ну, не на крышу же он залетел?

«... Почему бы и нет?.. Дом девятиэтажный. Проще пробежать два этажа. Спрятать на крыше. А ночью... Спокойненько. И не встретишь уж точно между седьмым и девятым этажом ни кого... Это вниз спускаться – человек пять точно навстречу...»

Но осмотр крыши ни чего не дал.

Гезалов на всякий случай и подвал хотел осмотреть. Но на двери висел замок, да и прятать в подвале такой большой предмет... Первый этаж, мимо люди бегают каждую минуту, дети...

Значит, ковёр в доме.

По всей галерее планомерно были отвергнуты все четыре квартиры.

По порядку от Карпенко – 48-я пустует, 47-я – бабушка одинокая живёт, 46 – все работают, приходят поздно...

... – А как вы с Галитенко?.. Общаетесь?

Гезалов зашёл на следующий день.

– Конечно!.., – Василич кивает, глядя над очками, – Конечно, Яша!.. Это ж Семён! И жена его – Клавдия. Мы уже лет двадцать по-соседству!.. И Серёжку его вместе женили, и Машенька у нас как родная.

...Бывало так раньше. Строится город, и вот получают квартиры целыми бригадами. Так и Карпенко – приехали молодыми на стройку, так и остались. И соседи Галитенко так же. И в одной бригаде даже сначала работали. Потом на одном заводе. Вместе детский садик получали. Вместе детей «на 1 сентября водили».

Размякнув приятными воспоминаниями, Василий Василич вдруг подпрыгнул:

– Ты что ж?!.. Ты на них... что ли?..

Ошпаренный догадкой, Василий Василич так побледнел и оживился, что Гезалов искренне пугается. Как бы удар старика не хватил.

– Не смей, Яша!.. Христом богом прошу – даже не смей!.. Не дай бог людей обидишь!.. Не дай бог!.. Галя!..

Прибежала Галина Васильевна.

– Ты слышь, Галя?!..., – Василий Васильевич поворачивается к жене, совершенно распахившись, – Чё удумал – на Галитенков думает...

– Та вы шо!..., – Галина Васильевна шлёпнула ладонями себя по щекам, – Яша!.. Вы судрели, прости-господи!.. «На Галитенков»!.. Яша!.. Та мы с Клавочкой с одна тысяча девятьсот шестьдесят второго года!.. На ХГМЗ!.. Вы что!?.. Мы ж детей вместе рожали!..

И старики набрасываются с упрёками на Гезалова, который уже и не рад, что «ляпнул».

... – То они у нас, то мы у них!, – кричит старик, – и с ночёвкой, бывало!.. И с детьми!..

... – Почитай, кумовья наши!, – перебивает Галина Васильевна, краснея, – И не вздумай даже идтить к ним, Яша!.. Не позорь ты нас!.. Не вздумай даже!..

... – Тоже как мы, одни живут!..

... – Порядочные люди!..

«Ну, а где ещё?, – участковый хмуро кутался, поднимая воротник. Летом под ночь прохладно совсем.., – Крыша – нет. По галерее – нет. Только вниз стянуть. Пару секунд. Выждал момент, и аккуратно стянул на нижний этаж... Спокойно скатал... Занёс в квартиру... Пока всё успокоится...»

Вспоминая, как Карпенко неистово защищают соседей снизу, Гезалов даже завидует. Это прекрасно, наверное, так вот дружить.

«... – Когда их Коленька руку сломал, Вася его на руках до больницы нёс!.. Яша!..», – кричала Галина Васильевна.

Действительно, зайдёшь вот так и обидишь хороших людей...

...Поворочавшись полночи дома и убедившись в десятый раз, что другой версии нет, ближе к обеду Гезалов пришёл в квартиру Галитенко:

– Здравствуйте, – негромко говорит.

– Здравствуйте.

Все нормальные люди удивляются и даже пугаются прихода милиции. К любой бабушке – божьему одуванчику позвонит кто в форме вот так, ни с того, ни с сего, бабуля испугается, будто есть за что пугаться.

Так и Семён Иванович удивился и смутился:

– Что-то случилось?..

– Здравствуйте, Семён...?

– ... Иваныч.

– Семён Иванович Галитенко.., – записывает Гезалов, входя в квартиру. Из комнаты выглянуло испуганное лицо жены Иваныча, и замерло, словно заяц перед «Камазом».

– Да-да... Галитенко...

Старики испугались, и Гезалов поспешно успокаивает, улыбаясь:

– Извините, ни чего не случилось, простая формальная проверочка! Аж не удобно и говорить. Семён Иванович!.. Дурацкая такая вот история: кто-то в управление к нам названивает, говорит, что в вашем доме самогонку гонят!..

Представляете?..

Старики выдохнули и посмеялись машинально. Уж больно хорошо улыбается участковый.

... – И названивает, и названивает!.. А начальник у нас суровый... Сами знаете, наверное. Строго-настроено мне приказал – разберись и успокой! Вот и хожу, как дурак... Квартиры нюхаю. Вечером рапорт подам, что вызов ложный. Все квартиры обошёл. А вы случаем ни каких запахов не чуете?..

... – Та какой самогон?.., – нервно посмеиваются оба, – На кой он нам нужен?.. Не в деревне чай живём!.. Вы что!?.. Аж смешно, ей-богу!..

– Я и говорю: глупость какая-то!.. И с балкона ни каких запахов?.. Ни чё такого? Разрешите?, – не сбавляя темпа, Гезалов мгновенно разувается и проходит в комнату, демонстративно потешно принюхиваясь, старики крутятся рядом. Так же дурашливо посмеиваясь и балагурия, майор «для порядка» заглядывает и в другую комнату, и останавливается возле огромного бежевого ковра, свёрнутого и стоящего в углу, – И с этой комнаты не пахнет, Семён Иванович?..

Старики замерли в тишине.

Клавдия Николаевна, выйдя из оцепенения, тонко и злобно тычет мужу в щёку сухоньким кулачком, уходя на кухню, плача:

... – У-у-у... Ирод. Я же говорила!.. От чё натворил....

Через минуту Семён Иванович полушёпотом заливался слезами за столом, горячо размазывая слёзы:

– Яша!.. Сорок четыре года выслуги!.. Сорок четыре!.. Копейки за всю жизнь чужой не взял!.. Копейки!.. Любого спроси!..

И так далее, и про восемнадцать похвальных грамот с завода, и про медаль «Ветеран труда», и про то, как Василий Василич ему на «Москвич» одалживал, и как внука своего третьего они Семёном называли...

– За всю жизнь, Яша!.. Ни копейки!..

...А в тот день Семён Иванович, в который раз пройдя мимо свисающего сверху ковра Карпенко, чего-то задумался.

– Вот прямо сатана под локоть толкнул!.. Ей-богу!.. Прямо сатана!..

Осторожно стянув ковёр вниз, Семён Иванович скрутил его, как майор и предполагал в своих догадках, и затащил волоком в квартиру.

... – И главное – на кой хрен он мне нужен!?! Куда я его?..

И вот затащил Иванович соседский ковёр, и удивился – как легко всё получилось. И не докажет ни кто...

А потом пришла жена, и они молчали пару минут, видимо думая об одном и том же. Мимо двери кто-то прошёл, и они вздрогнули одновременно, и поняли, что натворили...

... – Второй день сижу дома, Яша, и молю бога – не дай бог Карпенки припрутся в гости или ещё за чем... Ведь каждый день почти шастаем друг к другу!.. Уже кто-то постучался сегодня, а мы сидим, как мыши, и шелохнуться боимся... Даже не знаем, кто приходил-то... Только вам и открыли.. Случайно... И что делать мне, дураку старому?..

И не продать ковёр, и не пользоваться сами. И из квартиры его как убрать – тоже задачка...

Успокоившись, Семён Иванович искренне жалуется:

– Вот ведь чё натворил, дурак, на старости лет... Уже думаю – на кусочки его порезать и выносить по частям?.. В мусорку... Так я ж его неделю буду таскать...

– Ирод!.. Натворил, скот..., – доносится из комнаты.

– Натворил, Клава..., – шепчет несчастный, прижимая ладонь к груди.

.....

Поздно ночью, часам к трём, майор Гезалов вместе с Семёном Ивановичем Галитенко бесшумно перетащили ковёр на крышу.

– Руки тебе целовать, Яшенька..., – старик спускался в полумраке за участковым, страстно шепча и наступая ему на пятки, – Ангел ты мой...

...Утром уже ковёр принимал Василий Василич под расписку, не веря своим глазам:

– Вот, спасибо!.. Вот спасибо, Яша!..

– ... А я так и понял – не иначе наркоманы какие-то!.. А больше некому, Василий Василич... Смотрю – на крыше припрятали, сволочи... Ну, я сразу и к вам...

– ... Ой, спасибо, Яша!.. Ой, спасибо!.. Ох и Галя сейчас обрадуется!.. С магазина придёт, а тут такая радость!... Ох, и обрадуется!.. От чё значит наша милиция!.. Ой, спасибо, ангел ты наш!..

Гиббоны

...Сынок растёт не по дням, а по часам. Когда гуляем, я невольно ревностно сравниваю его с его сверстниками, и с удовольствием замечая, что сынок и крепкий, и габаритами эффектно выделяется, и умом Господь не обидел вроде. Тфу-тфу-тфу! Что бы не сглазить!

Каждый день чего-нибудь новенькое притащит со школы. Второклассники мы уже, между прочим! Очень радуюсь, когда он спрашивает меня о том, чего не понял, или не знает. Недавно, например, пришлось объяснить значение слова «гондон» (пардон, мадам). А чего вы смеётесь? Ничего смешного... Ещё и ни такое притащит. И кто ему это правильно объяснит, кроме меня? В первый раз, когда я объяснял ему значение очередного «нехорошего» слова на букву «пэ» (там после «п» идут буквы «и, д, о, р, а» и т. д. по порядку), жена моя, неожиданно услышав это слово из уст восьмилетнего нашего сына, чуть не упала «вомарак», а потом терпеливо прислушивалась с кухни к моим объяснениям, и к моему удовольствию осталась весьма довольна ликбезом. Спешу поделиться опытом. И по-моему этот мой приём очень даже неплох. Так что пользуйтесь. В мировой педиатрии это назовут когда-нибудь «Метод Гасанова». Я сказал сыну:

– Сынок, это слово очень нехорошее. Так только плохие люди ругаются. И если мне так кто-нибудь скажет, я сразу же ему кулаком в нос дам. Понятно? Без предупреждения. Так что и ты его больше не говори никогда.

Сынок очень задумался и понял, но на всякий случай уточнил:

– А если мама так скажет?

Я сдержал улыбку, вздыхаю горестно:

– Придётся и ей дать...

Умница жена откликнулась с кухни чуть обиженно:

– Вы что!? Я никогда таких слов не говорю!..

– Конечно, не говорит, – подтверждаю.

На том и порешили.

А вообще, это прекрасная наша родительская повинность – объяснять суть вещей.

Сынок заболтал ногами под столом, дожёвывая бутерброд. Вижу – всё понял. Он всегда так делает.

– А Славик всегда так говорит.

– Получит в нос в конце концов. Поймёт тогда.

– А «вонючка» можно говорить?

Я люблюсь сыном, улыбаюсь:

– «Вонючка» – это неплохое слово. Но всё равно мне было бы очень неприятно, если бы мне кто-нибудь так сказал. А вообще – нормальное слово... Бывает, например, жук-вонючка... Что ж делать, если его так называют?..

Сынок дослушал, кивнул, и опять ноги заёрзали под столом.

– А кто тебе так сказал?, – интересуюсь на всякий случай.

– Эт не мне..., – сынок делает пару больших глотков компота, вытирает губы, – это сегодня мальчик один в школе обкакался, и его все «вонючкой» обзывали!

Я замер, улыбаясь. Жена тоже притихла на кухне. Спрашиваю:

– Как это: «обкакался?»

Сынок допил последний глоток, отодвинул кружку. Отдуваясь, похлопал себя по пузу, запросто отвечает, забираясь на диван, чтобы полежать перед «телеком»:

– Первоклассник какой-то... Его учительница в туалет не пустила. А он обкакался, и сидел возле гардероба, маму ждал... Целый час. Пап, смотри! Смотри!.. Это кто? Пап!..

На экране телевизора большая пузатая обезьяна повисла на ветке одной лапой, и, вытянув огромные розовые губы, что-то прокричала протяжно и длинно:

– Угы-ы! Угы-ы!..

– Это кто, пап?..

Жена подошла и села рядом с сыном:

– Подожди. Как это «обкакался»?

Тот выглядывает из-за мамы, которая закрыла экран, тянет недовольно:

– Ма-а-ам!.. Ну, ты чего?... Не меша-ай!

Мы дали досмотреть обезьяну. Я объяснил, что это гиббоны, и что они просто играют, а не дерутся. Жена вернулась на кухню, выключила воду в раковине, и опять терпеливо спрашивает, присев на краешек:

– Какой мальчик?

Сынок удивляется, глядя на нашу реакцию, и рассказывает снова:

– Откуда я знаю?.. Мальчик какой-то... Перwokлашка. Он на уроке, наверное, в туалете захотел, а спросить стеснялся. И обкакался... – сынок смеётся, приглашая нас присоединиться, – Его учительница посадила потом возле гардероба. А он сидит и воняет... Фу-у-у! ..., – корчит рожицу, машет ладонью перед мордашкой, зажимая носик, показывая, как пахло от мальчика. Но мама не улыбается, и он продолжает, чуть удивляясь, – Странный какой-то... Не мог отпроситься, что-ли?.. Взял, и...

Жена допросила сына, и мы узнали, что действительно с одним из первоклассников сегодня произошёл вышеизложенный конфуз, и он находился в таком своём состоянии половину последнего урока и ещё какое-то время, сидя на лавочке возле гардероба, натянув на голову шапочку, сгорая от ужаса и стыда, и каждый проходящий мимо морщился от запаха, потому что рядом были несколько его одноклассников, которые громко и радостно поясняли всем, в чем дело, показывая на того пальцем. Некоторые проходили безразлично мимо. Кто-то смеялся. А несколько детей полчаса резвились вокруг несчастного, поочерёдно подбегая к нему, комично принюхиваясь и морщась, весело выкрикивая «Фу, вонючка!», и передавая эстафету следующему...

После минутного молчания жена спрашивает тихо:

– И ты его дразнил?

Сынок, совершенно уже сбитый с толку, смотрит то на меня, то маму, открыв рот, так же тихо отвечает:

– Да. А что?..

Жена, бледная, бегающими глазами бросает мне быстрые взгляды, не зная, как сдержаться, еле сохраняя спокойствие:

– А учительница где была?

– Она домой ушла. Говорит ему: «Тут жди.» И ушла домой. А что?..

Жена возвращается на кухню, молча и громко моет посуду.

А я вздыхаю и старательно подбираю слова для следующего разговора с сыном...

Оля

...Оля появилась в моей жизни при весьма странных и даже неправдоподобных обстоятельствах. Так что я и не надеюсь, что вы мне поверите. Во-первых, возраст мой был такой, в котором каждый мужик врёт о своих любовных победах наиболее интенсивно, во-вторых, врёт он в два раза чаще, потому как ещё и в армии находится, а врать про армию – это святое. Тёплые воспоминания об армейской службе я храню очень бережно. Помню всё до сих пор. Командир подразделения у нас был с редкой фамилией – капитан Небесный. Хороший мужик. Его уважение дорогого стоило. А на меня свалилось совсем неожиданно. Всякий из нас-солдат в короткое время определялся по роду наклонностей и талантов, и почти каждому очень скоро кликуху прицепили. Вон Эдик Швачка из Ворошиловграда, например, (Луганск теперь опять), и все знают, что он неплохой столяр, и вообще добрый парняга, и теперь все его зовут Шварц. А этот вот Олег Мищенко – трусоватый здоровяк, которого запросто можно «припахать», и кликуха у него «Мища». Мне тоже несколько раз пытались дать прозвище, но прозвища почему-то у меня не держатся, и одно время меня это даже как-то задевало. И Доктором меня упорно звали, и Гансом пытались окрестить. Не держатся кликухи у меня, и зовут меня с самой школы по имени, а на всякий случай добавляют к имени «дядя». Дошло до того, что меня так звали даже в семье. Ну так вот... И вот как-то раз я застал командира своего капитана Небесного за редким для него занятием, а именно – всегда подтянутый и ядовито-интеллигентный капитан Небесный пинал в своём кабинете огромный сейф, отзываясь о сейфе весьма неуважительно, громко и нецензурно, что капитан себе никогда не позволял ранее. Оказалось, что в сейфе заело замок, а Небесному очень срочно нужно попасть в указанный проклятый сейф (чтоб он, сука, сгорел! и т. п.)

– Болгарку неси, – орёт капитан, – Режь его, собаку, быстро!..

Я кликнул по коридору своего верного помощника Андрюху и, слушая приближающиеся Андрюхины шаги, присел перед сейфом на корточки, заглядывая в замочную скважину:

– Да-не... Жалко, Андрей Василич... Новенький совсем...

– Режь, говорю. Времени нет!.. Через десять минут надо в штабе быть!..

Пришедший Андрюха был опять послан за инструментом, а я аккуратно ковырял замок распрямлёнными булавкой и скрепкой, на ощупь соображая, чего я там в нём делаю, успокаивая разбушевавшегося капитана:

– Ща-а... Откроем...

Щёлкнуло раз, щёлкнуло два... И замок к моему великому изумлению – открылся!..

Небесный пулей кинулся к сейфу, облегчённо и весело там порылся, достал какие-то документы, и только потом удивился, и замер, глядя на меня строго:

– Подожди. А ты как открыл его?..

Я был не менее потрясён, но по привычке «держал фасон», фальшиво зевая:

– Сказал-же – «открою щас!».. Раз плюнуть...

Небесный смотрел на меня с уважением, но мизерная искорка тревоги всё-же блеснула во взгляде:

– Ну ты даёшь, Гасанов... Медвежатник хренов!.. А ну, пойдём-ка...

И он привёл меня в соседний цех, где уже второй день не могут закрыть дверь в курилке, потому что ключ застрял в замке. И я через пару минут, совершенно не понимая, чего я опять сделал – вытащил проклятый ключ, нервно расшатав его вверх-вниз!..

...Уже через пару дней я стал замечать, что за спиной меня называют уже не просто «дядя Алик», а иногда уточняют – «Ну, этот – как его? Медвежатник! Из РПБ!..«*. И очень скоро это мне стало даже мешать. Благодаря небылицам обо мне сложилось ложное мнение, что я запросто открою любой замок чуть ли не взглядом, и каждый дурак из начсостава пытался мне

всучить самую не разрешаемую работу, что умник-Небесный сразу же и смекнул, и в обиду меня не давал, поручая только действительно что-нибудь серьёзное. Это мне льстило, не скрою, и ребята смотрели на меня с уважением, и каждый стремился работать рядом со мною. Такую касту солдат называли у нас «спецы», и это была армейская элита. В неё входили как мастера-гитаристы, так и сварщики 6 разряда. Все знают, что такой «спец» обычно пользуется покровительством кого-нибудь из начальства, и поэтому нас побаивались трогать без особой надобности сами офицеры, закрывая глаза на наши поблажки в форме одежды, презрение к зарядке, и вообще в вольном распорядке дня.

Мы-спецы часто шастали по городку, кто-то «помогал» ремонт делать, кто-то ещё зачем. И вот однажды, почти сразу же после отбоя, меня вызывает к телефону дежурный по роте, и капитан Небесный орёт мне в трубку:

– Алик, запиши адрес: 17—34. Записал? Сейчас возьми инструмент, и рви туда. Помочь надо. Я на КПП предупредил. Тебя пропустят.

Я поинтересовался, шо стряслось.

– Ключи потеряла женщина. Соседка. «Оля» зовут. Помоги, пожалуйста. Хорошая баба. Завтра до обеда поспишь. Дверь железная.

... Через полчаса я был возле Олиной квартиры.

Поковыряв пять минут замочную скважину, я открыл дверь, и Оля посмотрела на меня, как на бога. Замёрзшая, голодная и уставшая, она чуть не плача вбежала в квартиру, не веря своему счастью, скидывая на ходу сапожки, и трепетной ланью кинулась в туалет.

– Запасные-то есть?, – спрашиваю, собирая свои причиндалы в чемоданчик.

– Есть-есть!.. Ой, спасибо вам!.., – кричит Оля уже из ванной, шумя водой, – Ой, как же хорошо!.. Какой же вы молодец!

Выйдя в коридор и чуть помешкав, она осторожно спрашивает:

– Сколько я вам должна, молодой человек?

А я улыбаюсь:

– Нисколько. Андрею Васильевичу привет передавайте. От «Очкарика»...

И мы смеёмся, и я пытаюсь уйти, а она смешно пугается и вдруг протестует:

– Да вы что? Ну-ка, зайдите! Вы что?! Ну-ка, ну-ка!.. Одну минуточку!..

И тянет меня за рукав, и бежит на кухню и кричит оттуда:

– Минуточку постоит!.. Слышите?.. Не уходите пока!..

И через пять минут я иду обратно в свою часть со здоровенным пакетом, полным яблок, печенья и конфет...

... А через несколько дней Небесный опять вызывает к себе. Смотрит странно, будто разыграть хочет:

– Адрес помнишь? Олин...

– Помню, тащ-капитан.

– После семи часов иди к ней... Она в семь будет дома. Чё-то там у неё с кондиционером.

И опять смотрит, будто смех с трудом сдерживает.

Я сходил. Почистил кондиционер, поменял дребезжащий штапик. Меня за это напоили мятным чаем, собрали мне пакетик с колбасой, баночкой грибов и конфетами. Сгорая от стыда, я мямлил благодарности, а Оля хищно следила, чтобы я не удрал без её гостинцев... Караул какой-то.

С Олей мне было очень легко общаться. Да, по всему видно, она чуть-чуть меня побаивается, как и любая нормальная женщина в такой ситуации, и ведёт себя Оля прямо и без кокетства.

Из рассказа Небесного я теперь знал, что ей 27 лет, что она разведена по причине бездетности, и что её папаша-генерал служит где-то в штабе московского военного округа, почему от Оли и шарахаются местные ухажёры. Оля действительно была очень хорошей жен-

щиной. Знаете, каждая женщина красива по своему. Есть женщины красивые и грациозные, как кошки. Есть миленькие, как ребёнок. Бывают прекрасные женщины, красивые, словно вечерний закат. Так вот, Оля была красива, как лошадь. Да-да, именно как лошадь. Вернее, лошадка. Высокая (на голову выше меня), с прекрасной фигурой, шикарными тяжёлыми волосами, Оля смотрит прямо и честно, не смешливая, но любопытная. По всему видно, что живёт она одна давно. Дома уютно. Фотографии в рамках на стене собственноручно обклеены ракушками. Чай душистый от души. Хоть и в брюках, а ножки Оля держит вместе и в сторону, не растопыривает. Прекрасные зубки, ногти стерильные. Совершенно спортивная фигура неожиданно приятно гармонирует идеально очерченным пикантным излишком в бёдрах...

А в квартире у Оли сплошные неприятности... То шурупы на дверной ручке вывернулись как-то сами по себе (а в мусорном ведре лежат сломанные ножницы), то форточка громко захлопывается... Работы уйма, короче!.. И звонил теперь Небесный всё чаще.

...Обо мне поползли слухи.

Небесный уже не скрывал своего раздражения, и отводил глаза, хмурясь:

– Ты это... Слышь!.. Алик!.. Завязывай, давай!.. Хорошая она баба... Женщина. Тебе на дембель скоро. Не лезь к ней!..

И очень внимательно смотрит мне в глаза, проверяет, вру я или нет.

– Василич!.. Нету там ничего!.. Чё я, дурак что ли?.. Я её в два раза моложе!..

А Небесный всё равно хмурится:

– Я тебя предупредил. У неё отец знаешь кто? Смотри – башку оторвёт нам обоим. Ты понял?

– Понял.

– После семи сегодня она ждёт. Чё-то там с форточкой... На кухне...

И опять глаза в сторону.

И вот я хожу к Оле ежедневно. И Небесный уже не объясняет мне «зачем», а просто мрачно кивает, когда я из строя бросаю только ему понятный вопросительный взгляд.

Сразу же оговарюсь – с Олей я не спал. Мне было 19 лет, и я в этом возрасте был олух застенчивый. А с Олей мы просто не могли наговориться. Такую родственную душу я, пожалуй, не встречал потом больше уже никогда. Мы часами обсуждали Булгакова. Потом спорили чуть ни до драки о Чехове и Ницше. Потом она благоговейно включала что-нибудь из Пинк-Флойда, и мы молча наслаждались музыкой. Или просто ржали, просматривая телевизор, сидя плечо к плечу на маленьком диванчике.

И вот дошло до самой интимной части моих походов.

Как-то я в шутку предложил:

– Потанцуем?

– Давай, – просто и не задумываясь ответила Оля, и мы изо всех сил «не смущаясь», всю кассету танцевали медленный танец в полтретьего ночи, тихо смеясь над собой, двумя придурками...

...А слухи уже делают своё дело. Где-то в курилке видимо произошёл групповой разговор. Потому что в одночасье большая часть офицеров вдруг шарахнулась от меня в сторону, как от прокажённого, а другая часть стала откровенно хихикать при встрече со мною, и я делал вид, что ни фига не понимаю. Но были и такие, чьи лица при встрече со мной омрачались злостью, и я понимал, что «доиграюсь» в конце концов. И доигрался.

...Был у нас прапорщик Ларичев, с чьей-то подачи называемый всеми «Ларсоном». Он где-то торчал на вещевых складах. Появлялся в казармах и у нас в цеху он редко, а если и появлялся, то было видно, что Ларсона недолюбливают. Туповатый и странный кекус. Сослуживцы зло посмеивались над ним, не стесняясь в выражениях, даже при нас-солдатах называя его «тормозом». Так вот этот Ларсон в один прекрасный момент был назначен сопровождать нас, нескольких солдат, на какие-то работы. И надо же такому случиться, что мы посреди белого

дня случайно встречаем Олю, и она бросает мне незаметную улыбку из далека. И мы проходим спокойно строем, а когда отходим подальше, Ларсон хлопает меня по плечу, и говорит специально «для всех»:

– Чё? Как у неё? Нормально нырнул в пилотку?

Оглядев строй и не дождавшись смеха, Ларсон один смеётся, а потом зло поджимает губы.

Я иду молча, а он не унимается:

– Чё молчишь? Все знают уже...

И опять ржёт.

Я поворачиваюсь, и между нами происходит двухминутная беседа, которую я начинаю:

– Вы о чём, тащ-прапорщик?..

...и заканчиваю уже на повышенных тонах:

– ... это ты сам сейчас у меня «договоришься», мудака!..

И Ларсон тащит меня в ШИЗО, и я получаю десять суток ареста, «потому что угрожал», и Небесный вытаскивает меня только через двое суток, и, нервно захлопнув за мной дверь в своём кабинете, зло кричит мне:

... – Задолбал ты меня со своей Олей, Гасанов! Понимаешь? За-дол-бал!.. Тебе чего, неприятности нужны что ли?!..

И я мямлю чего-то в своё оправдание, а капитан хлопает ладонью по столу:

– Ты чего, не можешь спокойно до дембеля дожить? А?..

– Могу.

– А какого хрена ты к ней прицепился?!.. А?.. Какого хрена – именно к ней?!.. Больше баб нету, что ли?!..

И я тоже взрываюсь и задираю брови:

– Хренасе!.. Тащ-капитан!.. Вот вы даёте?!.. Я – прицепился к ней?!.. Я – что ли к ней себя посылал?!.. Ни фиги себе вы!..

И Небесный вздыхает мрачно, и я вместе с ним:

– Когда у тебя дембель-то?

– В мае был...

И он смотрит на меня, стараясь злиться, и так всё зная и понимая за все мои грехи:

– И чего ты не ушёл в мае?!.. Уже три месяца переслужил!.. Чё вот делать с тобой теперь?..

– Арестов много...

И мы пятнадцать минут молчим, хмуро думая об одном и том же, пока он не глянет на наручные часы:

– Иди уже... Звонила в обед... Чё-то там у неё... Опять...

И я не знаю куда деваться от его глаз, а он у порога меня окликивает, жестом приказывая прикрыть дверь, и спрашивает в упор:

– Точно у вас там?... Ничего?

...Слухи неминуемо дошли до штаба части. И я с неприязнью уже отмечал, что некоторые офицеры с огромными звёздами на погонах ведут себя, как пацаны, шепчась у меня за спиной при встрече:

– Вон, видишь?!.. Вон, рожа очкастая... Вот он и есть!.. Тот...

...Я потом спрашивал Олю об этом, и она громко смеялась, абсолютно презирая сплетни:

– Пусть боятся. Меня тут все боятся. Дурачье!.. «Офицеры», блин!..

– А я?, – я пытался придать серьёзность проблеме.

– Да и по тебе видать, что наплевать тебе на них.

– Я-то уеду когда-г=нибудь... А вы?..

И мы смеялись, а потом меня кормили потрясающим борщом, и мы опять танцевали, а я одуревал от запаха её волос...

...Суету вокруг меня в тот день я заметил уже с самого утра. Не знаю, чем это было вызвано, и могу только предположить. Скорее всего, в часть кто-то должен был приехать. Не удивлюсь, если сам Олин папаша. И вот меня срочно вызвали в штаб. Причём ни как обычно, мол, «рядовой такой-то, срочно явиться туда-то», а подошёл дежурный по части и дал мне час на сборы, объяснив, что сейчас я поеду домой. Потом оказалось, что он ждал меня в пустой казарме (!), пока я мылся-брился, и это тоже было странно. На мой вопрос, «почему такая спешка?», он только махнул рукой, мол, «и сам знаешь!»... Прощаться мне было не с кем. Мои сослуживцы уже давно «дембельнули». Наученный горьким опытом, что чаще всего я попадаю не туда, куда меня обещают поместить, я был уверен, что меня переводят в другую часть, но в штабе мне сунули «военный билет», проездные деньги, и вот дежурный сам лично стоит возле автобуса и ждёт, когда я уеду!..

И я сидел в полупустом автобусе, и у меня затекала шея, потому что сзади дежурного стояла моя Оля, и я не мог на неё смотреть.

...Как-то я даже порывался ей написать. Но не написал.

*Медвежатник! Из РПБ! ** – кто не помнит, медвежатник – в уголовной среде взломщик сейфов. РПБ – ремонтно-поверочная база, подразделение, в котором я Родину защищал с мая 89 по сентябрь 91-го.

Как по-русски «кирдык»?

.. – Во-первых, не кирдык, а кер-дык, – подсказывают аккуратно, чтобы не обидеть мою «нерусскость».

– «Кер-дык...», – покорно переписываю я, и варезку разеваю, жду пояснений, – Ну?

– Чего?

– Шо такое ваш кердык?

– Нужно говорить «что», извините. «Шо» – это по-украински.

– Чё?

– «Шо», говорю, это по-украински. А по-русски нужно говорить – «что», – тут же заметили, что я краснею, осторожно усмеваются, – Вы извините, я просто не люблю, когда засоряют русский язык.

– Да ни чё..., – улыбаюсь. Как-то пошло пошло всё сразу, и я начинаю кривляться зачем-то. «Пошло» – это значит или оно начало двигаться со скоростью ходьбы, или оно безвкусно в эстетическом плане. А второе «пошло» – это совсем наоборот, значит, – Так и чё там насчёт «кердыка»?

– Ну... Кердык, по-русски это значит... Э-э... Значит конец всему. Хана!

– Хана?

– Ну... Значит... Буквально обозначает, что дело завершено неожиданно, без ожидаемого результата... Амба, значит!

– Амба?, – (я чуть не написал «жопа», аж вздрогнул).

– Ну... Вы это... кстати это слово тут в действительности не пишете лучше. Выпрут нафиг.

– Какое? На «жэ»?

– Да. На «жэ».

– Хорошо, не буду. (Тоже мне, фокусы... Слово есть, а писать его нельзя...)

– Это бранное слово.

– Как «сволочь»?

– Ну, да..., – косятся.

– А «козёл» писать можно?

– Хм..., – косятся ещё пристальнее, – «Козёл» – это нормальное слово... Чего вы? Литературное русское слово...

Я невольно смеюсь, видя, что начинаю пугать:

– Вы извините меня, ради бога. Просто я пытаюсь соблюдать... э... эти правила... Слово на «жэ» – это ругательство. А «козёл»? Тоже ведь ругательство? А почему его можно писать?

– Вы о чём?

– Ну, это... Если, к примеру: так вот меня при людно если вы назовёте... гм... на букву «жэ» – я только посмеюсь. А если вы меня козлом назовёте – меня это оскорбит. Но, тем не менее – «козёл» писать можно, а на «жэ» – нет.

– Вы о чём?

– Я говорю, что существует правило: слово на «жэ» – это ругательство, и приличные люди его не пишут и не произносят всуе. Так?

– Ну...

– Но есть масса слов, которые в сотню раз... как-бы это сказать?... «Ругательнее»! А проносить и печатать их можно запросто. Разве это не странно?

– ..., – на меня уставились молча и без интереса, и это ожидаемо обычно. Вечно я голову людям морочу.

– В русском языке, я говорю, есть масса слов (литературных слов, я подчёркиваю!) в сравнении с которыми ваша «жэ» – просто ангельское сияние, – замечаю, как поджали губы, – Я имел ввиду не именно ваша «жэ», а слово на букву «жэ». Извините.

– Что вы хотите от меня?

– Простиите. Я обидел вас?

– Нет. Просто вы куда-то не туда всё время... Есть простое правило – ругательные слова не употреблять. И всё. Что тут не понятного? Это неприлично, и... вообще... Не красиво.

А я всё не угомонюсь:

– То есть написать на стене «жэ» – это неприлично, потому что это ругательство, а написать, к примеру... Э... ну, например «мразота» – это ни чего страшного. Потому что «мразота» в сравнении с «жэ» – более безобидное и допустимое?

– Чего вы молчите?

Нет, я совершенно живо представил разницу. К примеру... Э... ну, такая вот ситуация. Экспромт:

Я случайно пачкаю вас мороженым, к примеру. Представили? Да. Я прохожу мимо, а вы сидите на лавочке, читаете Шолохова, а я неловко куснул, и пол мороженого вам на причёску уронил. Представили? А теперь представьте, какая будет разница нашего диалога, если в первом случае вы воскликните:

– Ах ты «ж...»!

А во втором:

– Ах ты мразота!

...Вижу, что сбил спонтальку. Сидим, молчим.

Не сдаются:

– Ругательные слова-а писа-ать, говорю, нельзя. Всё! Точка!

– Хм!.. А «мразота», значит – это не ругательное?

– «Мразота»... Это... Нет, ну почему же?... «Мразота» – это тоже ругательство, только оно литературное ругательство. А существуют ругательства не! литературные. И это правило. Понятно?

– Нет.

– Чего не понятно?

– Почему одни ругательства можно писать, а другие нельзя? Кто установил такие правила?

– Как «кто»? Всегда так было принято...

– ... кем?

– ... что некоторые слова... Что вы ко мне прицепились? Мы вообще начали с «кердыка»!, – неожиданно хорошо смеёмся мы вместе и с удовольствием, – Вот вы зануда, ей-богу!, – ржём совершенно по-дружески, и это хорошо. Обычно я обижаю людей своей занудностью. Вон одной уже не понравилось название мой книжки. И как ей объяснить, что «Ото ж бо и воно!» – это и не по-русски, и не по-украински?

– А сейчас вы будете меня учить, как правильно написать по-русски «кердык»?

– Да. По-русски пишется «кер-дык». Понятно?

– Понятно.

Опять хохочем, и я стараюсь продлить это веселье:

– А чё это?

И на меня уже просто машут лапками, угрожая побить, и мне это нравится, и буквально через пять минут мы опять заходим в неразрешимые дебаты на тему: «Почему слово «дерьмо» – писать и говорить можно, а слово на «гэ» – писать нельзя, потому что это не литера-

турно.» А к концу беседы меня побили-таки, потому это что слово, которое писать (!) нельзя – я говорю с ошибкой и украинским акцентом – «гамно!»... А это не по правилам.

Чики-чики

Старинный мой дружбан Андрюха Ковальчук после армии ни с того ни с сего в участковые подался. Нефиговая такая реакция, знаете ли... Вечером на тебя сзади налетает кто-то, рожу снегом растирает, роняя в сугроб, хохоча заразительно и оря «Здоров, братуха! Алик, ты что ли!?». А Алик с удовольствием брыкается, мгновенно узнав голос, и тоже его гада длинноногого в снегу кувыркает, уши ему бантиком на макушке накручивая, и вдруг видит Алик, что уши он крутит уполномоченному участковому лейтенанту полиции Ковальчук. Пять минут пистолет в сугробе искали... И, вот благодаря Андрюхе моему, у меня периодически всплывают истории, отношение к которым я имею совершенно косвенно. А было вот чего:

Жил у них в доме старик один. Я имею ввиду, в доме, где находится (и до сих пор скорее всего!) опорный Андрюхин пункт полиции (тогда ещё – милиции, конечно). И вот старикан этот (и фамилия такая диковинная, что я до сих пор её помню отлично – Мазур. То ли еврей, то ли немец, а звали старика Мазур Герман Генрихович!). И вот, жил себе Герман Генрихович прямо рядом с опорным пунктом. Жил один в двухкомнатной квартире. Мужик тихий и неприметный. То в магазин за хлебушком выйдет, то пенсию тащит с почты. А время летит, и Андрюха уже капитана получил, а Мазур всё стареет, и пьёт потихоньку. Принесёт в авоське бутылочку с помидорками, клюкнет негромко, и голубей крошками кормит, или телевизор смотрит. И вот стал замечать Андрюха, что к Мазуру стали шастать всяко-разно. То один небритый с фингалом припрётся, то сразу четверо пьяных вумат заходят. И стал у Мазура притон. Андрюха по своей служебной обязанности стал наведываться к старику:

– Герман Генрихович! Чего это вы тут у меня под боком устроили?

А в квартире у Германа уже срач неимоверный, бутылки валяются, и запах из квартиры некрасивый – то наблевала какая-то скотина прямо у порога, то свежую кровь на стене дед замывает с утра – видно скотине и рожу кто-то начистить успел. И дед оправдывается виновато:

– Извините, – говорит, – Андрей Василич... Не повторится больше.

И тем же вечером Андрюха уже вытаскивает за шиворот из квартиры Мазура очередных гостей, которые расшумелись так, что соседи милицию вызывают.

– Герман Генрихович!, – уже покрикивает Андрюха, – Какого чёрта вы их пускаете? Как их зовут вообще? Кто это такие?

А дед ни то, что не знаком с гостями, а и смотрит на них со страхом. И действительно, рожи неприятные. Придут ни свет, ни заря, кто хошь ночевать останется, дверь чуть не ногой открывают.

– Я вашу квартиру ставлю на учёт!, – сурово выговаривает участковый, – Как «сомнительную»! Ограничения вам ставлю: после девяти – никаких гостей! Буду приходить – проверять! Ясно вам?

Дед вздыхает виновато.

– Устроили чёрти-чё! Кто вам лицо разбил?

А дед ладонью синее ухо прячет. Уже который раз Андрюха замечает – деда бьют. Дед сутулится, прихрамывает, исподлобья зыркает, губа опухшая. Все нервы дед участковому вымотал, короче говоря.

– Где ваши родственники? Кому мне позвонить?, – лютует Андрюха.

А дед вздыхает только, отворачивается:

– Нету у меня никого...

Года два Андрюха воевал с Мазуром.

А в квартире всё хуже и хуже. Среди ночи опять вдруг звонок:

– Ковальчук! Опять у тебя там буровят!

И бежит Ковальчук к Мазуру, а у Мазура в квартире бойня. Нажралась пьянь да рвань, деда побили, мебель перевернули, передрались, соседей двадцать человек на галерее возмущаются:

– Да что же это такое, а? Совсем совесть потеряли? И куда милиция смотрит?!

... – Задолбал ты меня, Герман Генрихович, – орёт в опорном Андрюха, заполняя очередной протокол, – Вы чего добиваетесь? На кой чёрт вы опять их домой притащили?!..

– Да кто их тащит?, – чуть не плачет дед, – Сами они!..

А дед уже совсем плохой. Зубы передние ему кто-то высадил, и дед еле ногами вороочает. Деда поят каждый день на его же деньги, и дед уже на ладан дышит. И слёг дед. Совсем не встаёт. Андрюха с соседями согласовал, и вот за Мазуровой квартирой соседи следят зорко, чуть какая сволочь подойдёт – тут же участковому звонят, и Андрюха сурово каждый день то одного субчика, то другого за шиворот таскает. А дед лежит и не встаёт. Соседка сердобольная ему раз в день тарелку таскает, кормит. А дед зарос, как леший, лежит среди хламья, трясётся в поту. Соседка вечером с Андрюхой шепчется:

– Весь вшами покрыт, Андрей Василич!.. Я как глянула – мама дорогая! Я думала – он грязный, а он вшами покрыт, как...

И чего делать с таким? Оформлять куда-следоват, то да сё...

– У него что, вправду никого нет?

– А бог его знает... Сколько лет тут живу – никогда не видела, чтобы у него кто-то был. Жена у него умерла совсем молодой... Так и живёт один вроде...

Андрюха справлялся в управлении, как быть с дедом, и в управлении квартира Мазура была уже знаменитой:

– Оформляй в дом престарелых, что-ли...

– Да как оформлять-то?.. Квартира не приватизирована... Инвалидности нет... Только через суд... А суд месяца два волюнку тянуть будет... И то...

– И чё делать-то?..

– А хрен его знает... Дед уже совсем плохой. Не ест несколько дней. Кожа да кости... Я вечером зашёл, гляжу – вроде спит. В квартире у него сумрачно. Дед лежит весь серый. Я думал помер, за плечо его дёргаю: «Герман Генрихович!», а у него всё лицо аж переливается! Вши!

Андрюха глаза таращит, и у меня всё зачесалось аж:

– Прикинь? Весь вшами облеплен! Спинки блестят... Я тронул, они бегут, шевелятся... Кошмар какой-то!..

Помер дед, короче говоря. Печальная история. Комиссионно описали имущество квартиры, диван, стол, холодильник... Два мешка тряпок, ковёр на полу. При понятих Андрюха запер дверь и опечатал квартиру.

– На пол-года опечатывается в таких случаях. Вдруг кто появится. А потом через суд муниципалитету отходит. Такая хрень...

Деда «похоронил город». И стал Андрюха ждать полгода.

Но через неделю после похорон к Андрюхиному опорняку подъехала «Toyota-corola» белого цвета. Мужик лет сорока внимательно прочитал бумажный лоскут, коим была опечатана дверь Мазуровой квартиры, и пошёл к участковому:

– Здравствуйте. Вот тут вы опечатали... Написано «обращаться в опорный пункт». Вы Ковальчук?

– Да., – вскакивает Андрюха, – Здравствуйте. А вы кто?

– Я сын, – мужик протягивает паспорт в кожаной лакированной обложке.

– Мазур Виталий Германович..., – читает Андрюха, совершенно уверенный, что мужик не иначе, как только что из аэропорта... С Владивостока, небось, думает Андрюха, почему-то представив именно Владивосток, как самый дальний город в своей памяти, – А откуда вы?

– Что, простите?

– Проживаете где?

– В седьмом районе.

Тут я отступлю немножко.

Дело в том, что опорный пункт Андрюхин у нас в городе находится в третьем районе, а седьмой район... Вот представьте себе, например... Нет. Вы на «Красной площади» в Москве были, к примеру? Да, Кремль, Москва, Красная площадь. Если не были, то посмотрите по телеку. Так вот, я, уроженец города Шевченко, присягаю вам сейчас на сборнике своих рассказов, что расстояние между третьим и седьмым районами в городе Шевченко примерно равняется длине двух Красных площадей. Километр, короче говоря.

...Андрюха обалдел, и даже судорожно полистал паспорт, убедился в прописке. Да. Седьмой район...

Мужик холёный, дорогим одеколоном пахнет. Костюм матовый со свинцовым отливом, тускло лоснится в свете настольной лампы, совсем как вши на трупe Генриха Германовича.

Короче говоря, через пять минут разбирательств встреча участкового с посетителем зашла в тупик.

Андрюха совершенно не мог понять, почему за всё это время ни он, ни один из соседей не видели сына Мазура-старшего, а Мазур-младший в свою очередь с трудом уже сдерживая правила приличия, всё громче удивлялся, какое дело до этого участковому-уполномоченному, и требовал ключи от квартиры:

– Я единственный наследник!, – всё громче краснел Виталий Германович, – Вы не имеете права! Что вы себе позволяете? У человека отец умер, а вы издеваетесь тут!.. Занимайтесь, пожалуйста своими обязанностями!

Но протянутая всё это время рука так и осталась без ключей, и Мазур-младший воинственно вышел, вежливо пригрозив:

– Хорошо. Вы сами напросились!

...Через полчаса Андрюха, запыхавшись от бега, консультировался у нашей одноклассницы Инки Бойко, которая неплохо волоочёт в юриспруденции. Перед этим Андрюхе хватило ума позвонить мне, и мы с ним, тщательно выматерившись, утвердили с моей подачи мстительный план – наказать козла. Андрюха скакал по администрациям, а я носился по этажам его дома, до одури переписывая объяснительные соседей, в которых все (!) пятьдесят восемь квартир подтвердили, что Мазур-старший жил один и сдох от голода, как собака, сожранный вшами.

...Через месяц квартиру Мазура от муниципалитета получил сантехник-узбек с тремя детьми.

Андрюха нервно смеялся в трубку:

– Прикинь, сука какая, то бандюками меня по телефону пугает, то в прокуратуру названивает... А Инка умница! Всё по закону... Чики-чики!.. Он в суд подал на пересмотр. Но Инка говорит – бесполезно. Хрен ему по всей роже.

– Да, Инка у нас умница!, – соглашался я, довольный хорошо сделанной работой, но на душе почему-то было не весело.

Ямщики

...Бабушка моя рассказывала моей маме, как моя прабабка Татьяна, совсем ещё молодой девчонкой служила при дворе большого барина. Хотя, какой там «молодой девчонкой»? Это сейчас молодость у нас длится чуть ни до тридцати лет. А в те времена девица пятнадцати лет уже и семью имела, и детей, и вполне самостоятельно хозяйство вела.

...Через их хутор Северин большой тракт проходил. Вернее сказать – прямо по краю хутора. И хутор рос и тянулся вдоль дороги, то поднимаясь по холму, то спускаясь чуть ли ни на дно Солохина яра.

Места тут раздольные. Всё поля, да пашни. Земля жирная, богатая. В грозу, бывало, дерево ветром всё поломаёт, ветка наземь упадёт, а через день-два – гляди-ко, корни лёжа пускает, за жизнь цепляется, словно руки к земле тянет, и земля-матушка щедро принимает дитя своё. Сколько тут таких диковинных деревьев! То яблоня чуть ни лёжа растёт, то слива из сорной кучи цветочками белыми удивляет.

Кубань разливается широко и вальяжно. Не хочет прямо течь. Обнимает холмы ласково и течёт огромной серой махиной. И сверху кажется, будто еле-еле течёт, почти стоячая вода-то. Но это ни так. По вылизанному на дне илу река скользит так споро, что утащит, моргнуть не успеешь. Бывало, смотришь на рябь воды – чистый пруд, ей-Богу!.. Чуть-чуть движется, волнуясь под дождиком. И вдруг мимо тебя на огромной скорости большая коряга несётся. Несётся страшно, что кажется и в воде зашибёт нешуточно, если ни насмерть. Сколько тонут каждый год смельчаков, а всё прощают люди реке. Любят тут Кубань. Матушкой называют.

И вдоль дороги дома всё богатые. А чем дальше от тракта, тем поскромней. По тракту и шум и крик всегда. Ямщики удалые песню пьяную орут бывало среди ночи, или сильный какой человек обозы ведёт. И в ту, и в другую сторону, навстречу друг другу, и лес идёт, и скот гонят, и товар всякий диковинный. А самое главное – везут вести со всех концов.

Зайдёт лихой ямщик в лавку, шапка-валёнка набекрень, мошна с арбуз, весь люд притихнет. Крикнет тот по надобности – бегом ему и поесть, и по мелочи чего. И все ему в рот глядят, авось сядет за стол, тогда и вести будут, хоть народ созывай.

По человеку сразу видно, кто хозяйственник какой захудалый, а кто служебный.

– Тут что ль, столоваться принимают?

– Туточки!.. Туточки!.. Милости вам!..

– Эт хорошо..., – бряцая медной бляхой на кожаной сумке, входит ямщик по-хозяйски, весело и шумно, будто домой прибыл, – Добре вам в хату!.. А што, и покормите служебного человека?..

– Покормим, батюшка!.. Покормим!.. Нешта не покормим-то?..

И пошла беготня!.. И шуба принята бережно, как невеста, и на стол и скатерть, и свет несут, и в избе крики шепотком во все стороны:

– Терька! Наливки неси!.. Грунька, воды!.. Огня несите!..

И вот уж восседает ямщик Стенькой Разиным, обставленный лучинами, и обедает громко, с прибауткой, ёрзая на лавке во все стороны.

А бывает молчун иной раз. Хмуро пошепчется, договорится, молча поест, лица не подняв, сколько ни стой возле него всем собранием. А этот вот – хороший. Весёлый. Сразу видать – хорошо живётся человеку. Сытно, и с умом-то. И стоит вокруг стола люд крещёный, и смотрит, и внемлет, жадно каждое слово хватая и подхватывая:

– С Москвы иду!..

Ахнули шёпотом:

– С Москвы!.. Слыхал?.. С Москвы...

А тот шами сёрбает, подрагивая квашеной капустой в бороде, торопится, обжигаясь, луком хрустит, ест, рассказывает весело, головой вертит, всех уважит, чтоб расслышали:

– А под Пензой горели нонче!.. В дороге-то...

– Ах!..

– Вот те крест!.. Ха!.. Бочка смоляная в одном обозе занялась!.. Недогляд.

– Ах ты ж!..

– Ну, и..., – громко стуча колючим кадыком, допил квас, вытер рукавом губы, – Ахнуло!..

К утру-то. Погорели...

– ... Слыхал?.. К утру!..

– ... Да тихо ты!..

– Я и говорю!.. Кто ж греет-то с коросином?..

– ... Ох, ты!.. С коросином?!..

– А он, мол «... я трошки, Миколай Степаныч!.. Для сугреву!..» Говорит!..

– Та ты шо?.., – бабка перекрестилась так, будто сама всё видела.

– Ну!.. С коросином!.. А то не ахнет?!.. Кто ж с коросином-то!..

И уехать не успеет весёлый ямщик, щедро ссыпав денег на стол, и ещё час-два будет возиться с лошадьми, весело покрикивая мальчишкам, окружившим сани плотным колечком, а по хутору уже бежит-торопится весть, от двора ко двору:

– Почитай два десятка домов сгорело в Пензе-то!..

– ... Та ты шо?..

– Рассказывал!.. Напрочь погорели!.. С детишками!..

– ... Ой, мама моя...

– ... Коросином полил, говорят, и сжёт к чёртовой матери, люди видели!... А потом и себя!.. Зарезал до смерти...

– ... Ой ты ж...

И шумел хутор взволнованный несколько дней, обрастая подробностями с изумительной скоростью. И вот через неделю уже следующий заезжий, молча хлебная борщи, поглядывает на хозяев, как на полоумных:

– Как так «сгорела Пенза?».. Шо вы мне тут брешете?.. Ни чё там ни сгорело. Шестой дён я в Пензе был. Всё тихо... Шо за дурак вам натрепал?..

И также ахнут покорно:

– ... Ах, натрепал же!.. Сука така...

...А шли новости тот год всё удивительнее. И народ уже посматривал на это дело недоверчиво. Вот, мол, сидит хороший человек. Сапоги кожаные. Гривенник посулил. И ведёт себя чинно. А как ляпнет... Хоть стой, хоть падай... Как тут верить-то?..

– Царь убёг, сказали... Насилу ноги унёс!.. Говорили – или в Париж подался, или до самой Франции побёг...

А народ слушает, и даже не думает ахать.

Ибо уж очень как-то удивительно. Совсем уже тут дураками считают нас, что ли?..

– Каждому дадут надел – бери сколько хошь. И лошадей дадут. По три штуки на рыло!.. О как!.. Как у буржуазии всё равно...

И ямщик в который раз оборачивается, глаза выпучивает, не понимая, чего так тихо в сениях-то, ушли, что ли? А люд дворовый молча слушает, скорбно переглядываясь. Будто взрослым людям дрянную сказку бают, и вроде пора рассказчику уже и морду бить, за усердие-то, а все ждут вежливо, мол, покушай, мил-человек, да и иди уже с Богом, тепло свинячее...

...А по весне как-то к обеду ближе хозяйский двор оказался распахнут воротами настежь, чего раньше случалось очень редко.

Огромные, отличной работы, с кованной обводкой, дубовые ворота с утра стоят нараспашку. И народец густо собрался под высоким крыльцом, а на крыльцо вышел барин, в пальто, и с чемоданчиком. Котелок с головы снял, на перильце поставил, вытер лоб платочком. Народ притих.

– Прощевайте, братцы!.. Уезжаю я от вас!.. Не увидимся более. Кого обидел – простите, Христа ради!..

Барин низко поклонился в ноги.

Из глубины толпы кто-то подал голос:

– Это куды ж вы, Савелий Иваныч?

Сто пар глаз уставились, как барин сошёл вниз, говорит ласково, прощаясь:

– Пароходом до Астрахани иду, Николаша. А потом... Видно будет.

И пошёл шепоток по углам.

– Уходит барин-то...

– Как «уходит»?..

– «Как»?.. Так!.. Слыхал, чё в Кузьминке с их барином сделали?... Те.

Барин прошёл в толпу, и та расступилась. Все смотрят на хозяина с ужасом.

– Такие вот нынче дела, Николаша.

Кузнец Николай высоко задрал брови и из глаз огромного, как утёс, кузнеца полились слёзы:

– Как же, Савелий Иваныч?.. А нам как же?..

Но слова его тут же утонули в разноголосице. Со всех сторон ринулся люд. Кто кричал, кто спрашивал, кто лез обнять и не отпустить:

– Да как же так, Савелий Иваныч!.. Да как же вы?!.. Сав... И как же теперь?..

Скоро всё слилось во всеобщий вой и плачь.

До этого крепившийся Савелий Иваныч, с трудом играя в беспечность, тоже прослезился и, не в силах более говорить от слёз, расцеловался с Николашей троекратно, обнял голосащую бабу Лушу и, обращаясь во всеобщей сумятице уже ко всем, с дрожью в голосе и весело крикнул своей десятилетней прабабке Тане, крестя и целуя её в лоб, вытирая слёзы перчаткой:

– Не поминайте меня лихом, родные мои!..

И продираясь сквозь горланящую толпу, барин совсем расплакался и, забравшись на пролётку, помчался из хутора прочь, и ещё долго народ махал ему руками вслед и плакал, и причитал.

Вот так вот.

Вишня

– За-а-а-апряга-ай-те-е, хлопцы коней! Тай лягайте спа-ачу-увать!..

– Ра-а-аспрыгайтэ, хлопцы конэй!, – тут же перекрикиваю я сверху с вишни, – Тай лягайте спа-чувать!..

– За-а-а-а-апряга-а-айте, хлопцы коней!, – в два раза громче упрямо начинает сестра, в такт стучая ладошкой по почти пустому ведру, в которое она дёргает морковку с грядки.

– Ра-а-а-аспрягайте-е!!...

– За-а-а-пряга-а-а-а...!!!

Нашу лягушачью какофонию прерывает зычный бас деда Толи, который с утра залез на крышу с молотком и тремя гвоздями в губах «шифер поворочать»:

– Та не мучьте ж скотину!...

Взрыв хохота во дворе заглушает даже радио. Бабушка Надя испуганно выскакивает на высокое крылечко из временки:

– Шо стряслося?

Тётка моя Зоя, красная от хохота, звонко кричит от стола под навесом, сама себя подзадоривая:

– Та вон Липка «коней запрягает», а Алька «распрягает», а дед им с крыши: «Не мучьте скотину!», – и опять закатывается смехом, давится вишенкой, и кашляет, а мама моя тут же хлопает её по спине кулачком, и тоже смеётся, чуть со стула не падает. Вареники с вишней они с утра лепят, уже второй столик подставили, потому что вареников налепили миллион, и уже подносы кончились, во скока вишни!..

– Та ну вас!, – баба Надя ничего не поняла, но видит, что всё в порядке, и грозит кулачком, измазанным вареньем, – Дурака валяете, ей-богу!, – для порядку «вставляет чертей», – Заканчивайте уже! Ещё вишню надо! Чё сидите?

Я на вишне сижу уже час, наверное. Не высоко, метра четыре, а вы попробуйте, продержитесь наверх! Вишни тут... Одуреть сколько! Снизу-то уже всю пооборвали, а на самом верху, на тонких веточках большими гроздьями качаются сразу штук по двадцать на каждой. Тяжёлые, спелые, чуть не чёрные уже. Такая отрывается мягко, так, что косточка остаётся на «хвостике». Собрать трудно. Сразу сорвать можно разве что парочку. Пожадничаешь, хапнешь побольше, чтобы не так часто тянуть руку, да половину уронишь, половину раздавишь в руке. А спелая вишня если не в траву упадёт, а на тропку – получается жирная кровавая клякса. Во какие вишни у деда! Вишню собирать нужно умеючи, за что меня (единственного внука при целом батальоне внучек!) и уважают, и одному только мне разрешают лезть на самый верх к тоскливой зависти сестёр. А лезть на дерево нужно босиком, и в одних шортах. Только дурак влезет на дерево в обуви и в пиджаке, уверяю вас. Вишня вроде и не колючее дерево, но цепляется вокруг тебя, спасу нет. А кора у вишни – гладкая, и в обуви тут делать нечего. «Грохниси!», – баба Надя наотрез отказала Липке, и шестилетняя Липка вульгарно и тщетно порыдала на всякий случай, но Липке торжественно вручили эмалированное ведро:

– Вот, смотри, моя сладкая, вот так за хвостик берёшь, и на жопку смотришь – если морковка жирненькая – ты её тяни, а если худёнька – хай ишо растёт! Хорошо?

И у Липки мгновенно высыхают слёзы, и глаза принимают размер бублика, когда бабушка у неё перед носом совершенно спокойно потянула за травяной пучок, и вытянула из земли морковку размером с пол-Липки!..

– Помогай бабушке, помогай!, – баба Надя притворно кряхтит, головой качает, спину себе гладит, – Кто ж ишо бабушке поможет, сладкая ты моя! Помощница ты моя!..

И Липка таскает между грядок ведро, хищно высматривая «жирненькие жопки», и всякий раз, с трудом вытянув здоровенную морковку, говорит негромко «О-о-о-о...», и смотрит на морковку, как на сокровище.

– Желтога-а-а-азая ночь!, – затягивает мама неожиданно, и тётка Зоя тут же подпевает, – Желтогла-а-азая ночь! Ты царица любви-и, ты должна нам помочь! Желтогла-а-азая ночь! Желтоглазая ночь!, – но дальше они не помнят, но не останавливаются, – На-на-на-аа! На-на-на! Желтоглазая ночь...

А дед с крыши кричит кому-то в сторону:

– Петро!, – выпрямился, с опаской балансирует, подходит к краю, – Почту носили уже?

– Та чего-то нету!, – слышим мы из-за соседского забора, и тут же бренчат чем-то железным, и собака лает, и на неё шикают, – Ну-ка! Чё орёшь?..

И дед ещё чего-то говорит, но по улице с рёвом мчится мотоцикл, набирая скорость, и дед в сердцах «тфу...», и ждёт, когда тот умотает подальше.

...А темнеет тут быстро. Марево летнего зноя, насытившись запахами зелени, закатывает сытое солнце за высокие тополя, тени становятся длинными и темнеют, и сверчки выходят на эстраду, настраивая струны перед концертом. Нас с сёстрами «накупали», сестёр «заплели», мне помазали коленку «зелёнкой», а на столе в прохладе сумерек на клеёнке парит здоровенная кастрюля с варениками, и в центр их брошен добрый кусок сливочного масла, и я вижу, как этот кусок дрогнул и потёк золотыми мутными слезами, проваливаясь глубже в горячее, а радио среди стремительно темнеющего вечера становится отчётливее:

– ... Зачем вы де-евушки-и... Красивых лю-любите-е...

Снежки

...Мне было лет восемь, наверное. Здоровенный взрослый мужик я был тогда, короче говоря. И учился я в школе в первую смену, и получалось так, что оставался дома я потом один по несколько часов. Отец мой всю жизнь технарь, водила и слесарь, и инструмента дома было... хоть с балкона кидайся. На балконе у нас был верстачок, на верстачке тиски, в ящиках отвёрток, напильников, пассатиж... Хоть завались! Чё я только не мастерил!.. Особым удовольствием для меня всегда было притащить на балкон поломанный приёмник, к примеру, и аккуратно и делово, с расстановкой, по-мужински разобрать этот приёмник до самого мелкого винтика, а потом собрать его обратно. Как обычно, конечно же, при сборке возникали проблемы, так как чтобы разобрать прибор, приходилось кое-что надломить, или просто выдрать это с мясом. Лишние детальки тоже вводили в недоумение, но я помню то удовлетворение, когда прибор собирался до конца, с обязательно порезанным пальцем и прищемлённым чем-нибудь. Вертя перед глазами очередную вещь для разборки, я с интересом кумекал, что это и как это устроено, и как это собрано, и вообще на кой хрен она, вон та железненькая пимпочка с колечком?..

...Первый раз меня долбануло током, когда я собирал электробритву. Совершенно неожиданно вдруг перед глазами оглушительно лопнул, искрясь, жёлтый пузырь, ослепляя и наполняя комнату пахучим горьким дымом, и по пальцам садануло, словно молотком, так, что было страшно посмотреть на руку, и, вздрогнув, я невольно отшвырнул отвёртку куда-то в потолок... Пальцы било дрожью, рот заполнился слюной. Вроде ни чё... Пальцы целые, но боль такая, будто действительно прибили молотком. Найдя глазами отвёртку, я опешил. Она была оплавлена замысловато, почти на половину! Железные капли застыли чернотой, а пластмасса рукоятки смялась, как пластилиновая, и застыла. Красотища. Осторожно потянув провода, я вынул горячую розетку из вилки. Бритва тоже была горячей и закопчённой. Испорчена вещь...

...А потом я играл с отцовским ножом. Прекрасный охотничий нож. Зёковский! Отец шоферил где-то возле зоны, и иногда прятал на балконе удивительные вещи. Самодельный кухонный набор, резные нарды. А нож, помню, был прекрасный. Да, это совсем не заводской! Наборная разноцветная рукоятка удобно ложилась в руку, ограничиваясь перед лезвием изящным усом. Зеркальное лезвие с глубокой заточкой покрыто мудрёным узором чернения. Я часами мог любоваться ножом. Тяжёленький... Лёжа на спине, я «летал» им, словно самолётом, озвучивая полёт. Нож был и ракетой, и самолётом, и вообще чем-то мощным и беспощадным. Идеально очерченное лезвие мягко рассекало пространство, совершенно не встречая ни какого сопротивления. В-в-в-в-в... Нож очерчивал плавный полукруг, медленно и величественно взмывая вверх, и, замирая в самой дальней точке, которую позволяла длина моей руки, разворачивался огромным инопланетным кораблём, и с шипением устремлялся вниз, проходя в миллиметре от моего уха, где так же плавно и мощно описывал дугу, пролетая над ковром, и опять зависал, пока я полз на пузе, приводя нож в секретное ложе между ножкой дивана и стеной. «... В-в-в-в-у-у-у-ф-ф...», – мощно свистел нож, приземляясь в свой ангар, и чуть отдышавшись, опять готовился к полёту.

И вставал в полный рост, и нож медленно парил вдоль полки с книгами, красиво огибал торшер, чуть-чуть не задевая мамино кружево, а потом мне приходилось проходить коленями по застеленной кровати, так как нож, ни на миг не останавливаясь, плавно и неизбежно парил, делая большую дугу вокруг телевизора, и, вернувшись в середину комнаты, и натужно пыхтя, набирал высоту, почти касаясь люстры, и вновь зависал там, играя между лампочек прозрачными разноцветными полосками рукоятки (моё любимое!), и, набирая массу, медленно разворачивался и стремился остриём вниз, и я опять ложился на спину, не сводя с ножа глаз: «В-

в-в-в-в-ффффф...», и нож медленно и плавно терял скорость, заканчивая полёт, когда я держал его уже двумя пальцами за самый конец рукоятки, и вдруг уронил.

...В двух сантиметрах ниже моего правого глаза тяжёлый нож равнодушно тукнул, воткнувшись в кость, и остановился на секунду в таком положении, пока я замер, не дыша. Постояв вертикально секунду, нож подковырнул со скрипом, и щипнул и дёрнул кожу, гулко свалившись на ковёр возле моего уха. Машинально прижав ладонь к глазу, я встал, и на заплетаящихся ногах побежал в ванную. Там самый яркий свет и зеркало.

...Под глазом ярко горит пунцовая опухлость, а в маленьком проколе ниже глаза судорожно застыла капелька крови. Очень сильно тошнило, и я чуть не упал, с трудом отгоняя из головы явную картинку с проткнутым насквозь глазом...

Несколько минут я сидел на диване, поглаживая с опаской всё пухнувший и пухнувший прокол, в сотый раз вспоминая происшедшее, стараясь не смотреть на нож. Звук втыкаемого в кость острия дурнил и подташнивал.

...Я положил нож на место, и больше не играл с ним, а вечером мама ругалась за ужином:

– Ты где подрался опять? Чё у тебя с глазом-то?.. Опять в снежки играли? Ну-ка, дай посмотрю...

А я пил остывший кисель, и помалкивал в тряпочку.

Мужики

... – Это что!.. Вот у нас тоже хохма была!, – дождавшись, когда хохот в теплушке более-менее стихнет, огромный Самат чинно кивает, приглашая послушать, а Андрюха тут же пытается его перебить со своей очередной байкой, но Самат уже начал, – ... Служил у нас, короче, сержант один. Муратик. Нормальный чувак. Киргиз. Хороший пацан. Зёма мой, из под Макаата откуда-то. И вот заступил Муратик на дальний пост, старшим наряда. А вагончик их чёрти-где, за сопками. На сутки уходят, и сидят там втроём, вагончик охраняют. «Тропосфера». И вот, короче, назначили тот раз к нам начальника штаба одного. Новенький офицер, молодой.

Тридцать лет пацану, а уже майор! Из Алматы прибыл. Понтуется, фурор наводит. Чуть что – в крик. И заступил этот майор дежурным по штабу. Ночью по всем постам каждые два часа названивает, пистон вставляет по телефону, чтобы не спали. Вредный чувачок!.. И вот, звонит он к Муратику на пост, короче, проверяет. А у Муратика в вагончике холод собачий! На улице – минус сорок, в вагончике минус тридцать. Сидят втроём в тулупах, следят друг за другом, чтобы кто не уснул. А-то ей-богу замёрзнешь, копыта откинешь. А этот звонит среди ночи: «Как обстановка?». Муратик ему спросонья: «Всё нормально у нас. Мол, «без происшествий». А тот давай его по уставу гонять: «Как фамилия?, – кричит, – Вы с кем разговариваете!, – орёт, – Вы в армии находитесь или где!?» Муратик ему по-доброму: «А вы, извините, кто?» А майор давай на визги переходить! Привык там в Алмате орать на солдат. Кричит: «Я начальник штаба части, майор Каракулаков*! Вы что себе позволяете, мол? Представьтесь по форме!» Ну, Муратик ему опять же, по-доброму: «А я сержант Аккулаков*. Старший наряда этого долбанного вагончика...»

Взрыв хохота заставляет Самата прищуриться:

– Такая вот хрень. Этот Аккулаков, а тот Каракулаков... Нашли друг друга, ё-моё...

– И чё?.. Ха-ха-ха!.., – Петрович утирает слёзы, смеясь до красноты, – Чё было-то?...

– Да чё было?... Ни чё не было... Майор этот шумел страшно, говорят. Командиру части названивал, жаловался, требовал под трибунал Муратика отдать. Думал – издевается над ним салабон...

Мужики ржут с удовольствием.

... – Командир у нас был нормальный мужик. По телефону ему объясняет, мол, чё ты орёшь? Ты Каракулаков, а он Аккулаков... Чё тут такого?.. А майор упёртый... Долго не верил... Обижался...

...У нас законный «обед», и нам греться в теплушке ещё полчаса.

... – А у нас тоже..., – Валера-крановщик досмеялся, сигарету прикуривает вкусно, – Молдованин служил один. Фамилия смешная – Чобля. (мужики тут же ржут заранее). Подожди!.. Хороший парняга. К концу службы до старшины дослужился. И всю дорогу у него с фамилией проблема!.. Он в узле связи был. Кто не позвонит на их пост – недоразумение. Представь – звонит какой-нибудь полкан* из управления, а ему в трубку: «Чобля!» Тут у их серьёзная контора – Московский военный округ, генералитет всю дорогу названивает, а тут каждому второму надо объяснять – мол, это не пьяный салага хулиганит, это старшина Чобля трубку поднял...

Мы смеёмся, и каждый невольно примеряет фамилию, словно пробуя на вкус:

– Чобля!... Надо же... Ё-моё... Чобля... Бывает же... Ха-ха-ха...

... – Много историй... Мно-ого... У нас вот тоже..., – Петрович закашлялся надолго, подавившись своей «Примой», шумно прочистил горло и высморкался, – Тфу, блин... Ну так вот, – продолжает он осипшим голосом. Петрович у нас самый старший. Дед уже. Мужик взрослый, – Работал я в одной конторе... Угу..., – дым выпускает через ржавые от никотина усы, и опять кашляет, – Ды шшто тты... И вот короче наше СМУ* закинули в самую степь как-

то. Нефтеперерабатывающий завод под Актау мы строили. Только котлован вырыли, блоки завезли, «стаканы» ставим. Тоже вот так вот – забор под небом и пять вагончиков... В одном вагончике – управа, в другом – столовая... А бухгалтером у нас была одна... Наташка Ивановна... Девка смирная и скромная, а муж всё её гонял, говорят, по-чёрному. Ни про что гонял. Ревнующий, говорили, как зараза... Она и повода никогда не даёт, а всё с синяками ходит... И вот я как-то к ним в вагончик за нарядом захожу, смарю, а там – никого. Начальник всех баб к себе на планёрку созвал. А я смарю – телефон на столе у Наташки разрывается. Поднимаю – мужик мне строго: «Алё!», – Петрович с трудом сдерживает смех, утирая слезу рукавицей, – Я грю, мол, и кого вам?... А тот орёт, мол, позовите Нетребко! Это Наташку-то... Ну, я смарю – рядом ни кого, и в трубку ему (прыскает смехом, не удержавшись): «А... Это вам шалаву эту что ли?», – и Петрович смеётся в голос, – «Щас говорю, позову, где эта патаскуха шаландается опять...», – Петрович смеётся и закашливается, сквозь кашель взвизгивая: «Так и сказал... Шалаву... Ха-ха-ха-ха!... Для смеху!..»

Растянув наготове рожи для хохота, мы с мужиками неловко лыбимся, глядя как старик судорожно кашляет сквозь смех:

– Говорили – ушёл он от неё. Муж-то... Ха-ха-ха!... Недельку вся синяя ходила... Ха-ха-ха...

Тут в теплушку заглядывает наш бугор Николай Николаевич:

– Чё сидим, мужики?, – кричит он обиженно, – Я же просил – в два ровно быть на площадке! Битум стынет!.. Чё сидим, бля?!

И мы шумно собираемся и гуртом выходим на мороз.

Самат вышагивал впереди, хмуро скрепя кирзачами по снегу, бормоча под нос:

– Во, мудака... Ц-ц-ц...

*Каракулаков, Аккулаков** – с казахского языка буквально – «Черноухов, Белоухов».
*полкан** – полковник.

*СМУ** – строительно-монтажное управление.

Кудесник Коля

Жил да был в нашем селе один мужичок. Мужик, не мужик, а паренёк один. Лет тридцать ему было, или чуть за полтинник, не помню точно, но пацан уже отслуживший, короче говоря. И звали его Колей. То есть не звали его никто никуда, а имя у него было такое – Николай. Я слышал, что мужик он был хороший, и его то Коляном, то Мыколой пытались, а он всегда скромненько так, но твёрдо: «Нет, ребята, зовите меня просто – Николай.»

И было у Николая как в песне – ни кола, ни двора. В общаге он нашей комнату занимал, короче говоря. А общага наша была на самом краю посёлка, как пройдёшь овражком, и чуток повернёшь мимо дома бабы Тани, так сразу спускайся вдоль реки (там, кстати источник святой у нас!), и иди повдоль коровника, и почти возле самого кладбища – резкий поворот на шоссе-сённую дорогу. Видите? Вот так если прямо по прямой пойдёте, то через 1294 км вы будете уже в Тольятти, а чтобы к общаге подойти, то это вам надо совсем в другую сторону. Вон там, прямо на краю улицы белёный дом без крыши за заборчиком. Видите? Вот это она и есть.

А леса тут, мужики... Нигде таких лесов я не видал больше. Нет, всяк кулик, конечно, свои Хельсинки нахваливает, а таких лесов, как на Кубани-матушке нет ни где на свете. Вы когда-нибудь видели дуб высотой в полста метров? И тот дуб у комля вдесятером разве что обхватишь! А кора такая глубокая-корявая, что по ней, как по ступеням ходить можно. А вишню с яйцом вы видели? Сами вы «тополь»! Я вам про дуб, а вы мне... Тополя тут такие, что их самолёты облетают. Между веток. Клянусь! Вот вы возьмите сейчас яблоко средних размеров и ножик. Возьмите-возьмите! Осторожно яблоко разрежьте пополам. Теперь одну половинку положите жопкой кверху на ладонь. Положили? Вот хотите верьте, а хотите нет – а на Кубани у нас такие божьи коровки. Вы не смейтесь, вы вторую половинку кушайте на здоровье, а эту на руке взвесьте. Представляете? Божья коровенция таких габаритов. У нас и мотоциклистов нету по-этому. Не дай бог такая коровьяка в харю... На бреющем полёте. А червей дождевых вы у нас видели? Да-да, червей. Для рыбалки. Угу, посмотрел бы я на вас... Тут у нас черви, как... Вы ветчину кушаете? Колбаса такая. В магазине видели? Здоровенная такая колбасища, на ногу уронишь, хромать будешь, ей-богу. Такой колбасенцией если хорошенько размахнуться, можно от бандитов обиваться! А-то! Вот так вот двумя руками взяться, и по морде ветчиной с размаху. Попробуйте. Ну, так вот, врать я не буду – черви тут у нас чуть-чуть поменьше, конечно, но длинные-е-е... Сколько раз помню, на рыбалке начнёшь червя из баночки доставать, тянешь его, тянешь, тянешь его, тянешь... А он не кончается! Уже наматываешь его, падлу, наматываешь, а он всё тянется и тянется... А вы чё думали? Да тут черви, как сволочи огромные! Рыба из воды выскакивает от испуга! К реке подходишь – отовсюду рыбки рожи из воды выглядывают, боятся, что ты червей припёр опять! Были бы руки у рыбей, они бы ими крестились бы, ей-богу! У рыбков, я имею ввиду. Ну, у них, короче.

И вот, короче говоря, наш Николай очень любил нашу природу. Да и как не любить её? Красотища вокруг такая, что... Очень красиво, короче говоря. А Коля-то ишо и с прибабахом парень. Увидел на полянке – осинку ветер уронил. А осинка ровненькая, чистенькая, на пенёчек прикорнула, лежит себе, как качеля. И Коля приладил осинку к пеньку, обстрогал лишнее, глядишь, и народ приметил. Тут народу много ходит. Раньше обычно присядут на пенёк, отдохнут, да красоте порадуются, а теперь гляди, качелька, и приятно и красиво. Николай качельку с обеих сторон сидушками снабдил, да не простыми, резные мудрёные полешки сложил, и со спинкой, и с перилыцами. По всей осинке прошёл узором лихим, петухами серёдку расписал, а по бокам кренделей всяких нарезал собственноручно. Кто не выйдет на полянку, так и ахнет! Не качелька, а диво-дивное! Сколько раз видел – выползет из чащобы грибок какой, язык на плечо, паутина в волосах, весь во мху и комарах, а тут качелька стоит, словно в раю, и ахнет грибок, аж корзинку уронит, и сопля из носу тянется до земли – чудо-неви-

данно! И всяк к качельке подступает с опаской, озирается: это чья ж красота такая неопишная? И вдоль качельки пройдёт, и со всех сторон посмотрит-заглянет, и опять оглянется – да чё ж это чудо такое среди лесу? И качается на качельке народ, и осторожно и бережно, и жалеет её, глаз с неё не сводит, не налюбуется. Да на такой качельке нешто матюкнуться, а даже небритым сидеть неловко было, ей-богу! Стали люди замечать – кто к качельке идёт перво-наперво и помоемся, и принарядится прилично. Вон девица-красавица катается, умница-прелестница, щёчки румяные. Корзинку с другой стороны поставила, ножками землю толкает, смеётся-заливается. А вот и старица присела потешить себя, да и зарделась вся, вдруг кто увидит, мол, села кататься старая дура, шо дитя малое. А Коля всё не успокоится, когда никого нет, то по бокам качельки лаком красную рябину гроздьями добавит, то на сидушках бубенцы приладит! И всяк кто увидит, ахнет ещё громче – ой, ещё краше качелька! С каждым днём краше! По всему селу только и разговоров, что про качельку в лесу:

... – А вчерась иду, гляжу – а на качельке-то узор резной, да всё цветами, да ягодками расписано!

– Так то вчера! А сейчас смотри – на торцах ишо и розами алыми, да с золотой прожилкой!

– Бреешь!

– Та шоб я здох!

И бегут к качельке всем гуртом, и ахают хором! Ах, красота-то какая! Ах, мать его так!..

И к Николаю нашему вопрошает один:

– Всем ты хорош, —говорит, – Николай! И мастер ты на все руки, прям кудесник народный! А в одном ты, Коля, не учёл – сколько тебе эта качелька прибыли приносит?

А Коля-дурак и не поймёт, о чем вы, товарищ?

– Всё должно прибыль приносить, – говорит ему, – Да такая качелька в одной Москве небось сто тыщ стоила бы!

– Та ты чё?, – ахнул Коля и умер.

– Ей-богу! Сам посуди – в день на ей человек сорок катается, а тебе с того чего?

– Чего?

– А того. Качается себе качелька без толку без проку. Хоть копеечку приносила бы в час, и то тебе на курево. Или ты богатый?

– Кто?

– Конь в манто!

И охмурил-таки Колю, ухарь нечистый!

– Вот смотри, это бизнес-план. В «земельном» у меня связи, выкупим полянку, поставим заборчик резной. Заборчик-то ты сумеешь?

– Да я!.., – у Коли глаза разгорелись. Сколько работы впереди!, – Да я такую красоту наведу, что никто и не видел раньше!

... – Вот тут надо будет урны поставить..., – бормочет делово над бумагами, – А тут надо ещё парочку... Тут можно «мороженное» поставить, а тут парковку придётся... Стоимость надо будет повысить, но только после презентации... У тебя сайт есть?

И Колю как током. Сайт! Мужу под сорок уже, а у него сайта нет до сих пор!

... – Разместим в блоге фотки, твой телефон сотовый выставим... Надо в рекламном слоган заказать... «Кто не пил пивка у Коли – счастья тот не знал доколе!»... Пойдёт?.. Насчёт логотипа надо тоже подумать... «Коля... качелька.. Коля...»... Так не пойдёт. Не в тренде... У тебя фамилия какая?

– Чё?, – задыхается Коля.

– Кий в плечо. Фамилия у тебя какая? «Иванов» вроде?

– Да. Иванюшев.

– Не. «Иванюшев» тем более не пойдёт. Надо по респекту. Чё-нибудь в теме... Ну... Ладно, я сам этим займусь...

И целый час ещё обсуждали, и Коля своим ушам не верил, и совсем задохнулся почти. И теперь решено уже, что у Коли есть коммерческий директор, и Коля у нас не Коля совсем, а Айвон-Ник, потомственный мастер, обучившийся у старинных гениев итальянского зодчества, о чём прописано в сертификате и на личном сайте «Аттракцион-глобал-компани-корпорейшн-ин-лимитед». И мгновенно уже даже готов проект видеоролика рекламы:

«... Из темноты на экран капают яркие мультяшные буквы, смешно расползаясь, словно козявки, и выстраиваясь в надпись «Аттракцион...», и вот камера крутится вокруг Колиной расписной качельки, ускоряясь, а рядом с качелькой на травке дети танцуют хип-хоп: «Надоело быть маленькими-ми-ми-ми-ми! Надоело быть маленькими-ми-ми-ми-ми!...» И в центре качельки, оседлав её, словно брыкающегося мустанга, шлёпая в такт музыки себя по заднему карману джинсов, губастый парень в очках и с нелепой причёской ловко спрыгивает в крупный план: «Безумное количество невероятных аттракционов от Ника-Айвона! Развивающие игры для малышей и взрослых!.. Акции и суперскидки на коллективные заявки, прохладительные напитки и многое другое! Ваш ребёнок будет безумно счастлив!» И парень вытаращивает глаза навывкат, и камера спускается вниз, а внизу оказывается парня уже дёргает за штанину белокурый ангелочек трёх лет с накрашенными губами: «А мозына я исё покатаюсь?» И парень умиляется: «Конечно же можно!», и малыш весело бежит к смеющейся толпе детишек, уплетающей чипсы перед стартом, мечтательно вздыхая на ходу: «Вот бы каздый день так!»...

... – И это только начало, Ник!.. Я заказал оборудование, нам нужно увеличить темпы. Уже дали добро на открытие филиала в Фёдоровке и в Дальних Песках. Только там просят чтобы ты сказал в рекламном ролике: «Спасибо за поддержку главе местного управления господину Кондрашкину Юрию!»... Слово в слово!.. Хорошо?

– Хорошо.

И Коля наш совсем перестал уже ходить к нашей качельке. Той самой, первой. Коля был занят. Качелек понадобилось много, их модернизировали, и долго совершенствовали неоновые надписи. А потом у них были неприятности. Кто-то кого-то «кинул», а Кондрашкина ихнего посадили за воровство, и с рекламщиками были разборки. Но «Аттракцион» выпутался, и снова заработал на полную мощь, разнообразив качельки вертелками, тарзанками и тошнилками, и вообще расширил ассортимент, открыв филиал «Диснейленда» где-то под Самарой, выкупив право на использование брендов «Чудо-йоргут» и «Йога-чудо». А наша качелька очень быстро обветшала, потрескалась и лопнула вдоль. И в конце концов, говорили, что какие-то придурки жарили рядом с ней шашлык и разобрали качельку на дрова...

Верочка

...Да, некрасивый Сергей Игоревич.

Большой, толстый, лысый. За столом чавкает, рот лоснится от жира. Говорит всегда одновременно жуя и хохоча, брызгая слюной. Тфу!.. Его секретарша, тридцатилетняя Вера, терпеть не может «босса». И всякий раз подмечает всё новые и новые некрасивости. Да и какой он Сергей Игоревич? Он её года на два старше всего, наверное. На ворованные деньги сколотил фирму по продаже стройматериалов и стал большим начальником. А сам в носу ковыряет. Фу! Смотреть противно. Как глянешь на него, так и воротит! Разве это мужик? Жирная свинья. Причём наглая и невоспитанная. «Корпоратив» опять собрал после работы!.. Весь коллектив пригласил, что бы опять сидеть во главе стола, расставив жирные ляжки и, чавкая креветками, про Турцию рассказывать. За столом собрались все двенадцать человек. Даже охранника Лёшу притащили. И Сергей Игоревич «поляну накрыл» для работников, тут и мясо и шампанское и два вида вина для женщин... А сам хозяин торжества сидит выше всех, жрёт, аж за ушами трещит, и других подгоняет. И никто не посмеет отказаться. Если решил он расщедриться – попробуй только откажись, посмей только не есть! Посмотрит так, будто на вора какого... Ох, и ненавидит же его Вера. Домой надо бежать, с Ленкой уроки учить, а этому борову одному скучно, денег куры не клюют, вот и собрал слушателей:

– А в Турции шашлык говно..., – начальник неторопливо вымывает языком десну, собирая ошмётки креветок и сглатывает, запивая «Варштайнером», – Заказал в горшочке, думал... – Ту-урция!.. Цык... Говно. Ничем от нашего не отличается.

Все молча жуют, не понимая, шутка это или что?.. На всех взял десять литров «Жигулёвского», а перед собой «Варштайнер» поставил, три бутылки, говорит медленно, громко, с расстановкой:

– И, между прочим, в Праге тоже ни чё интересного... И «баранина на косточке» там говно, и утка по-пекински... Тоже...

Боже, какой противный, мерзкий человек!.. Срыгивает, деликатно прикрываясь салфеткой:

– Звыняюсь...

И опять чушь какую-то мелет.

Из ресторана напротив для понтов пригласили двух официантов, и Сергей Игоревич строго бдит, что бы они «отработали» на совесть:

– Я тебе за какой хер плачу?, – ловит он одного из них на мизинец за фартук, когда тот бесшумно пробегает мимо, – Ты чё, лоха во мне увидел?

Ничего непонимающий худющий парень с тяжёлым подносом в руках вопросительно улыбается и ждёт, когда Сергей Игоревич выдержит длинную паузу и продолжит с упрёком:

– Мусси долго ждать?

Нахватался названий всяких по заграницам, аж слушать противно. Верочка всякий раз еле сдерживает презрение от его «тирамису и мусси». Всех лакомств названия знает, свинья жирная. Официант, небось, тоже еле сдерживается. Бегом притащил полный поднос тарелочек с какой-то сладкой пастой, торопливо суетится, обмирая от мысли: «Только бы не уронить чего...»

– А в Вене, между прочим, Ирочка, мусси вообще говно!, – Сергей Игоревич горько поджимает мокрые губы, обращаясь к своему заму Ирине Ивановне, и отправляет крохотную ложечку себе в рот, хмурит брови, придирчиво пробуя мусси на вкус...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.